

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО

ФИЛОСОФИЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научный журнал
Том 5 (71). № 3

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского»
является историческим правопреемником журнала «Ученые записки
Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2019

Учредитель – КФУ имени В. И. Вернадского.

Регистрирующий орган – Роскомнадзор.

Печатается по решению Ученого совета Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского, протокол № 1 от 30 августа 2017 г.

Главный редактор – Шоркин Алексей Давыдович, д-р филос. н., проф.,
КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Редколлегия:

Берестовская Д. С.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Вигель Н. Л.	д-р филос. н., проф., РГМУ (Ростов-на-Дону)
Габриелян О. А.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Грива О. А.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Кузьмин П. В.	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Лазарев Ф. В.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Морозова Е. В.	д-р филос. н., проф., ГПГУ (Краснодар)
Николко В. Н.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Романова А. П.	д-р филос. н., проф., Гуманитарный институт, АГУ (Астрахань)
Рыскельдиева Л. Т.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Карабыков А. В.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Федорова М. М.	д-р полит. н., Институт философии РАН (Москва)
Юрченко С. В.	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Ответственный секретарь: Данченко Н. Ю.

Редактор электронной версии: Валуев Д. Г.

Техническая корректура: Кузьменко Н. С.

Ответственные за выпуск:

Андрющенко И. А.	к. культурологии, доц., КФУ им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Гросфельд Е.В.	к. полит. н., доц., КФУ им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Зарапин О.В.	к. филос. н., доц., КФУ им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Рыскельдиева Л. Т.	д-р. филос. н., проф., КФУ им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Контакты редакционного совета серии:

Тел.: +7-978-016-5387 Факс: +7 (3652) 54-52-46
E-mail: natalya_danchenko@rambler.ru
Сайт: <http://sn-philcultpol.cfuv.ru/>

Журнал включен в перечень ВАК под № 2169 от 20.07.17.

Подписано в печать:

Формат 70x100 1/16 10 усл. п. л. Заказ № НП/78

Тираж: 50 экземпляров (бесплатно)

Отпечатано в отделе редакционно-издательской деятельности

КФУ имени В. И. Вернадского

295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4

УДК 101.2

«ДРУЖЕСТВЕННЫЙ АГОН» КАК СПЕЦИФИКА КОММУНИКАЦИИ В ФИЛОСОФСКОМ ДИАЛОГЕ

Зарапин О. В.

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская
федерация*

E-mail: zaraoleg@yandex.ru

В статье ставится проблема специфики философского диалога как практики осмысленной коммуникации. В качестве подхода к рассмотрению данной проблемы рассматривается идея размежевания диалога как априорной формы и эмпирического феномена речевой жизни. На материале диалога «Протагор» Платона обосновывается тезис, что априорная форма и эмпирический феномен диалога соотносятся как внутренняя цель диалога (дружба) и внешняя цель (состяжание). Различие между внутренней и внешней целями диалога определяет особенность философского диалога в виде беседы как интеллектуального взаимодействия собеседников. В философском диалоге беседа и мышление взаимосвязаны, мышление реализуется в качестве коммуникативно нагруженного действия, основу которого составляет совместный поиск смысла как речевая деятельность, нередуцируемая к таким проявлениям, как обмен мнениями, дискуссия или спор. Делается вывод о том, что спецификой философского диалога является речевая ситуация осмысления как ситуация трансформации способа целеполагания, в рамках которой внешняя цель не заимствуется диалогом из окружающей среды речевой жизни, но продуцируется диалогом с точки зрения его внутренней цели.

Ключевые слова: философский диалог, осмысление, внутренняя цель, внешняя цель.

О смысле и цели философского диалога (постановка проблемы)

Греческое слово «διάλογος» обозначает беседу, но в наше время под диалогом подразумевается, прежде всего, классический вид философского текста – запись беседы с мудрецом. При этом сам термин «диалог» сейчас обнаруживает множество других значений: это и повседневный разговор, и публичный обмен мнениями как форма общественной жизни, и речевой жанр, и коммуникативная технология, и метод познания, и режим обработки информации и т. д. В атмосфере такой многозначности диалог как особый вид специфической – осмысленной – философской коммуникации легко смешивается с разговорами, обменом мнениями или познавательной активностью. Это создает видимость того, что для начала диалога в философии достаточно высказать свое мнение, артикулировать собственную точку зрения, предложить оригинальный взгляд на вещи, высказать провокационный тезис.

Эта видимость возникает в *pendant* расхожему мнению о том, что философствование заложено в природе человека и выражает его естественную потребность. Сведение философии к потребности, а философского диалога – к естественным формам речевой жизни (разговору, обмену мнениями или совместной деятельности) есть *редукционизм* того же типа, что и *metaphysica naturalis*. Его эпифеномен – эффект гетерономии, при котором философия инкорпорируется в разнообразные и привычные речевые формы (литературно-художественный диалог, научный диспут, повседневная разговорная речь и т.д.) в качестве интеллектуальной «добавки», украшающей и обогащающей всякую речевую практику, придающей ей некий «философский контекст». Такой «натурализованный» редукционизм делает само понятие философской коммуникации ситуативно перегруженным. Гетерономно понятая философская коммуникация, служащая фоном или средством достижения известных жизненных целей, будучи погруженной, например, в речевую ситуацию эпистемологического характера, станет по смыслу совсем иной, тем более, если рассматривать ее с точки зрения этики. Это не просто типологическое различие, но дефицит сущностной идентичности, прочитываемый как следствие редукции диалога к его эмпирическим проявлениям в речевой жизни. Осмысленная коммуникация превращается в совокупность коммуникаций, каждая из которых обладает ситуативной самодостаточностью и задействует отдельный язык.

Но что если диалог может быть реализован напрямую в качестве некоей формы, приуроченной не природой человека, а специальным механизмом философской рефлексии? Реализован в качестве априорной формы, не зависимой от обстоятельств и контекста беседы? В таком случае философская коммуникация оказывается способной создавать разные речевые ситуации: познавательную, «пойэтическую» или нравственную, не впадая в противоречие между ситуативным узусом и общей «грамматикой смысла». На вопрос – что есть в таком случае диалог как непосредственно реализуемая априорная форма? – мы можем ответить: философская *практика осмысления*. И тогда поиски её специфики со всей очевидностью приведут нас к сократовско-платоновской традиции.

Особенности коммуникации в платоновских диалогах

Каким образом в рамках сократовско-платоновской традиции задается различие между тем, что мы обозначаем в виде априорной формы диалога и его эмпирического проявления? Опираясь на анализ платоновского диалога «Протагор», мы попытаемся обосновать тезис, согласно которому данное различие задается как различие между внутренней целью диалога в виде дружелюбия и его внешней целью – в виде превосходства над Другим, достигаемого через состязания в речевом агоне (*ἄγων λόγων*).

Дружелюбие и состязательность

В платоновских диалогах отражением агона является тема «*состязания в речах*» (*ἄγων λόγων*). Подобный речевой оборот устойчиво фигурирует в обсуждениях, связанных с софистами. В диалоге «Софист» мы встречаем такую характеристику:

«Захватив искусство словопрений, он стал борцом в словесных состязаниях» [3, С. 343]. В диалоге «Протагор» можно найти свидетельство в пользу того, что критическое отношение Сократа к агонистическому по своей сути стремлению софиста к победе в споре определяет саму сократовскую точку зрения на то, каким образом должна строиться философская беседа. В этом смысле сократовский диалог отнюдь не прямой интеллектуальный наследник агона, но, как бы мы сказали, его зеркально перевернутое отражение, которое нужно воспринимать в движении от противного. Особенность сократовского подхода к тому, как и для чего строится философская беседа, вырисовывается на фоне агона, но не прочитывается напрямую исходя из его установок, здесь нет мысли о том, чтобы непосредственно подражать агону в речах, переняв без каких-либо изменений свойственный ему тип поведения и взяв за образец речевой деятельности стремление к арете в традиционном соревновательном значении демонстративного превосходства над другим.

Как понять маневр Сократа, и о каком изменении в культуре он свидетельствует? Изначально рассчитанный на аристократию и связанный с досугом и материальными затратами, со временем агон трансформировался в профессиональный спорт, где победителями становились выходцы из народных низов. Это подрывало и дискредитировало саму идею превосходства как идею именно аристократической формы жизни и всех ее социальных импликаций. Показательно, что, сравнивая беседу с состязанием в беге, Сократ упрекает Протагора в том, что подобно профессионально тренированному атлету тот не дает своему оппоненту бежать нога в ногу, в результате чего беседа превращается в бессмысленную трату времени и лучше заняться делами (*ἀσχολία*), чем пытаться преодолеть себя и оспаривать превосходство другого. Обратим внимание на этот фрагмент, в котором Сократ отвечает на просьбу продолжить беседу: «Но сейчас это все равно что просить меня следовать вдогонку за Крисоном гимереяцем, бегуном в расцвете сил, или состязаться с кем-нибудь из участников большого пробега, а то и с гонцами и не отставать от них. Я бы тебе сказал, что сам к себе предъявляю еще гораздо более высокие требования и хотел бы поспевать за ними в беге, да только не могу. Но если уж вам непременно хочется видеть, как я бегу нога в ногу с Крисоном, то ты проси его приноровляться ко мне, потому что я-то скоро бежать не могу, а он медленно может. Точно так же, если ты желаешь слушать меня и Протагора, проси его, чтобы он и теперь отвечал мне так же кратко и прямо на вопросы, как сначала. Если же он не хочет, что это будет за беседа? Я по крайней мере полагал, что взаимное общение в беседе – это одно, а публичное выступление – совсем другое» [2, С. 221–222].

Стоит отметить противопоставление взаимного (греч. ἀλλήλων: взаимно, между собой, друг с другом) общения в беседе и публичного выступления (греч. δημιῳορέω: выступать с речью перед народом, ораторствовать), встречающееся в «Протагоре». Из его контекста ясно, что стремление к превосходству над оппонентом, которое демонстрирует Протагор, произносится в ответ на каждый вопрос длинную и путаную речь (*μακρολογία*), уместна в ситуации публичного выступления. Например, в народном собрании, когда она рассчитана на эффект зрительного зала, соотносимый с эффектом публичного внимания к победившему в

соревновании чемпиону. Философский диалог не рассчитан на победу, достигаемую ради общественного внимания, и взаимности более подходит краткость в речи (βραχυλογία), которой должен владеть мудрец (σοφός), коим, по признанию Сократа, является Протагор. Краткость есть условие диалога, а длинная речь превращает его в монолог, собеседник и окружающие оказываются в роли зрителей, удерживаемых на определенной дистанции.

Выражая свое понимание беседы в сравнении с состязаниями в беге, Сократ говорит как бы на чужом языке и выдвигает неуместное и даже противоречивое в соревновании условие двигаться нога в ногу, чтобы не обогнать соперника, но, с другой стороны, напротив, предлагает сблизиться с ним и действовать на одной линии. Ты силен (δύναμαι: мочь, быть в состоянии), а я бессилён (греч. ἀδύνατο: слабый, немощный, а также и негодный) – говорит Сократ Протагору – и должен уступить (συγχωρέω: уступить дорогу, сблизиться, согласиться), чтобы беседа продолжалась [там же, С. 221].

Протагор, отвечая Сократу, утверждает, что его требование уступчивости не укладывается в рамки софистического искусства (ἄγων λόγων) и выглядит абсурдным в контексте стремления к превосходству (βελτίων) и славе (ἀγαθός). «Я уже со многими людьми состязался в речах, но если бы я поступал так, как ты требуешь, и беседовал бы так, как мне прикажет противник, я никого не превзошел бы столь явно, и имени Протагора не было бы меж эллинами» [там же, С. 220–221] – говорит Протагор. Если диалог не есть состязание в речи, в ходе которого определяется сильнейший, в чем выражается уступчивость как особенность его коммуникативной ситуации?

Ответ на этот вопрос можно найти в речи Продика, одного из участников беседы Сократа с Протагором: «Я тоже, Протагор и Сократ, прошу вас уступить друг другу: можно спорить о таких вопросах, но не ссориться. Спорят ведь и друзья, которые хорошо относятся друг к другу, а ссорятся противники и враги. Так-то и вышла бы у нас великолепная беседа, и вы, собеседники, заслужили бы от нас, слушателей, величайшее одобрение, но не восхваление: одобрение возникает в душах слушателей искренне, без лицемерия, словесное же восхваление часто бывает лживым и противоречит подлинному мнению людей; с другой стороны, и мы, слушатели, получили бы, таким образом, величайшую радость, но не наслаждение: радоваться ведь свойственно познающему что-нибудь и приобщающемуся к разуму с помощью мысли, наслаждаться же – тому, кто что-нибудь ест или испытывает другое телесное удовольствие» [там же, С. 223]. В этом тексте мы находим существенные указания, проясняющие специфику диалога как философского поведения в речи. Уступить друг другу в разговоре (Продик использует тот же глагол συγχωρέω) – значит обозначить границу между дискуссией (ἀμφισβητέω в значении «спорить», «расходиться во мнениях») и словесной перепалкой (ἐρίζω означает «спорить» в ряду таких значений, как «ссора», а также «соревнование»), что проявляется в отношении к Другому как другу (φίλος), но не противнику и врагу (διάφορος). Бесконфликтность диалога соответствует внешней обстановке, размежевания спора и ссоры, друга и врага проецируются в окружающее пространство диалога.

Диалог влияет на слушателя и подвигает его к различию между одобрением в душе (греч. εὐδοκίᾱ: иметь славу, быть в почете) и словесным восхищением (греч. ἐπαίνεω: прославлять), а также к различию между интеллектуальной радостью (εὐφραίνω) и телесным наслаждением (ἡδομαι). Если мы сопоставим два ряда: ссора – враг – словесное восхваление – телесное наслаждение и спор – друг – одобрение – интеллектуальная радость, то легко увидим, что *диалог воплощает тип поведения*, который не считается с агона, а прямо ему противопоставляется. Среди прочего существенный пункт такого противопоставления заключается в вопросе о том, кто будет судьей в споре Протагора и Сократа. Законный вопрос в ситуации соревнования вызывает трудности, когда состязание в речах (ἄγων λόγων) перестраивается в диалог, где арбитром выступает ни лучший, ни худший, и не равный и приходится руководить всем сообща: «Ради этого вовсе не требуется особого руководителя – вы будете руководить сообща» [там же, С. 224].

В диалоге задействованы все характерные для агона роли – арбитр, зрители, участники – но в совершенно нехарактерном для агона качестве, поскольку между участниками, зрителями и арбитром нет четко обозначенных границ и тот, кто сейчас выступал в роли зрителя, свободно принимает роль спорящего, а в следующий момент он уже участвует как судья. Если словесное состязание связано с арете в значении превосходства над Другим и славой, которая достигается как результат превосходства, какое альтернативное толкование арете предполагает диалог, основанный на уступчивости?

Разбор этого вопроса составляет важную часть диалога «Горгий» [1, С. 309–311]. Каллик в беседе упрекает Сократа в том, что его занятия философией подобны ребячеству и годятся лишь для молодого человека, но не могут считаться достоинством взрослого мужа. Стоит подчеркнуть, что рассуждения Каллика развиваются в рамках характерного для агона тезиса, согласно которому понятия лучший (βελτίων срав. ст. ἀγαθός: хороший, доблестный, знатный) и сильный (κρείσσων: могущественный, властвующий) – тождественные [там же, С. 313], а превосходство человека есть жизненная цель, реализуемая исключительно в контексте публичности как стремление к общественному признанию и славе.

Признавая пользу философии для молодого человека, Каллик продолжает: «Но когда я вижу человека в летах, который все еще углублен в философию и не думает с ней расставаться, тут уже, Сократ, по-моему, требуется кнут! Как бы ни был, повторяю я, даровит такой человек, он наверняка теряет мужественность, держась вдали от середины города, его площадей и собраний, где прославляются мужи, по слову поэта; он прозябает до конца жизни в неизвестности, шепчась по углам с тремя или четырьмя мальчишками, и никогда не слетит с его губ свободное, громкое и дерзновенное слово» [там же, С. 310]. Философия делает человека слабым – это мнение Каллика становится предметом сократовской рефлексии. В её ходе традиционное *агонистическое арете* как превосходство над другим переосмысливается в философское арете как превосходство над собой

(ἐαυτοῦ ἄρχοντα). Оно достигается как «воздержанность, умение владеть собою, быть хозяином своих наслаждений и желаний» [там же, С. 318]¹.

Дружественный агон

Связаны ли воздержанность как интеллектуальное усилие самодисциплины и уступчивость как речевое усилие, реализуемое в практике ведения диалога? Обратим внимание на оценку Сократом ораторского искусства в качестве сноровки [там же, С. 280] (греч. ἐμπειρία: опытность, ремесло, рутина), нацеленной на угодничество (греч. κολληεῖν: лъстивая речь, заискивание). Доказать свое превосходство над другим и тем самым вызвать восхищение в глазах публики – значит действовать в стремлении угодить вкусам, предпочтениям и интересам, как сейчас говорят, массовой аудитории. Агон нагружает всякое действие демонстративностью и, в конечном итоге, именно в расчете на реакцию публики такое действие обретает свой смысл. Состязание в речах, будучи публичным мероприятием, есть не что иное, как деятельность, основанная на предвосхищении желания аудитории и стремлении удовлетворить это желание, доставляя публике удовольствие. В этом смысле агон культивирует невоздержанность, а выстроенная по его образцу речевая практика не выходит за пределы тезиса о том, что лучший – этот тот, кто более других угождает окружающим, вызывая у них чувство удовольствия.

Состязательность в речах связана с невоздержанностью, а диалог – с воздержанностью. И смысл этой связи прочитывается в движении от противного: условием диалога, как его понимает Сократ, является *отказ от стремления угодить публике*. «Что до меня, – говорит Сократ, – то, о чем бы я ни говорил, я могу выставить лишь одного свидетеля – собеседника, с которым веду разговор, а свидетельства большинства в расчет не принимаю, и о мнении могу справиться лишь у одного, со многими же не стану беседовать» [там же, С. 293]. В этом смысле философская беседа как стремление к взаимности заранее проигрывает и является неуместной, например, в зале судебного заседания, где как раз нужно произвести впечатление на аудиторию, и Сократ признает, что доведись ему оказаться в суде вызванным по несправедливому обвинению, его положение было бы плачевным [там же, С. 358].

Уступчивость в отношении к Другому следует понимать в ситуации, когда разговор не требует публичной оценки, высказываемой зрителем в адрес того, что он видит на сцене. В коммуникативную ситуацию взаимного общения включен узкий круг присутствующих, которые выступают не просто в роли зрителей, удобно расположившихся на скамьях стадиона, они – активные участники общения (греч. συνουσία имеет значение «общество», а также «беседа»). Сократовский диалог не вписывается в рамки агона по причине того, что заведомо исключает его основное условие – публику. Затеваемый как уличная беседа или разговор в домашней обстановке, философский диалог вовлекает в свою орбиту всех присутствующих, не

¹ “σώφρονα ὄντα καὶ ἐγκρατῆ αὐτὸν ἑαυτοῦ, τῶν ἡδονῶν καὶ ἐπιθυμιῶν ἄρχοντα τῶν ἐν ἑαυτῷ” [Gorgias 491 e].

позволяя возникнуть дистанции между участником и зрителем. Эту особенность следует подчеркнуть, она не просто характеризует происходящее в его видимости, но указывает на дружбу (φιλία) как практическую цель, на которую ориентировано взаимное общение. «... если нет общения, нет и дружбы», – заявляет Сократ и тут же продолжает: «Мудрецы учат, Калликл, что небо и землю, богов и людей объединяют общение, дружба, порядочность, воздержанность, справедливость, по этой причине они и зовут нашу Вселенную “порядком” [“космосом”], а не “беспорядком”, друг мой, и не “бесчинством”» [там же, С. 341]. В дружеском общении «воздержанность, порядочность, справедливость» (κοσμιότης, σωφροσύνη, δίκαιοσύνη) реализуются как обретаемое в стремлении к дружелюбию (φιλία) философское арете. В диалоге «Тимей» Платон высказывает мысль, что «космос – прекраснейшая из возникших вещей» [4, С. 470] и что бог даровал людям зрение, слух и речь с той целью, чтобы люди, наблюдая небо (οὐρανός) как круговращение (греч. περίοδος: окружной путь, круговращение), подражали этой гармонии [там же, С. 488]. В диалоге «Пир» такая круглая речь (περίοδος λόγων) представлена как застольная беседа, где обмен мнениями имеет форму дружеского общения.

Итак, публично демонстрируемому Протагором стремлению к превосходству над Другим, Сократ противопоставляет взаимность и дружбу. Он подчеркивает, что условием философского общения является разговор в кругу *своих*, а не на публике. В диалоге «Протагор» такое противопоставление обозначается как расхождение Сократа и Протагора в понимании того, что есть философская беседа. Это расхождение – в высказываемой Сократом невозможности продолжать разговор в духе Протагора: «с этими словами я встал, как бы уходя» [2, С. 221]. Дружья уговаривают Сократа остаться и продолжить беседу, и также уговаривают Протагора отказаться от пространности, свойственной его речам. Что означают эти уговоры?

Они репрезентируют момент расхождения и вызванной им трансформации речи в диалоге как ситуацию *осмысления*. Основу осмысления в качестве речевой ситуации образует различие между диалогом как априорной формой, удерживающей беседу в пространстве ее внутреннего течения, и эмпирическим проявлением диалога в виде публичного спора, где беседа разворачивается в отношении внешнего мира. Протагор, уступающий просьбе приспособиться к Сократу, – это возможное в ситуации осмысления речевое действие осмысления, призванное каким-то образом скоординировать априорную и эмпирическую компоненты диалога в качестве элементов общего речевого механизма. Как возможна такая координация?

Отталкиваясь от диалога «Протагор», можно сказать, что такая координация есть трансформация коммуникативной цели. Победа в публичном споре подразумевает, что диалог есть зрелище, в этом смысле победа есть внешняя цель, она рассчитана на зрителей, которые не являются участниками коммуникативного процесса и наблюдают за происходящим со стороны. Взаимность и дружелюбие, напротив, выражают диалог с точки зрения его внутреннего наполнения, которое теряется из виду для зрителя и доступно лишь для участника, что соответствует понятию внутренней цели. Было бы упрощением полагать, что инициируемое

философским диалогом осмысление требует отказаться от внешней цели и, следовательно, Протагор, уступая уговорам беседовать с Сократом, отказывается от притязания на победу. Такая точка зрения в конечном итоге заводит диалог в эскапистский тупик *аутодиалога*.

Мы скажем иначе: в процессе осмысления внутренняя и внешняя цели диалога скоординированы самим способом целеполагания. Внешняя цель при этом остается внешней целью, однако, не заимствуется диалогом из окружающей среды речевой жизни, но продуцируется так, как если бы внешняя цель (победа в споре) являлась проекцией внутренней цели (взаимность). Можно было бы сказать, что движимые диалогом Протагор и Сократ как бы меняются местами. Протагор погружается в диалог, который имеет собственную цель, одновременно Сократ разворачивает диалог в отношении к миру таким образом, что его цель самого диалога дополняется также внешней целью. В конце «Протагора» есть примечательное место, где Сократ характеризует диалог как ситуацию – «все тут перевернуто вверх дном» [там же, С. 253]. Платон использует слово *τάραισσω* (греч. – смешивать, волновать, взрыхлять, смущать, тревожить, расстраивать) и поясняет существо дела от лица вымышленного персонажа, который скорее всего рассмеялся бы, наблюдая происходящее. Сократ, полагая вначале, что добродетели нельзя научить, в конце речи приходит к противоположной мысли, что все есть знание, следовательно, и добродетели можно обучить, ведь она также есть некоторый вид знания. Протагор, изначально утверждавший, что добродетели можно научить, в конце также меняет свой взгляд и приходит к противоположному мнению, а именно: добродетель не имеет ничего общего со знанием [Protag. 361 c]. В этом пассаже обучение и добродетель соотносятся как внешняя цель и внутренняя цель. Получается, что философский диалог возникает в ситуации, и это ситуация осмысления, когда внутренняя цель диалога (добродетель дружбы) проецируется во внешний мир как цель, связанная с разными формами жизнедеятельности человека (например, обучение). Но также верно и обратное, что в осмыслении внешняя цель рассматривается в качестве внутренней. Диалог следует по кругу, как сказал бы Платон, подражает космическому круговращению.

Итак, мы утверждаем, что философская коммуникация в своих сократических истоках есть специфический вид общения, понимание которого нельзя свести к интерпретации содержания спора или беседы, которые могут вестись в его рамках. Специфика философской коммуникации определяется внутренней целью – осмыслением, совместными поисками смысла, при которых агон (состязание, спор, направленный на победу), способен стать дружественным.

Список литературы

1. Платон. Горгий // Платон Сочинения в 3-х т. Т. 1 / Ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса. – М.: «Мысль», 1968. – С. 255–366.
2. Платон. Протагор // Платон Сочинения в 3-х т. Т. 1 / Ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса. – М.: «Мысль», 1968. – С. 187–254.
3. Платон. Софист // Платон Сочинения в 3-х т. Т. 2 / Ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса. – М.: «Мысль», 1970. – С. 319–400.

4. Платон. Тимей // Платон Сочинения в 3-х т. Т. 3 (1) / Ред. А. Ф. Loseva, В. Ф. Asmus. – М.: «Мысль», 1971. – С. 455–542.

Zarapin O. V. The “Friendly Agon” as a Specificity of Communication in Philosophical Dialogue // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 3. – P. 3–11.

The article poses the problem of the specifics of philosophical dialogue as a practice of sense communication. As an approach to the consideration of this problem, it is considered the idea of delimiting dialogue as an a priori form and an empirical phenomenon of speech life. Based on the material of the «Protagoras» dialogue of Plato, the thesis is substantiated that the a priori form and the empirical phenomenon of dialogue are correlated as an internal goal of dialogue (friendship) and an external goal (competition). It is concluded that the specificity of philosophical dialogue is the speech situation of senseactivity as a situation of transformation of the goal-setting method, in which the external goal is not borrowed by the dialogue from the environment of speech life, but is produced by the dialogue from the point of view of its internal purpose.

Keywords: philosophical dialogue, sense, internal goal, external goal

References

1. Platon. Gorgij [Gorgias]. Collected papers: in 3 vol. Moscow, My`sl` Publ., 1968, vol. 1, P. 255–366.
2. Platon. Protagor [Protagoras]. Collected papers: in 3 vol. Moscow, My`sl` Publ., 1968, vol. 1, P. 187–254.
3. Platon. Sofist [Sophist]. Collected papers: in 3 vol. Moscow, My`sl` Publ., 1971, vol. 2, P. 319–400.
4. Platon. Timej [Timaeus]. Collected papers: in 3 vol. Moscow, My`sl` Publ., 1970, vol. 3, P. 455–542.

УДК 130.2:008

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ УЧЕНИЯ О МУЗЫКАЛЬНОМ ЭТОСЕ: ПОНЯТИЕ КУЛЬТУРНОГО СМЫСЛА

Казина Н. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: nika.7710@mail.ru

Статья посвящена исследованию учения о музыкальном этосе в культурно-историческом процессе. Музыкальный этос рассматривается в качестве особого пространства формирования и трансформации культурных смыслов – значимых для определённой эпохи ценностно-мировоззренческих установок, принципов и идей, отражающихся в культуре посредством музыки. Подчёркивается, что первичные смыслы культуры, заложенные в античном учении о музыкальном этосе, получают дальнейшее развитие в качестве вторичных смыслов в музыкальной культуре Средних веков, обогащаются в эпоху Возрождения и трансформируются в рамках теории аффектов в Новое время. Дается систематизация первичных культурных смыслов в соответствии с их преобразованием во вторичные культурные смыслы. Отмечается, что так как в рамках современной технократической цивилизации отдельные элементы этоса подвергаются разрушительному воздействию со стороны различных негативных социальных факторов и тенденций, этос музыки постепенно теряет свою востребованность, а вместе с тем утрачивает и возможности в духовном развитии и преображении человека, в связи с чем требует переосмысления и возрождения. Обращается внимание на то, что, говоря о понятии этоса, следует различать два уровня анализа: 1) этос как собственно феномен культуры; 2) этос как результат рефлексии, как учение, как представление той или иной эпохи о данном феномене. Исследование музыки как феномена культуры, ее места и духовной роли в обществе, возможностей совершенствования личности самого музыканта приводит к пониманию необходимости вновь обратиться к античному учению о музыкальном этосе.

Ключевые слова: музыкальный этос, культурно-исторический процесс, культурный смысл, первичные культурные смыслы, вторичные культурные смыслы, теория аффектов.

Музыка как один из древнейших и широко распространённых видов искусства занимает особое место в культурном пространстве в истории цивилизаций. В одни исторические периоды она может утрачивать ведущие позиции, в другие, напротив, становится значимой культурной силой. XX столетие стало временем мощного, невиданного ранее влияния музыки как целостного феномена культуры на всю общественную систему. Сегодня музыка, используя весь комплекс собственных выразительных средств, при помощи новых технических и технологических возможностей, преодолевает реальные и виртуальные границы и становится одним из специфических атрибутов современного глобализирующегося мира. Выполняя множество функций, музыка затрагивает почти все проявления человеческого

бытия и жизни общества, что позволяет говорить о её сверхфункции в культуре как смыслообразующего начала. Музыка является пространством формирования первичных культурных смыслов, а также лоном их трансформации во вторичные смыслы культуры, что можно проследить на примере эволюции учения о музыкальном этосе, зародившегося в эпоху античности в древнегреческой культуре. Целью настоящей публикации является выявление контекстов исследования философских оснований учения о музыкальном этосе на уровне культурных смыслов в диахроническом срезе.

Учение об этосе (от греч. «этос» – нрав, характер) стало одним из величайших достижений мыслительной культуры Древней Греции. Его разработкой занимались Пифагор, Платон, Аристотель и другие выдающиеся философы. Античная теория музыкального этоса оказала огромное воздействие на всю историю европейской музыкальной мысли. Следы этого влияния отчетливо прослеживаются на протяжении всей истории Средневековья. Вопросы музыкальной теории получили отражение в трудах многих известных мыслителей Средних веков: Кассиодора, Боэция, Августина, Фомы Аквинского, Роджера Бекона и целого ряда композиторов и теоретиков музыки этого времени, таких как Беда Достопочтенный, Регино из Прюма, Гвидо из Арrezzo, Иоанн де Грохио, Николай Орезмский и многие другие. Учение о моральном значении музыки можно назвать одной из основ средневековой музыкальной эстетики, получившее развитие в эпоху Возрождения в работах Джозеффо Царлино, Николо Вичентино, Винченцо Галилея, Джироламо Меи.

В изучение проблемы этоса музыки значительный вклад внесли исследования Д. Золтаи и В. П. Шестакова. В работе «Этос и аффект» венгерский музыковед Денеш Золтаи опирается на философскую эстетику в своем анализе исследуемой проблемы, как бы отстраняясь от практических вопросов музыки. Этос и аффект в трактовке автора противопоставляются друг другу, представляя собой два разных полюса в развитии музыкальной эстетики, не связанные между собой. В эпоху эллинизма учение о музыкальном этосе, как считает Д. Золтаи, исчерпывает себя: «Общинное содержание этоса оттесняется на задний план принимающим на себя всю полноту власти частно-субъективным принципом наслаждения» [13, С. 36].

В книге «История музыкальной эстетики от античности до XVIII века» (первое издание «От этоса к аффекту») В. П. Шестаков показывает сквозную линию развития древнегреческого учения об этосе музыки, прослеживая его трансформацию в теорию аффектов Нового времени благодаря развитию рационалистической философии и психологии. Здесь авторская позиция связана и с философской традицией в истории музыкальной мысли, и с осознанием значения музыкальной практики.

В рамках учения об этосе особое место занимала музыка, которая трактовалась в качестве незаменимого инструмента воспитания и этического воздействия. Музыкальным этосом в Древней Греции считался как внутренний строй музыки, так и характер её влияния на человека. Его предметная область отражала антропологическую проблематику, раскрывавшуюся в комплексе представлений об устойчивых способах поведения и деятельности. Этос музыки стал специфическим социокультурным пространством зарождения культурно значимых смыслов как

первичных культурных смыслов, получивших дальнейшее развитие и трансформацию в европейской культуре в виде вторичных культурных смыслов.

Размышляя о специфике зарождения культурных смыслов, современный философ Ф. В. Лазарев пишет: «Анализ генезиса «культурных смыслов» наводит на мысль, что в период зарождения базовых пластов культуры формировались некие первичные смыслы культуры (ПСК), из которых в последующие эпохи возникли более сложные семантические конфигурации. Во многих мифах, например, упоминаются основные стихии, из которых образуется все наличное многообразие мира. Таковы «огонь», «вода», «земля», «воздух» и др.» [1, С. 21–22]. Развивая далее эту свою идею, мыслитель говорит, что у древнегреческих философов «некоторые из стихий трансформируются в первоначала всего сущего», при этом соответствующие понятия начинают функционировать уже в ином рационально-понятийном поле. Выдвигая подобную гипотезу, философ отмечает, что мы сразу же сталкиваемся с множеством вопросов, важным из которых является вопрос о формировании вторичных культурных смыслов. Здесь можно говорить о модификации, преобразовании, комбинации, обобщении. Примером подобной метаморфозы может служить изменение первичного смысла культуры античного учения о музыкальном этосе в эпохи Средневековья, Возрождения – вплоть до трансформации в теорию аффектов Нового времени. Для демонстрации указанной трансформации осуществим анализ основных этапов развития учения о музыкальном этосе с целью выявления ключевых смысловых доминант, имевших определяющую культурную значимость для соответствующих эпох. По словам современного музыковеда Томаса Матьюсена, интерес к античной греческой музыке в исследовательской среде активно заявляет о себе, начиная с Эпохи Возрождения, и в современную эпоху он проявляется в особом внимании исследователей к понятиям музыкального этоса и гармонии [2, С. 264].

«Первичные культурные смыслы» учения о музыкальном этосе берут начало в философии пифагорейцев, заложившей фундаментальные основы естественнонаучного познания. Они внесли вклад в зарождение таких элементов научного познания, как теоретическое абстрагирование и эмпирическое наблюдение, осуществив синтез математических методов анализа с чувственно-слуховым восприятием именно в рамках развития учения о музыкальной гармонии. Пифагору принадлежит открытие математических отношений, лежащих в основе музыкальных интервалов. Главный тезис, выдвинутый пифагорейской школой, был вопрос о гармоническом устройстве всего мира. Гармония, в понимании пифагорейцев, характеризуется такими качествами, как *истина*, *красота* и *симметрия*, ложь чужда природе гармонии, она присуща вместе с завистью природе бессмысленного и неразумного, порядок и симметрия прекрасны и полезны, беспорядок же и асимметрия безобразны и вредны [3]. Учение о гармонии тесно связано с учением музыкального лада. Пифагорейская школа впервые в европейском музыкознании дала научное понятие лада (гармонии), положив в основание теорию числа, и утвердила значение тетрады (последовательности четырех звуков) как основы ладообразования. Она трактовала лад как модель мира, рассматривая музыкальную гармонию как отражение мировой гармонии. Сам

космос, согласно пифагорейцам и Платону, был настроен в определенном ладу – небесные тела уподоблялись тонам греческого дорийского лада: e-d-c-h-a-g-f-e [4, С. 139].

По Пифагору, *инструментальная музыка* является образом и подобием *мировой музыки*. Благодаря голосу или инструменту она способна приводить душу в состояние гармонии. Такое воздействие способствовало катарсису, предполагающему, в том числе, очищение от всего случайного и преходящего. В учении пифагорейцев *человеческой музыке*, отражающей равновесие жизненных сил человека, присуща гармония, которая выражается консонантностью, болезнь же – дисгармония, когда равновесие жизненных сил нарушено. Пифагор разработал учение о музыкальном катарсисе и практически-медицинском значении музыки. Катарсис достигался не одной только музыкой, но и правильным образом жизни [5].

Полное развитие и системность учение об этосе обрело в философии Платона. Воспитание идеального гражданина идеального государства – это основная и самая главная цель музыки у Платона. Понимание музыки как «гимнастики души» имело значение для воспитания человека твердого и хорошо организованного. Платон рассматривал лады музыки, иерархия которых складывалась в зависимости от того воспитательного воздействия, какое тот или иной лад оказывал на душу человека. Предпочтение отдавалось дорийскому ладу как наиболее уравновешенному и мужественному. Платон советовал применять его для занятия мирным делом, философией и молитвой [6, С. 171].

Аристотель утверждал, что в самих мелосах имеются подражания человеческим характерам и, благодаря этому, музыка может настраивать слушателя на какой-нибудь этос души [7]. Мнение Аристотеля о том, что музыка обладает этической энергией и способностью излечивать и очищать душу от разного рода аффектов, делают его убежденным сторонником и защитником музыкального воспитания. Свои взгляды по этому поводу философ излагает в восьмой книге «Политика». А. Ф. Лосев писал: «Погружение в чистую музыку в условиях полнейшей свободы от всего физического и технического является для Аристотеля тем, что он называл *мудростью*» [8, С. 560].

Исследование античной философской мысли о возможностях музыки, которая имеет свойство очищать от аффектов, восстанавливая в душе умеренность, строгость, пристойность чувств, позволяет сделать вывод, что эта особенность сближает ее с философией. Так же, как философия помогает подняться античному человеку к созерцанию вечной действительности, освобождая от противоречивых и ложных мнений, так и музыка очищает его от власти чувственных страстей, поселяя в его душе разумную нравственность.

В целом, в рамках античного учения о музыкальном этосе, сложились «первичные культурные смыслы», которые можно систематизировать в соответствии с их функциями следующим образом.

- 1) Музыкальная гармония рассматривалась как отражение мировой гармонии, а музыкальный лад – как модель мира (космогоническая функция).
- 2) Исправление характеров с помощью музыки как врачевание человеческих нравов и страстей (воспитательная функция).

3) Учение о музыкальном катарсисе и практически-медицинском значении музыки (медицинская функция).

4) Музыка представляет собой подражание человеческим характерам, поэтому она может настраивать слушателя на какой-нибудь этос души. По-разному структурированные мелодии (лады) обладают различным этическим воздействием. Их иерархия складывалась в зависимости от того воздействия, какое тот или иной лад оказывает на душу человека (этическая функция).

5) Этос как устойчивый нравственный характер в античной традиции противопоставлялся патосу, в том числе, и в музыке. Ритмы, музыкальные инструменты, тембры рассматривались в соответствии с тем, какую они могут принести пользу или вред человеку (аксиологическая функция).

6) Определение роли музыки для всех сфер общественной жизни как средства формирования гражданина (гражданская функция).

Вторичные культурные смыслы учения о музыкальном этосе начинают формироваться в эпоху Средневековья. У средневековых теоретиков греческое учение об этосе получает свое дальнейшее развитие, но в русле определенной трансформации. Если античная наука о музыке определяла важнейшую роль музыки для всех сфер общественной жизни и видела в ней средство формирования свободной личности, гражданина, то средневековые авторы в своем учении оставляют, в основном, катарсическое ее значение. Главным назначением музыки является очищение страстей, благодаря чему достигается исцеление духа и благочестие души. Средневековая наука о музыке сохраняет из античного учения положение о моральном значении музыки: она способна избавлять от дурных страстей, исцелять от болезни, исправлять нравы и воспитывать характеры [9, С. 78–79].

Важно принимать во внимание тот исключительный факт, что музыка в Средние века мыслилась как наука и понималась, прежде всего, как наука о числах. Музыка рассматривалась в качестве одной из составляющих известных семи «свободных искусств» и входила в «квадривиум» вместе с арифметикой, геометрией и астрономией. В её рамках сохраняются пифагорейские элементы, но уже в сочетании с библейскими. Отцы христианской церкви, на мировоззрение которых оказали влияние неопифагорейские теоретики музыки: Никомах, Птолемей, Месомед, неоплатоник Порфирий – выступали с критикой и отрицанием чувственности светского музыкального искусства как вредного, «тварного», и принятием сакральной музыки как наилучшего способа соприкосновения с божественным.

Так же, как и в античности, теоретики средневековья большое значение придавали ладам, особенно дорийскому ладу как торжественному и величественному. Известно, что греческие гаммы лежат в основе средневековых церковных ладов. Благодаря сохранению взаиморасположения ладовых звукорядов порядок последования ладов в античной и средневековой системах остался прежним, изменилось лишь направление последования – в пределах регулирующего двухоктавного диапазона греческой совершенной системы [10, С. 246].

Дальнейшее формирование культурных смыслов в рамках учения о музыкальном этосе происходит в эпоху Возрождения. Стремление возродить систему античных взглядов на музыку характеризуется созданием произведений в подражание древним, изучением греческих ладов и другим проблемам теории музыки. В связи с этим возрождается и античное учение о музыкальном этосе, возрождаются и первичные смыслы культуры, но уже на новой концептуальной основе – учении о темпераментах [9, С. 174]. В нем воздействие, оказываемое музыкой на человека, рассматривалось с точки зрения его темперамента. Развиваются античные взгляды на музыку и гармонию. Интерес к музыкальной культуре античности формировался на фоне основных мировоззренческих принципов эстетики Возрождения: абсолютизации человеческой личности в ее целостности, человеческого восприятия в соответствии с чувственно-реальной картиной мира. Одним из важнейших принципов восприятия искусства становится наслаждение. Таким образом, начинает всецело заявлять о себе и приобретает особую культурную значимость эстетическая функция музыки.

В Новое время в связи с развитием рационалистической философии и психологии учение о музыкальном этосе постепенно трансформируется в специфическую музыкально-эстетическую концепцию – теорию аффектов, важную роль в формировании которой сыграла философия Р. Декарта. Согласно этой теории, главным содержанием музыки является выражение – «изображение» человеческих чувств и аффектов, а также возбуждение аффектов в человеке при помощи различных средств музыкальной выразительности. В теории аффектов поднимаются проблемы ритма и ладов в музыке, способов сочинения – в принципе те же, что рассматривались древними греками в учении о музыкальном этосе. Но если основной задачей музыки, согласно античному учению, было катарсическое воздействие музыки – очищение от страстей и аффектов, то в теории аффектов «цель музыки – доставлять нам наслаждение и возбуждать в нас разнообразные аффекты» [11]. Можно сделать вывод, что разница заключается в том, что меняются цели и задачи музыки.

В XVIII столетии в связи с развитием симфонизма учение об аффектах начинает исчерпывать себя, на его смену приходят новые эстетические теории и музыкальные концепции. С изменением культурно-исторического контекста меняется и характер этоса, трансформируются его отдельные составляющие. В рамках современной технократической цивилизации отдельные элементы этоса подвергаются разрушительному воздействию со стороны различных негативных социальных факторов и тенденций. В XX веке обнаруживается, что, с одной стороны, значительную роль начинает играть в социокультурном пространстве терапевтическая функция музыки, а с другой – используется возможность применить потенциал музыки в негативных целях, в разрушении как нравственного, так и психического здоровья людей. Это свидетельствует о том, что проблема этоса музыки становится все более актуальной как в плане значимости этого феномена в жизни общества, так и в плане необходимости теоретического его осмысления. Это тем более важно, что в XX веке в обществе появляются идеи об автономии искусства, в том числе и музыкального, о его независимости от политического,

идеологического, экономического контекста. При этом предполагается, что подобная автономия касается сферы морали и вообще духовного измерения искусства. Создается своеобразный миф о том, что искусство может и должно существовать в нравственном вакууме. То, что это не надуманная проблема, свидетельствуют споры в культурном пространстве России, например, о пределах эстетических экспериментов в жизни театрального искусства, в живописи, в сфере музыки. Разрушение культуры начинается со стирания исторической памяти, а кончается повреждением ее сердцевины, ее этоса, ее духовного стержня. Здесь важно вновь обратиться к понятию *этоса*, как элемента культурного пространства. В этом контексте основной задачей в области экологии музыки можно наметить разработку современной системы этоса музыки. Автор рассматривает музыкальный этос как устойчивый блок ценностных установок, идеалов и факторов, обеспечивающий способ функционирования и постепенного развития музыки как феномена культуры в исторически определенную эпоху. Этос музыки определяет направленность музыкального искусства на культуросозидающие цели и духовное возвышение человека как потребителя культурных ценностей.

В XXI веке появляется новое понятие – «этосфера», трактуемое как более высокая, чем ноосфера, стадия развития биосферы, на которой этические принципы становятся основными регуляторами сущностно важных отношений человека, человечества и природы. В условиях этосферы именно этика становится универсальной силой, высшим регулятором физической и духовной деятельности, как отдельного человека, так и человечества в целом. В этом контексте меняются не только отношения человека с окружающим миром, но и появляется возможность перестройки основ его культуры и искусства. В таких условиях трансформация мироощущения и мировоззрения человека, его творческого мышления, нравственных и этических норм может привести к созданию новой эпохи – рождения этически разумного человека [12].

Выводы. Музыкальный этос впервые рассматривается в качестве пространства формирования культурных смыслов, в осмыслении которого различается два уровня анализа: 1) этос как феномен культуры и 2) этос как результат рефлексии, как учение, как представление той или иной эпохи о данном феномене. Показано авторское понимание этоса музыки. В статье «первичные культурные смыслы» античного учения о музыкальном этосе систематизированы и определены по функциям (космологическая, воспитательная, медицинская, этическая, аксиологическая, гражданская). Духовное зерно, заложенное древнегреческими философами в это учение, прорастает в последующие культурно-исторические периоды, приобретая «вторичные культурные смыслы» в зависимости от мировоззренческих традиций каждой новой эпохи. Следы его влияния прослеживаются на протяжении всей истории Средневековья, оно наследуется в эпоху Возрождения и постепенно трансформируется в теорию аффектов Нового времени. Согласно этой теории, главным содержанием музыки является выражение человеческих чувств и аффектов, возбуждение аффектов в человеке посредством различных средств музыкальной выразительности. Таким образом, в статье делается вывод о том, что «первичные культурные смыслы», заложенные в античное учение

об этосе музыки, трансформируясь во «вторичные культурные смыслы» в теории аффектов, по своему содержанию меняют задачи музыки. Здесь этос как устойчивый нравственный характер превращается в свою противоположность – аффект (от лат. *affectus* – душевное волнение, страсть) или патос (от греч. *pathos* – страсть, душевное переживание, страдание, болезненное отклонение от нормы).

В истории вырабатывались образы, которые рассчитаны на весь масштаб человеческой культуры, их можно назвать «прообразами». Примечательно, что названные образы и архетипы, некие смысловые структуры повторяются в разных вариантах в более поздних формах и феноменах культурной эволюции. Например, хаос и порядок в древних мифах и возврат к этим категориям в синергетике. Культура изначально задает объективное смысловое поле. Благодаря смыслам происходит вписывание человека в реальность в процессе жизнедеятельности людей.

В античном учении об этосе музыка рассматривалась как важнейшее средство воздействия на нравственный мир человека, как средство воспитания и исправления характеров, создания определенной психологической настроенности – этоса личности. Античный музыкальный этос стал пространством зарождения культурно значимых смыслов, получивших новое концептуальное и мировоззренческое содержание в разные периоды культурно-исторического процесса в виде «вторичных смыслов культуры».

Список литературы

1. Лазарев Ф. В. Экология культуры в контексте современных цивилизационных процессов / Ф. В. Лазарев // Труды Крымской академии наук. – Симферополь: ИТ АРИАЛ, 2011. – С. 9–29.
2. Thomas J. Mathiesen. *Harmonia and Ethos in Ancient Greek Music* // The Journal of Musicology: University of California Press. 1984. – Vol. 3, No. 3. – P. 264-279.
3. Шестаков В. П. Гармония как эстетическая категория: учение о гармонии в истории эстетической мысли / В. П. Шестаков. – Москва: Наука, 1973. – 256 с.
4. Музыкальная энциклопедия: в 6 т. – М.: Советская энциклопедия, 1976. – Т.3 – 1102 с.
5. Ямвлих О Пифагоровой жизни / Ямвлих; пер. с древнегреч. – М.: Алетейя, 2002. – 192 с.
6. Лосев А. Ф. Античная музыкальная эстетика / А. Ф. Лосев; [авт. предисл. и общая ред. В. П. Шестакова]. – Москва: Музгиз, 1960. – 304 с. – (Памятники музыкально-эстетической мысли).
7. Аристотель. Политика. Сочинение в 4-х т. / Аристотель; пер. с греч. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4. – С. 376–644. – (Философское наследие).
8. Лосев А. Ф. История античной эстетики: Аристотель и поздняя классика / А. Ф. Лосев. – М.: Искусство, 1975. – 776 с.
9. Шестаков В. П. История музыкальной эстетики: от античности до XVIII века / В. П. Шестаков. – 2-е изд. – Москва: Изд-во ЛКИ, 2010. – 376 с.
10. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм / А. Ф. Лосев. – М.: АСТ, 2000. – Т. 5. – 960 с.
11. Декарт Р. Соч. в 2 т. [сост., ред., вступ. ст. В. В. Соколова]. – М.: Мысль, 1989. – Т. 1. – 656 с.
12. Чернышева А. В. Синтез этосферы и ноосферы – эпоха рождения этически разумного человека // Успехи современного естествознания. – 2004. – № 11. – С. 108–109.
13. Золтаи Д. Этос и аффект: история философской музыкальной эстетики от зарождения до Гегеля / Д. Золтаи. – Москва: Прогресс, 1977. – 366 с.

Kasina N. V. Philosophical Foundations of the Doctrine on Musical Ethos: the Concept of Cultural Meaning // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 3. – P. 12–20.

Particular attention is paid to the analysis of studying the musical ethos in the cultural and historical process. The musical ethos is considered as a special space for the formation and transformation of cultural meanings – significant for a certain epoch of value-ideological attitudes, principles and ideas that are reflected in culture through music. It is emphasized that the primary meanings of culture, revealed in the study of the musical ethos of antiquity, are further developed as secondary meanings in the musical culture of the Middle Ages, enriched in the Renaissance and transformed in the framework of the theory of affects in the New Age. The systematization of primary cultural meanings is given in accordance with their transformation into secondary cultural meanings. Since within the framework of modern technocratic civilization, certain elements of the ethos are exposed to destructive influence from various negative social factors and tendencies, the music ethos gradually loses its capabilities in the spiritual development and transformation of man, and therefore requires rethinking and revival. Speaking about the concept of ethos, it is necessary to distinguish two levels of analysis: 1) ethos as a cultural phenomenon, 2) ethos as a result of reflection, as a teaching, as a representation of a particular epoch about this phenomenon. The study of music as a phenomenon of culture, its place and spiritual role in society, improving the personality of the musician himself, leads to understanding the need to revisit the ancient teachings on the musical ethos.

Keywords: musical ethos; cultural and historical process; cultural meanings; primary cultural meanings; secondary cultural meanings; affect theory.

References

1. Lazarev F. V. *Ekologiya kul'tury v kontekste sovremennykh tsivilizatsionnykh protsessov* [Ecology of Culture in the Context of Modern Civilization Processes]. Trudy Krymskoy akademii nauk [Proceedings of the Crimean Academy of Sciences]. Simferopol', PP ARIAL, 2011, P. 9–29.
2. Thomas J. Mathiesen. *Harmonia and Ethos in Ancient Greek Music*. The Journal of Musicology: University of California Press, 1984, Vol. 3, No. 3, P. 264–279.
3. Shestakov V. P. *Garmoniya kak esteticheskaya kategoriya: ucheniye o garmonii v istorii esteticheskoy mysli* [Harmony as an Aesthetic Category: the Doctrine of Harmony in the History of Aesthetic Thought]. Moscow, Nauka, 1973, 256 p.
4. *Muzykal'naya entsiklopediya: v 6 t.* [Musical Encyclopedia: in 6 Vol]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1976, T.3, 1102 p.
5. Yamvlikh. *O Pifagorovoy zhizni* [About Pythagorean Life]. Moscow, Aleteyya, 2002, 192 p.
6. Losev A. F. *Antichnaya muzykal'naya estetika* [Antique Musical Aesthetics]. Moscow, Muzgiz, 1960, 304 p. (Pamyatniki muzykal'no-esteticheskoy mysli) [Monuments of Musical and Aesthetic Thought].
7. Aristotel'. *Politika* [Politics]. Moscow, Mysl', 1983, Vol. 4, P. 376–644, (Filosofskoye naslediyе) [Philosophical Heritage].
8. Losev A. F. *Istoriya antichnoy estetiki: Aristotel' i pozdnyaya klassika* [The History of Ancient Aesthetics: Aristotle and the Late Classics]. Moscow, Iskusstvo, 1975, 776 p.
9. Shestakov V. P. *Istoriya muzykal'noy estetiki ot antichnosti do XVIII veka* [The History of Musical Aesthetics: from Antiquity to the XVIII Century]. Moscow, LKI Publ., 2010, 376 p.
10. Losev A. F. *Istoriya antichnoy estetiki. Ranniy ellinizm* [The History of Ancient Aesthetics. Early Hellenism]. Moscow, AST, 2000, Vol. 5, 960 p.
11. Dekart R. *Sochinenie v 2-h tomah.* [Writing in 2 Volumes]. Moscow, Mysl', 1989, Vol. 1, 656 p.
12. Chernysheva A. V. *Sintez etosfery i noosfery – epoha rozhdeniya eticheskogo razumnogo cheloveka* [Synthesis of the Ethosphere and Noosphere – the Epoch of the Birth of an Ethically Rational Person]. *Uspehi sovremennogo estestvoznaniya* [Successes of Modern Natural Science], 2004, № 11, P. 108–109.
13. Zoltai D. *E'tos i affekt: istoriya filosofskoy muzykal'noy estetiki ot zarozhdeniya do Gegelya* [Ethos and affect: the history of philosophical musical aesthetics from birth to Hegel]. Moscow, Progress, 1977, 366 p.

УДК: 140.8

ПРОБЛЕМА ВЛИЯНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ МАРСЕЛЯ ДЮШАНА НА ЕГО ТВОРЧЕСТВО

Кудрин С. К.¹, Чудинова Е. М.²

Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Российская Федерация

¹Email: ward_93@mail.ru

²Email: chudolena2@mail.ru

Дана дескрипция знаменитого французского художника XX века с Марселя Дюшана в качестве мыслителя. Представлено описание его мировоззрения. Проанализированы основные концепты М. Дюшана – право на лень, отказ трудиться, праздная деятельность, не-художник, не-творчество, реди-мэйд. Показано их влияние на искусство самого художника, приведены конкретные примеры – определенные реди-мэйд, приписываемые Дюшану. Отражено его понимание искусства как «снадобья от жизни человеческой». Зафиксирована методика анализа франко-американским художником произведений искусства (критерий оценки – готовность к действию по трансформации субъектности). Осуществлен критический анализ мирозерцания М. Дюшана – показана его противоречивость, бессистемность, хаотичность, несогласованность, «игра» по двойным стандартам. Сделан вывод о наличии именно такого мировоззрения у франко-американского деятеля культуры в силу занимаемого им места в обществе по отношению к средствам производства (мелкий буржуа). Продемонстрирован итог деятельности франко-американского артиста в роли философствующей личности. Выделен конечный результат настоящей статьи – невозможность полноценно понять Марселя Дюшана как художника, полно и всесторонне не изучив его как мыслителя.

Ключевые слова: Марсель Дюшан, право на лень, отказ трудиться, праздная деятельность, не-художник, не-творчество, реди-мэйд.

Марсель Дюшан – известнейшая личность в западном искусстве XX века. Степень его влияния на современное искусство чрезвычайно высока. Это связано с тем, что он фактически переопределил, что есть искусство и его произведение, а также создал огромное множество способов занятия им.

В настоящее время выходят разнообразные работы, посвященные его творчеству, как в западных странах, так и в Российской Федерации (например, см. [1]; [2]; [3]; [4]; [5]). Однако эти работы чаще всего посвящены художественному аспекту его деятельности, как мыслитель он мало изучен. На родном, французском, языке у М. Дюшана были выпуски полного собрания сочинений, в которых было представлено несколько десятков теоретических работ. На русский язык было переведено всего лишь две работы, в которых проведен анализ творчества Дюшана как теоретика искусства, – это произведения Маурицио Лаццарато «Марсель

Дюшан и отказ трудиться» [6] и Кэлвин Томкинс «Марсель Дюшан. Послеполуденные беседы» [7] (при этом стоит отметить, что М. Лаццарато сам проанализировал труд Томкинса и 15 раз ссылается в своей работе на него). Издание же полного собрания сочинений Марселя Дюшана на русском – дело будущего.

Цель данной работы – показать влияние мировоззрения Марселя Дюшана на его творчество и благодаря этому, более полно познать франко-американского деятеля искусства в качестве художника благодаря анализу его как мыслителя. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи:

- 1) Произвести анализ основных концептов Дюшана: право на лень, отказ трудиться, праздная деятельность, не-художник, не-творчество, реди-мэйд, а также показать влияние этих концептов на творческую деятельность художника, в особенности, на выбор им реди-мэйдов;
- 2) Произвести дескрипцию понимания искусства франко-американским художником;
- 3) Продемонстрировать методику анализа и оценки М. Дюшаном произведений искусства;
- 4) Дать дефиницию художника и описание его образа во взглядах Дюшана;
- 5) Произвести критический анализ мировоззрения франко-американского деятеля искусства;
- 6) Осуществить оценку его мировоззрения с точки зрения системности, непротиворечивости, научности;
- 7) Попытаться определить причины возникновения у Дюшана именно такого мировоззрения и отразить влияние мирозерцания на деятельность Дюшана как художника;
- 8) Ответить на вопрос об актуальности его мировоззрения для современности.

Для решения поставленных задач в настоящей статье осуществлен анализ двух указанных выше книг – Маурицио Лаццарато «Марсель Дюшан и отказ трудиться» (2014 г., перевод на русский язык – 2017 г.) и Кэлвин Томкинс «Марсель Дюшан. Послеполуденные беседы» (2013 г., перевод на русский язык – 2014 г.).

В труде М. Лаццарато «Марсель Дюшан и отказ трудиться» описано мировоззрение Дюшана, так, как оно было понято Лаццарато. Основная идея, выделяемая Маурицио Лаццарато у Дюшана, это – право на лень, «право, не требующее оправдания, ничего взамен» [6, С. 18], следствием которого является отказ трудиться (здесь заметно влияние трактата зятя Карла Маркса – Поля Лафарга «Право на лень» (1880 г.)). М. Дюшан восхваляет лень в качестве антипода наемного труда и/или творческого труда при капитализме, рассматривая ее как причину праздной активности. Эта праздная активность состоит в выходе из ролей, навязанных капиталистическим обществом. Она открывает другую субъективность при посредстве «новых способов существования и новых типов проживания времени», иными словами, праздная активность позволяет проявиться механизму дезидентификации. Она есть операция по деклассификации, по выходу из подчиненного положения, особенно из идентификации в профессии [6, С. 59]. Также праздная активность покушается на так называемую идентичность

«производителей» и их гендерные атрибуты [6, С. 17]. Лень как причина праздной активности – конкретная установка по отношению к условиям существования при капитализме. В ней происходит отказ «подчиниться обязанностям, ролям и нормам капиталистического общества» (согласно М. Лаццарато, «отказ трудиться подразумевает борьбу (политическую) против устремлений утвердить свое место и роль» [6, С. 16]). Лень подрывает все основы существующего общества – обмен, частную собственность и труд, которые собственно и воспроизводят наличествующий общественный строй. Однако, как указывает Лаццарато, Дюшан в таком подходе «отступает от марксистской традиции» [6, С. 19].

Праздная деятельность всегда сфокусирована на процессе, а не на результате. Она обращена к становлению субъективности и ее способности к действию. Искусство есть лишь одна из возможных сфер для ее проявления, расширения и развития, один из многих видов деятельности. Дюшан в своей деятельности стремился аннигилировать понятие «искусство», чтобы сделать его «универсальным, человеческим фактором в жизни каждого» [8, С. 271]. Лаццарато считает, что современный отказ от труда может опираться на праздность, как ее понимал Дюшан, для того, чтобы изменить существующую политическую действительность [6, С. 86].

Отказ трудиться и праздная активность составляют сердцевину самой жизни Марселя Дюшана. Он следовал этим идеалам до конца своих дней. Он даже предлагал открыть хоспис для лентяев, в котором были бы запрещены все виды работ, кроме работы над собой, так как лень – это иной способ освоения времени и мира. Однако он понимал утопичность этого замысла, ибо, с одной стороны, немного людей смогут жить по-настоящему в лени, с другой стороны, невозможно жить полностью в ней без радикального общественного переустройства.

Отталкиваясь от отказа трудиться и праздной активности, Дюшан переосмысливает место и роль художника в капиталистическом обществе. Художник отныне не может больше быть творцом в таком обществе, ибо быть творцом означало бы: 1) попасть в капиталистическую ловушку, расставленную этой системой – производить для рынка и его участников; 2) желание утвердить свое эго, которое привело бы в духовное рабство. Поэтому он и приходит к идее «не-художника». Не-художник, по Марселю Дюшану, должен пересмотреть свои поведенческие и художественные манеры [6, С. 35]. Он обязан творить в инфратонком. Инфратонкое, по Дюшану, – это измерение молекулярного, тончайших способностей восприятия, микроскопических расхождений, соразумного существования противоположностей, где не действуют законы макроизмерения и особенно причинно-следственной связи, лишенной логики непротиворечия, языка и его обобщений, хронологического времени [6, С. 45–46]. Как считает известный немецкий историк искусства Бенджамин Бухло, «дюшановское понятие инфратонкого, *inframinse*, определяло невидимые характеристики объектов и материалов, состояния, которые кроме того были частью темпорального процесса. Одним из примеров, который Дюшан приводит для иллюстрации этого понятия, является притупление бритвенного лезвия» [9, С. 712]. Сам Дюшан считал, в отличие от Лаццарато, что этому понятию не может быть дано определение, а

вместо того, можно привести лишь его примеры (см. примеры [8, С. 276–277]). Условия перехода в инфратонкое измерение – лень и праздная деятельность как ее следствие.

Согласно Марселю Дюшану, художник – медиум, проводящий процесс субъективации. Тем самым, творческий процесс понимается у него довольно широко, он не отождествляется с художественным процессом, а присутствует во всяком виде деятельности. Цель художника – воспроизвести новую субъективность и вовлечь в нее всех остальных. Дюшан задается вопросом: «Можно ли сделать произведения, которые не являются произведениями «искусства»?» [10, С. 224] Оценка произведений искусства у него осуществляется согласно не какому-либо эстетическому критерию, а по готовности к действию по трансформации субъектности [6, С. 77]. Стоит отметить, что художник, по М. Дюшану, никогда полностью не осознает свою деятельность, так как: 1) всегда есть разница между намерением его и реальным проявлением; 2) непредсказуемость ее восприятия и оценки другими. Производя перенос субъективации, художник вызывает у того, кто воспринимает его произведение искусства, *osmos* [6, С. 78], то есть переход от одной субъективации к другой, благодаря включению протоличностных сил. Эти силы и позволяют ему совершить этот процесс. Он достижим только в точке полной анестезии, точке, в которой автор и его вкусы отсутствуют.

Зритель для Дюшана играет не менее важную роль, чем сам художник, ибо «картина рождается во взаимодействии со зрителем. Без него она будет пылиться на чердаке. Самостоятельного существования у произведения искусства нет» [7, С. 51]. Всегда важно взаимодействие между ним и художником, но ценность картине придает все-таки зритель, оценивая ее. В этом плане Дюшан утверждает: «Последнее слово — всегда за зрителем» [7, С. 51].

Мировоззрение Дюшана яснее всего отображают реди-мэйд. Они выступают как художественная техника лентяев. Сам Дюшан определяет реди-мэйд как «произведение без создававшего его художника» [6, С. 47]. Рэди-мейд освещает образ не-художника и отсылает к не-творчеству. Он не несет никакого послания. Он есть то, что помогает разуму мыслить в иных координатах, иначе говоря, он есть техника разума, вначале десубъективирующая, а затем путем изначальной десубъективации, создающая новую субъективность. Его можно и не ощущать чувственно, достаточно его словесного описания. Он не есть нечто созданное художником, но нечто выбранное им. Этот выбор помогает избавиться от: 1) привнесения личности художника в произведение искусства и его творящей функции; 2) вкусовых оценок, так как вкус есть привычка, приобретенная при помощи повторения. Дюшан полагает, что подлинный процесс выбора произведения возможен в ранее упомянутой точке полной анестезии. В ней выбор происходит естественно, без сознательного волевого усилия, иначе говоря, достигается такой эффект, когда сам реди-мэйд выбирает не-художника, то есть когда, в конечном счете, никакого выбора не совершается, а происходит соприкосновение субъекта и объекта. В таком случае важен не сам объект, а встреча с ним, как пишет Лаццарато, «след события» [6, С. 51]. Вот что сам Дюшан пишет об этом: «Сделал ли г-н Матт его своими руками или нет, не имеет значения. Он

ВЫБРАЛ его. Он взял обычный бытовой прибор и разместил его так, чтобы его польза и предназначение скрылись под новым названием и новой точкой зрения, – создал новую мысль для данного предмета» [10, С. 230]. «В конечном счете я хотел избежать “взгляда” ... поэтому нужно выбирать объект, который вас совершенно не трогает и не вызывает абсолютно никаких эстетических эмоций. Так что выбор реди-мэйда должен основываться на визуальном безразличии и абсолютном отсутствии хорошего или плохого вкуса» [9, С. 687]. Помимо прочего, реди-мэйд есть попытка избавиться от монетизации произведения искусства за счет отказа, как от оригинала, так и от копии, однако, как в дальнейшем будет показано, Дюшану это сделать не удалось.

Кроме того, франко-американский мыслитель выступает против речи. Он объясняет это тем, что язык, как и вкус, есть не более чем привычка, при том, что он есть символ власти и преграда для художника при проникновении в инфратонкое измерение. Он предлагает выйти за пределы существующего языка, отказываясь от привычных правил и норм его, вынося слова из их привычной коммуникативной области в иную плоскость, что позволяет по-новому посмотреть на них в уже воплощенном реди-мэйде. Например, такой подход Дюшана к языку отражен в его текстах «Определенный артикль», «Словари» и «Условия языка» [10, С. 223–228].

Важно отметить также, что реди-мэйд разрешает Дюшану отказаться от всякого изо (ото) бражения, позволяя удовлетворяться им самим. Реди-мэйд, следовательно, оказывается не воспроизведением чего-либо, а представлением, не репрезентацией чего-нибудь, а презентацией [6, С. 56].

Несмотря на указанные особенности, реди-мэйд все-таки стал частью арт-рынка. Это произошло вследствие трех факторов: 1) воспроизведения; 2) монетизации и 3) эстетизации. Было воссоздано несколько копий реди-мэйдов, которым назначили определенную цену и которые промаркировали как предметы искусства с согласия самого художника. В этом проявилось противоречие взглядов М. Дюшана. Он не сумел остаться за рамками капиталистической арт-системы из-за критикуемых им же самим тщеславных эго творцов и желания получить прибыль. Хотя идеальное произведение искусства для не-художника – это молчание, ибо его нельзя присвоить, сделать собственностью. Но Дюшан не пожелал остаться неизвестным и все-таки утвердил себя как личность, при этом полагая, что искусство как социальная институция при капитализме есть техника управления субъективностью, и лишь неучастие может иметь воздействие на реальность, только оно может позволить создать нечто оригинальное.

Маурицио Лаццарато полагает, что «высказанные здесь мысли Дюшана – это условия и действия, характерные для политического перелома, отхода от активности, одновременно и разрывающие отношения с действующей властью, и открывающие поле для сооружения новой субъективности. Но начинается все с отказа, разрыва» [6, С. 80].

Тем не менее, несмотря на попытки Лаццарато показать образ Дюшана вполне определенно – как борца с капитализмом, противоречие в мировоззрении М. Дюшана явно проглядывает через всю его книгу. Даже сам Дюшан улавливает его, говоря, что он типичный гражданин капиталистической страны [6, С. 130]. Это

противоречие, как нам видится, связано с позицией, занимаемой им в общественном устройстве по отношению к средствам производства. Дюшан был представителем мелкой буржуазии. Как указывает Лаццарато, он получал доход от семейной ренты, благодаря помощи коллекционеров-буржуа, за счет разовых и случайных продаж различных предметов, в том числе и своих картин [6, С. 27].

Совершенно иначе выстроил анализ мировоззрения М. Дюшана Кэлвин Томкинс. В его книге представлено множество интервью позднего периода жизни Дюшана в Америке. В этом произведении не дается готового анализа и интерпретации миропонимания М. Дюшана (как у Лаццарато). Взгляды Дюшана в этом собрании интервью представлены в его собственном выражении. Это позволяет более объективно взглянуть на мировоззрение М. Дюшана, чем это было сделано в книге Лаццарато, так как здесь не расставляются определенные политические акценты, которые были у Маурицио Лаццарато. Из работы Томкинса стоит выделить следующие моменты, касающиеся мировоззрения Марселя Дюшана, помимо уже отмеченных у М. Лаццарато (стоит напомнить, что исследование Лаццарато включало в себя также и анализ книги самого К. Томкинса):

- На мировоззрение Дюшана повлиял не только труд Поля Лафарга «Право на лень», но и тексты Альфреда Жарри, а также Раймона Русселя [11, С. 19] и Жан-Пьера Бриссе [8] с их «патафизичностью» (по словам создателя патафизики – А. Жарри, патафизика – это наука о предмете, дополняющем метафизику; наука воображаемых решений, которая символически присваивает очертаниям свойства предметов, определяемых их виртуальностью). Патафизика для М. Дюшана была «примером несерьезности» [7, С. 131], которую он так любил;

- Марсель Дюшан указывает на исключительную важность случая в создании произведения искусства. Случайность есть чистое проявление подсознательного. Она уникальна. Как констатирует автор книги о патафизике – Эндрю Хьюгилл: «Дюшан был движим идеей уникальности или специфичности. Он часто заявлял, что его интересует лишь создание чего-то нового. Таким образом, каждая работа должна была быть уникальной, а собрание его работ представляет собой изучение науки законов, управляющих исключениями» [8, С. 274–275]. Кроме того, случай есть возможность выйти за пределы рационального контроля. По Дюшану, он служит для проявления собственной личности за границами разума.

- Идея движения является значимой для Марселя Дюшана, так как современный мир основан на нем. Движение определяет все сферы культуры, в том числе и искусство. Оно навязывает определенный стиль жизни и, соответственно, творчества, который Дюшан отвергает, считая, что только неспешность в создании произведения искусства может служить гарантом его качества и долговечности, при этом, считая, что введение концепта движения искусства было открытием именно XX века;

- М. Дюшан говорит о жизни и смерти произведения искусства. Период жизни его – до закрепления произведения искусства в некой арт-институции. Смерть же наступает тогда, когда оно выставляется в ней несколько поколений подряд и, тем самым, становится частью истории.

- Французский художник следует концепции равнозначности всех предметов в мире частных случаев: ни один предмет не может быть более значимым, чем другой [8, С. 275]. Этот взгляд доказывается в его «Коробке в чемодане» (1935–1941), в которой все предметы сосуществовали на равных правах, а также в безразличном отношении Дюшана к судьбе «Большого стекла», которое было разбито при транспортировке из одного места в другое.

- Дюшан называет себя картезианцем. Он говорит, что никогда ни во что не верил, а подвергал все сомнению. Так, он каждый раз создавал, с его собственных слов, «нечто несомненное – а именно, раньше не существовавшее» [7, С. 126]. Он придумывал новое с помощью методического сомнения Рене Декарта. Это новое могло быть выпущено на свет только путем разрыва с традицией.

- Дюшан выступает как критик науки. Он ссылается на относительность знания, которое она нам дает, и на ее утилитарный характер, который неприемлем для художника, ее строгую подчиненность причинному закону. Для Дюшана, в свою очередь, такого закона не существует, он полагает, что есть лишь «иллюзия причинной связи», в которую он никогда не верил [7, С. 126]. Следуя в этом вопросе за Дэвидом Юмом, он считает, что закон есть лишь привычка, так называемая «уловка для объяснения жизни» [7, С. 127]. В этом явно прослеживаются черты агностицизма в его мировоззрении.

- Дюшан не верит в бога. Для него это порождение умов человеческих. В интервью П. Кабанну он говорит следующее: «Идиотская глупость – вот что породило идею бога. Я не хочу сказать, что я не являюсь ни атеистом, ни верующим, я даже рассуждать об этом не хочу. Я же не обсуждаю с вами воскресную жизнь пчел, не так ли? Вот это то же самое» [12, С. 107].

- М. Дюшан понимает искусство как снадобье. Оно есть «успокоительное от той жизни, что мы ведем» [7, С. 85]. При больших дозах оно становится наркотиком, вызывая серьезную зависимость.

В качестве итога, стоит отметить, что Дюшан был явно противоречив, но он сам и не стремился к целостности в своем мировоззрении. Эта внутренняя противоречивость сыграла лишь позитивную роль в творчестве франко-американца, позволив ему стать тем, кем он стал. Он считал, что можно позволить себе быть неоднозначным, так как действительность, в которой люди живут, непрестанно изменяется. Человек, совершивший переворот в понимании искусства и его произведений, не стремился к тому, чтобы раз и навсегда зафиксировать реальность в застывшей системе понятий. Он лишь пытался показать ее другим такой, какой он ее видел, невзирая на способ передачи ее, одновременно с этим акцентируя на нем внимание.

И даже спустя 100 лет, в XXI веке идеи Марселя Дюшана могут быть переосмыслены и использованы как художниками, так и философами, благодаря их изначальному революционному запалу и непреходящему созвучию современности.

Список литературы

1. Кпо К. Марсель Дюшан. – М.: AdMarginem, 2016. – 208 с.
2. Marcadé B. Marcel Duchamp, la vie à crédit. – Paris: Flammarion, 2007. – 595 p.

3. Banz S. Marcel Duchamp and the Forestay Waterfall. – Zürich: JRP-Ringier, 2010. – 408 p.
4. Moffitt J. Francis Alchemist of the Avant-Garde: The Case of Marcel Duchamp. – New York: State University of New York Press, 2003. – 512 p.
5. Masheck J. Marcel Duchamp in Perspective. – Cambridge: Da Capo Press, 2002. – 232 p.
6. Лаццарато М. Марсель Дюшан и отказ трудиться. – М.: ООО «Издательство Грюндриссе», 2017. – 96 с.
7. Томкинс К. Марсель Дюшан. Послеполуденные беседы. – М.: ООО «Издательство Грюндриссе», 2014. – 160 с.
8. Хьюгилл Э. Патафизика: Беспольный путеводитель. – М.: Гилея, 2017. – 432 с.
9. Бухло Б. Неоавангард и культурная индустрия. Статьи о европейском и американском искусстве 1955–1975 годов. – М.: V-A-Cpress, 2016. – 720 с.
10. Трансатлантический авангард: Англо-американские литературные движения (1910–1940). Программные документы и тексты / сост. И автор вступ. Статьи В. В. Фешенко; [науч. ред. А. А. Россомехин]. – СПб.: Издательство Европейского Университета в Санкт-Петербурге, 2018. – 360 с.
11. Sweeney J. Interview with Marcel Duchamp. The Bulletin of the Museum of Modern Art. 1946, Vol. 8, pp. 4–5.
12. Cabanne P. Dialogues With Marcel Duchamp. – New York: Viking Press, 1971. – 136 p.

Kudrin S. K., Chudinova E. M. The Problem of Influence of the World View of Marcel Duchamp on his Creativity // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 3. – P. 21–29.

The description of the famous French artist of the twentieth century Marcel Duchamp as a thinker is given. The description of his worldview is presented. The main concepts of M. Duchamp are analyzed – the right to be lazy, refusal to work, idle activity, non-artist, non-creativity, ready-made. Their influence on the art of the artist is shown, specific examples are given – certain ready-made attributed to Duchamp. Reflected his understanding of art as “a drug from human life”. The method of analysis by the French-American artist of works of art (the criterion of evaluation – readiness for action on transformation of subjectivity) is fixed. The critical analysis Of M. Duchamp's worldview is carried out – its inconsistency, haphazardness, chaotic, inconsistency, “game” by double standards is shown. It is concluded that the Franco-American cultural figure has such a worldview because of his place in society in relation to the means of production (the petty bourgeois). The result of the activity of the French-American artist in the role of a philosophizing personality is demonstrated. The final result of this article is highlighted-the inability to fully understand Marcel Duchamp as an artist, fully and comprehensively without studying him as a thinker.

Keywords: Marcel Duchamp, the right to be lazy, refusal to work, idle activity, non-artist, non-creativity, ready-made.

References

1. Cros C. Marchel Duchamp (Critical Lives). Moscow, Ad Marginem Press, 2016, 208 p.
2. Marcadé B. Marcel Duchamp, la Vie à Crédit. Paris, Flammarion, 2007, 595 p.
3. Banz S. Marcel Duchamp and the Forestay Waterfall. Zürich, JRP-Ringier, 2010, 408 p.
4. Moffitt J. Francis Alchemist of the Avant-Garde: The Case of Marcel Duchamp. New York, State University of New York Press, 2003, 512 p.
5. Masheck J. Marcel Duchamp in Perspective. Cambridge, Da Capo Press, 2002, 232 p.
6. Lazzarato M. Marsel' Djushan i otkaz trudit'sja [Marchel Duchamp and the Refusal of Work]. Moscow, Grundrusse, 2017, 96 p.
7. Tomkins C. Marsel' Djushan. Poslepoludennye besedy [Marcel Duchamp: the Afternoon Interviews]. Moscow, Grundrusse, 2014, 160 p.

8. Hugill A. Patafizika: Bespoleznyj putevoditel' [Pataphysics: A Useless Guide]. Moscow, Hylaea, 2017, 432 p.
9. Buchloh B. Neoavangard i kul'turnaja industrija. Stat'i o evropejskom i amerikanskom iskusstve 1955–1975 godov [Neo-Avantgarde and Culture Industry: Essays on European and American Art from 1955 to 1975]. Moscow, V-A-C Press, 2016, 720 p.
10. Transatlanticheskij avangard: Anglo-amerikanske literaturnye dvizhenija (1910–1940). Programmnye dokumenty i teksty [Transatlantic avant-garde: Anglo-American literary movements (1910–1940). Policy documents and texts], sost. I avtor vstup. Stat'i V.V. Feshenko; [nauch. red. A.A. Rossomahin], [ed. And author of introd. The article Vladimir Feshchenko; ed. A. A. Rossomakhin]. Saint-Petersburg, Publishing house of the European University in St. Petersburg, 2018, 360 p.
11. Sweeney J. Interview with Marchel Duchamp, 1946. Bulletin of Museum of Modern Art 8 (4–5).
12. Cabanne P. Dialogues with Marcel Duchamp. New York, Viking Press, 1971, 136 p.

УДК: 165.9

АРГУМЕНТАТИВНЫЕ ПАТТЕРНЫ ЭЛЕКТРОННОЙ ТЕКСТОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Шапиро О. А.

***Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская
федерация***

E-mail: shapiro.olha@gmail.com

Статья посвящена исследованию наиболее распространенных аргументативных структур, используемых в разных текстовых культурах – аргументативных паттернов. Автор полагает, что формирование аргументативных паттернов зависит от культурно-исторического контекста, включающего в качестве центральных компонентов текстовую культуру и связанные с ней доминирующие когнитивные установки. Таких установок автор выделяет три: догматическая, критическая и клиповая. В совокупности с аргументативными паттернами они определяют и индивидуальный стиль мышления, и стиль мышления эпохи. При этом третья – клиповая – установка является новообразованием и связана с возникновением в XX веке т.н. «клиповой культуры». Во второй части статьи автор дает диахроническую картину трансформации стилей мышления, выражающуюся в изменении аргументативных структур, используемых в текстах, принадлежащих разным историческим эпохам. Отдельное внимание уделяется исследованию современных аргументативных паттернов. В качестве их особенности автор полагает сочетание когнитивной установки современной цифровой культуры с аргументативными паттернами устной текстовой культуры, сложившейся в эпоху ранней Античности.

Ключевые слова: аргументация, аргументативные паттерны, когнитивная установка, критическое мышление, клиповое мышление, текстовая культура

В истории человеческой цивилизации можно обнаружить несколько «точек невозврата», связанных с изобретениями, глобальным образом повлиявшими на все дальнейшее ее развитие. Среди них – изобретение колеса, алфавитного письма и печатного станка. Похоже, в этот же ряд мы можем вписать и изобретение Интернета, запустившее процессы глобализации и информатизации. В первую очередь, «глобальная паутина» дает нам доступность информации вкупе с ее избытком и, как следствие, трудности в дифференциации сообщений согласно их качественным характеристикам. Информация сейчас считается наивысшей ценностью, и это обстоятельство ставит перед нами целый ряд вопросов, в том числе онтологического и гносеологического характера. Совокупность этих вопросов дает возможность дисциплинарному выделению в самостоятельный проект философии информации [1].

Кроме того, мы можем говорить о трансформации коммуникативных процессов. Многочисленные сервисы, обеспечивающие текстовую, аудио- и

видеосвязь с любой точкой мира, диктуют свои правила общения людям, их использующим: от норм коммуникативного этикета до возникновения целого набора интернет-мемов, жаргонизмов и стилистики устно-письменной речи [2]. Мир становится меньше и доступнее, а человек в свете софитов социальных сетей и профессионально-ориентированных сайтов становится более открытым, публичным. И, конечно, меняется сам.

Еще М. Маклюэн акцентировал свое внимание на трансформации человеческой телесности в связи с развитием технологий. В частности, компьютер он представлял расширением нервной системы (как колесо считал продолжением человеческой ноги) [3]. Я же буду говорить об изменении когнитивной сферы человека. Я полагаю, что сегодня технологии трансляции результатов интеллектуальной деятельности определяют не только формат текста как продукта мышления, но и способ этого мышления. Такое взаимовлияние носит циклический характер: тексты, воспринимаемые субъектом когнитивной деятельности, формируют его способ осмысления мира, который в свою очередь влияет на способ создания новых текстов (в широком смысле слова) этим же субъектом, сменившим роль читателя на роль автора.

Задача изучения трансформации мыслительной деятельности масштабна. Вынеся за скобки нашего исследования психологические и эстетические аспекты этого процесса, мы сосредоточимся на изучении аргументации как результате экспликации способа и стиля мышления. Сошлюсь на известного отечественного философа и логика А. А. Ивина, понимавшего аргументацию как «прикладное мышление» [4, С. 339], которое является основным симптомом «стиля мышления», связывающего культуру в целом и науку как ее сегмент [4, С. 335].

Своими задачами в этой статье я полагаю, во-первых, выявление и уточнение специфики когнитивной деятельности в различных текстовых культурах, а во-вторых, вскрытие проблем, связанных с доминирующим типом мыслительной установки в наши дни. Решение поставленных задач приведет нас к достижению основной цели: выявлению современных мыслительных паттернов. В ходе исследования я буду обращаться к методам аргументативного и компаративного анализа, а также к методологическим основаниям современной риторики науки и мета-аргументации (как ее понимает М. А. Финокьяро [22]).

Исследование мышления в мета-аргументативной перспективе

Мышление находится в фокусе внимания целого ряда дисциплин, которые сегодня принято объединять в «cognitive science». Традиционно сюда принято включать философию, психологию, лингвистику, нейрофизиологию, исследования в области искусственного интеллекта и антропологию. Но сегодня к когнитивным исследованиям относят и более частные дисциплины, такие как, например, теория принятия решений, исследования эмоционального интеллекта и пр. Таким образом, литература, посвященная проблеме мышления, необозрима. Говоря о типах мышления, в своем исследовании я буду опираться, прежде всего, на логико-философские разработки отечественных авторов: А. А. Ивина, Г. В. Сориной, И. Н. Грифцовой, В. Н. Брюшинкина, Н. С. Юлиной и др. Однако буду учитывать и

результаты исследований зарубежных философов и логиков: К. Поппера, М. Липмана, Д. Уолтона, Т. Чатфилда и др. Замечу, что разработкой типологий в собственном смысле эти авторы не занимались, однако, так или иначе касались в своих исследованиях проблемы критического мышления, противопоставляя его мышлению догматическому (или, как у Т. Чатфилда – некритическому). Именно эту дихотомию мы положим в основу принимаемой нами типологии когнитивной деятельности.

Несмотря на то, что приведенный перечень персоналий кажется излишне разнообразным, мы можем причислить их исследования к единой парадигме, которую будем называть мета-аргументативной.

Термин «мета-аргументация» был введен М. Финокьяро в его монографии 2013 года, а его исследовательская позиция представляет собой логико-аргументативный подход к исследованию текстов [5]. Приставка «мета-» вводится Финокьяро в связи с тем, что аргументативное исследование текста – это всегда «аргументация об аргументации»: с одной стороны, мы должны выделить тезис, аргументы и способ их связи, который использует автор исследуемого текста, оценить их и обосновать свою оценку, т. е. представить «аргументацию в пользу нашей оценки аргументации», но кроме того нам приходится обосновывать то, почему в качестве тезиса и аргументов мы выделяем из текста те или иные положения – и это также представляет собой мета-аргументативную деятельность. Все перечисленные выше авторы, так или иначе, в своих исследованиях обращаются к указанным мета-аргументативным процедурам, а также описывают их, хотя и в другой терминологии. Кратко мы можем представить их позицию следующим образом: является ли мышление критическим, мы можем выяснить только в результате анализа аргументативных структур, используемых его носителем при представлении результатов своей когнитивной деятельности.

Мета-аргументативной парадигме противостоят психологические исследования мышления, в которых выделяется куда более широкий спектр его типов и подтипов (предметно-образное, понятийное, творческое и пр.). Мы не будем обращаться к этим типологиям, поскольку в контексте нашего исследования нам интересны аргументативные проявления когнитивных типов в текстах культуры, а этот аспект обычно не рассматривается в психологических изысканиях (даже несмотря на то, что используемая в них терминология сходна с философской).

Возвращаясь к пониманию аргументации как «прикладного мышления» обратим внимание на два ее аспекта. Во-первых, это логическая основа аргументации, т. е. использование в ней априорных доказательных структур и наличие определенного рода ошибок, и, во-вторых, стилистика аргументации, специфика использования разнообразных квазиаргументативных средств, зависящая как от непосредственных обстоятельств аргументативного действия, так и от широкого контекста культурно-исторической ситуации. Два этих аспекта составляют набор навыков (называемых сегодня «soft skills»), определяющих собой стиль мышления.

Мы можем сформулировать наше понимание типа когнитивной деятельности как совокупности когнитивной установки и стиля аргументации субъекта

когнитивной деятельности. Такая структура является обобщением (я полагаю, вполне правомочным) схемы критического мышления, предложенного Д. Уолтоном, которое он определяет как сочетание навыков и критической установки [6, р. xi]. Д. Халперн в эту схему добавляет еще набор знаний, и получившийся конструкт приписывает Б. Расселу (правда, без соответствующей ссылки). В своей статье я обойду обсуждение необходимости формирования знаниевой базы стороной: традиционно логика заинтересована в форме, а не в содержании рассуждений, а знаниевая база как раз представляет собой единственный содержательный компонент в рассматриваемой нами структуре. Навыки критического мышления (в частности, навыки анализа аргументации и реализации комплексов вопросно-ответных процедур) в своей совокупности представляются мне стержнем критического аргументативного стиля, однако приобретены и реализованы они могут быть только в случае наличия у субъекта когнитивной деятельности соответствующей установки.

Установку мы будем понимать в классическом духе Д. Н. Узнадзе как состояние, представляющее собой некоторую «тенденцию к определенным содержаниям сознания» [8], причем состояние это является целостной структурой и способно определять состав и течение психических явлений. В широком понимании, установку можно отнести ко многим когнитивным процессам – от восприятия до воображения. В контексте нашего исследования нас интересуют установки мыслительные, которые определяют специфику оценивания воспринимаемой информации и оперирования ею в ходе мыслительной деятельности, эксплицируемой в виде аргументативных структур. Таким образом, когнитивная установка фактически является готовностью субъекта когнитивной деятельности использовать определенные критерии оценивания информации и способы построения рассуждений. При этом установка предполагает специфическую интенциональность восприятия информации, когда наше внимание оказывается выборочным и направленным на события (факты, информацию и пр.) определенного рода. Результатом наличия когнитивной установки мы можем считать то, что М. Полани называет «личностным знанием» в науке [9], неосознаваемым, но влияющим на ход научного исследования.

Итак, в рамках мета-аргументативной парадигмы мы можем противопоставлять два типа когнитивных установок: догматическую и критическую.

Догматическая установка, по-видимому, является базовой для человеческого мышления. Она предполагает наличие тезисов, представляющих истину «в последней инстанции». Содержание этих тезисов представляет собой в любом обосновании достаточный аргумент; выявление же противоречия с догмой делает суждение не только ложным, но и морально неприемлемым. Как пишет А. А. Ивин, «суть догматизма – в стремлении всегда идти от идей к фактам, реальности, и ни в коем случае не в обратном направлении. Догматик, затвердивший идею и отправляющийся от нее к реальности, не способен заметить несовпадения идеи с изменившимися обстоятельствами» [4, С. 347]. Догматическая установка проявляется в готовности субъекта когнитивной деятельности, во-первых, во всем искать подтверждение принимаемым догматам, а во-вторых, отвергать любую

информацию, догмату противоречащую; причем отвержение это может быть обосновано, в том числе, эмоционально и иррационально (например, когда за фактами или высказываниями видят чьи-то «происки», например, «руку Кремля» и пр.).

Критическая установка формируется, по-видимому, в период Античности, и традиционно соотносится с философской и научной деятельностью, хотя может быть реализована и в рамках обыденного мышления. Ее нормативная составляющая содержательно может быть сведена к выполнению основных законов традиционной логики. При этом в качестве дополнительной нормы предполагается возможность пересмотра любого ранее принятого как истинное суждения, если оно становится причиной возникновения противоречий внутри системы суждений. Таким образом, критическая установка проявляется в готовности субъекта к анализу и сопоставлению информации, пересмотру своих позиций и согласию с рациональной аргументацией. К. Поппер отмечает, что именно критическая установка (а не навык!) «делает науку тем, что он есть» [10, С. 26]. А Т. Чатфилд, определяя критическое мышление, фактически говорит именно об установке: «критическое мышление – это активное стремление к пониманию происходящего путем его осмысления, оценки свидетельств и глубокого постижения процесса мышления как такового» [11, С. 16]. Здесь Чатфилд с одной стороны констатирует стремление (т.е. готовность) к критическому осмыслению, а с другой стороны, выделяет одно из главных специфических свойств критического мышления: «постижение процесса мышления как такового», т. е. рефлексивность.

Я полагаю, что сегодня такая дихотомия (критическая установка vs догматическая) является недостаточной для описания когнитивных типов. Современность предлагает нам новые вызовы. Так называемое «поколение Z», полагаю, не является носителем ни догматической установки, ибо не признает «истин в последней инстанции», ни критической, поскольку не готово проверять «входящую» информацию, и не склонно к рефлексии собственных когнитивных процессов. Полагаю, мы должны сегодня зафиксировать новый тип: клиповую установку.

Понятие «клиповое сознание» восходит к идее «клиповой культуры» Э. Тоффлера; предполагается, что сознание носителя клиповой культуры оказывается организованным соответственно тем же принципам, что и само культурное пространство. В русскоязычный обиход термин «клиповое сознание» ввел Ф. Гиренок в работе «Метафизика пата», а позже доработал его в монографии «Клиповое сознание», где выделил ряд его свойств [12]. Однако речь здесь должна идти не столько о типе сознания, сколько об установке восприятия информации. Действительно, стремление к визуализации информации и минимизации вербальной ее составляющей, потребность в постоянном переключении между информационными блоками (сравниваемыми с фрагментами лоскутного одеяла) и пр. – это скорее особенности установки на восприятие определенного рода контента и способы оперирования им, нежели свойства сознания. Таким образом, мы можем говорить о третьем типе: клиповой установке.

Формирование клиповой установки связано с особенностями реорганизации информационных потоков. Она характерна для обыденного мышления, однако постепенно пробирается и в научно-популярные тексты. Авторитет текста-догмата или рационального критерия оценки сменяется на идеологию плюрализма и релятивизма. Предполагается, что любая позиция может иметь место при определенных условиях интерпретации событийного ряда, и противоречивые события могут приниматься как равнозначно вероятные без их дальнейшей критической проверки. Т. е. клиповая установка представляет собой готовность принимать информацию любого рода без дальнейшего ее анализа, а также допускать противоречия различного масштаба, интерпретируя противоречивую информацию как «равновозможную».

Я полагаю, что в некотором смысле три рассмотренные установки могут сочетаться в когнитивной деятельности одного субъекта, разделив между собой «сферы влияния». Этот тезис хорошо вписывается в концепцию критического мышления, согласно которой возможность его развития тесно связана с формированием специализации. Поскольку навыки критического мышления требуют не только рациональности, но и минимального набора фактических знаний для возможности проверки информации, то критическое мышление может быть реализовано только в областях знания, в которых субъект когнитивной деятельности компетентен. Тогда мы можем предположить ситуацию, в которой один и тот же человек может быть носителем критической установки, когда дело касается его профессиональной жизни, догматической – в области вопросов религиозного характера или семейной жизни и клиповой – при восприятии информации социокультурного характера, включая политические новости и хронику последних событий. Соответственно, установка тянет за собой использование того или иного рода аргументативных структур, определяющих стиль мышления субъекта.

Стили мышления в диахронической перспективе

Понимание современного стиля мышления и аргументации как его внешнего проявления возможно только при взгляде на него в диахронической перспективе. При этом значение для изменения аргументативных паттернов имеют несколько факторов: изменение текстовой культуры, широкий культурно-исторический контекст, доминирующая ориентация на тип адресата текста и формат коммуникации, в которой реализуется текстовая деятельность.

Изменение текстовой культуры я понимаю как смену способа создания, хранения и трансляции текстов. В первую очередь, речь идет здесь о возникновении новых технологий (в широком смысле этого слова), таких как алфавитное письмо, книгопечатание, компьютер и Интернет. Материальная форма воплощения текста влияет на восприятие его смысла и на его судьбу. У. Эко пишет, что «читать с дисплея – это совсем не то же самое, что читать со страницы» [13]; следствие этой разницы – не только различие в понимании смысла текста его адресатом, но и связанные с ним изменения в требованиях к самому тексту, как чисто формальные, так и содержательные.

Культурно-исторический контекст предлагает набор признанных в сообществе авторитетов и принятых этикетных формул, влияющих на организацию аргументативного текста. Очевидный пример тому – многочисленные ссылки на сакральные тексты в средневековой философии, чуть менее очевидный – многочисленные аналогии в диалогах Платона, играющие роль достаточного обоснования позиции.

Доминирующая ориентация на адресата представляет собой функциональную презумпцию как совокупность представлений об адресате текста [16, С. 14]. Если мы говорим о текстах философских и научных, то тут возможно несколько вариантов: а) научный текст адресован узкому кругу коллег; б) учебный текст написан для относительно подготовленных учеников и в) научно-популярный текст предназначен для широкой, часто недифференцированной аудитории.

Способ коммуникации может предъявлять более или менее жесткие требования к аргументативным процедурам. Так, современная статья в рецензируемом издании предполагает использование в качестве основы обоснования дедуктивных структур или научной индукции, тогда как открытая лекция может гораздо вольнее использовать аналогию, неполную индукцию, а временами просто подкреплять тезис примером или ссылкой на авторитет.

Эти четыре базовых фактора определяют множество аргументативных стратегий, адекватных тому или иному типу текста. Под аргументативной стратегией я понимаю методическое планирование действий, оказывающих влияние на исход (эффективность) процесса убеждения, и проявляющееся в систематическом, координированном и одновременном использовании возможностей, соответствующих конкретному контексту аргументации.

Аргументативную стратегию мы можем представить в виде модели:

$$M = \langle \{A\}, \{K\}, \{S\} \rangle,$$

где А – множество используемых субъектом видов аргументации; К – множество используемых субъектом видов квазиаргументативных средств; S – множество используемых субъектом схем аргументации. Преобладание у автора некоторого набора привычных аргументативных стратегий я буду называть аргументативным поведением, а повторяющееся использование однотипных фрагментов этих моделей – аргументативными паттернами. Я полагаю, что используемые в учебной, научной и научно-популярной литературе аргументативные паттерны являются основополагающими для формирования как когнитивной установки, так и стиля мышления их адресата.

Диахронический анализ аргументативной структуры текста связан с выявлением структурных элементов предложенной модели. В качестве эмпирического материала тут могут быть использованы в первую очередь философские и научные тексты, образцы которых мы можем найти на всех этапах развития текстовой культуры. Однако количество работ, посвященных диахроническому исследованию аргументативных практик, сегодня достаточно ограничено. Системный характер носит исследование С. Тулмина [18], важное методологическое значение имеют работы А. Г. Гросса, Дж. Е. Хармона и М. С. Рейди [19], М. А. Финокьяро [20]. Интересным частным исследованием

является работа Сары Рубинелли [21], на русском языке за последние годы вышли две коллективные монографии, представляющие собой собрание детальных исследований отдельных текстов [22, 23]. Однако в целом о достаточной разработанности этой темы мы говорить пока не можем.

В общих чертах картина исторической трансформации аргументативных процедур выглядит следующим образом:

В Античности происходит переход от устной к рукописной текстовой культуре. В это время доминируют рассуждения по аналогии; используются многочисленные примеры и иллюстрации. Полагаю, это связано с тем, что такой иллюстративный материал лучше воспринимается при устной передаче текста. Обратим здесь внимание на то, что смена аргументативных схем всегда следует за изменением текстовой культуры, но с небольшим запозданием. При этом первые артефакты текстов нового типа обычно являются просто копией текстов предыдущей культуры, зафиксированной при помощи новой технологии, а для содержательных изменений требуется некоторое время.

Средние века представляют собой расцвет рукописной текстовой культуры. В это время наиболее используемыми оказываются ссылки на авторитеты, метафоры и аллегории, что во многом обусловлено господством религиозных догматов и становлением университетской культуры.

В Новое время происходят два важных события: формируется печатная текстовая культура («эпоха Гутенберга» в терминологии М. Маклюэна) и из философии выделяется целая группа естественных наук. Наукообразность становится эталоном для текстов философских, и теперь лидирующие позиции в них занимают дедуктивные схемы рассуждений.

Просвещение оказывается кульминацией развития печатной текстовой культуры. В это время возникают первые популяризаторские идеи, благодаря чему формируется новый тип текста, интересного с точки зрения его аргументативного анализа: текст научно-популярный. В целом его аргументативная структура совпадает со структурой научных текстов, за исключением стилистических отличий.

Современность ознаменована переходом к электронной текстовой культуре и формированием «клиповой культуры» и клиповой когнитивной установки. Сегодня все больше разводятся форматы научного (и наукообразного философского) и научно-популярного текстов. Если научный текст все еще основывается на традиционных дедуктивных схемах рассуждений, то научно-популярный текст, следуя веяниям времени, становится все более похожим на так называемый «продающий текст». Этот тип текстов – любопытный феномен! Стилистически и даже визуально они кажутся принципиально новыми, тогда как по своим аргументативным структурам почти полностью соответствуют текстам устной письменной культуры. Интересно, что филологи даже называют используемый в них язык «устно-письменной речью» [2]. Обратим внимание на то, что «продающий текст» явным образом ориентирован на адресата – носителя клиповой установки. На это указывают такие его характеристики как дробление текста на легкие в

восприятии короткие информационные блоки и последовательное дублирование значимых элементов в этих блоках с целью демонстрации явной связи между ними.

Если посмотреть на это новое явление сквозь призму нашей модели аргументации, то мы получим следующее:

А (виды аргументации): преобладающим паттерном оказываются доказательства по аналогии (такие же, как и в устной текстовой культуре в период античности);

К (квазиаргументативные средства) можно поделить на две группы: 1) визуальные квазиаргументативные средства, определенные форматом продающего текста и 2) вербальные квазиаргументативные средства, среди которых доминируют уловки группы *ad hominem*.

С (схемы аргументации): преобладают единичные, иногда связанные аргументативные структуры; в полемических текстах дискуссия преимущественно дробится на отдельные блоки, в каждом из которых речь идет только об одном пункте несогласия.

Таким образом, в аргументативных схемах научных и научно-популярных текстов сегодня мы можем наблюдать все увеличивающийся разрыв, связанный, я полагаю, со следующими обстоятельствами. Во-первых, с функциональными презумпциями агентов аргументативной деятельности, а во-вторых, с разрывом в принадлежности к определенной текстовой культуре: тогда как научный текст еще по сути своей создается в форматах печатной текстовой культуры, научно-популярные тексты уверенно входят в пространство «дивертисмента» – развлекательного контента электронной текстовой культуры. При этом различны и установки: печатная текстовая культура предполагает наличие альтернативы между критической и догматической установками, тогда как электронная текстовая культура провоцирует формирование установки клиповой. Соответственно, это провоцирует использование различных аргументативных паттернов как в самих текстах, так и в дискуссиях, возникающих вокруг них.

Список литературы

1. Floridi L. Trends in the Philosophy of Information / Floridi L. // *Philosophy of Information*. – 2008. – Vol. 6. – P. 113–131.
2. Лутовинова О. В. Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации / Лутовинова О. В. // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. – 2008. – Вып. 71. – С. 5–65.
3. Маклюэн М., Фиоре К. Война и мир в глобальной деревне / Маклюэн М., Фиоре К.; пер. с англ. И. Летберга. – М.: АСТ: Астрель, 2012. – 219 с.
4. Ивин А. А. Аргументация в процессах коммуникации. *Pro et contra* / Ивин А. А. – М.: Проспект, 2017. – 384с.
5. Finocchiaro Maurice A. *Meta-Argumentation: An Approach to Logic and Argumentation Theory* / Finocchiaro M. A. – London: College Publications, 2013. – 279 p.
6. Walton D. *Fundamentals of Critical Argumentation* / Walton D. – New York: Cambridge University Press, 2006. – 343 p.
7. Халперн Д. Психология критического мышления / Халперн Д.; пер. с англ. Н. Мальгиной, С. Рысева, Л. Царук. – СПб.: Питер, 2000. – 512 с.

8. Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A3/uznadze-dmitrij-nikolaevich/psihologiya-ustanovki/1> (дата обращения: 09.06.2019).
9. Полани М. Личностное знание. На пути к постнеклассической философии / Полани М.; пер. с англ. Под ред. Н. В. Щукина; общ. ред. В. А. Лекторского. – М.: Прогресс, 1985. – 334с.
10. Поппер К. Вся жизнь – решение проблем. О познании, истории и политике. Ч.1: Вопросы познания природы / Поппер К.; пер. с нем. И. З. Шишкова. – М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2019. – 200 с.
11. Чатфилд Т. Критическое мышление: Анализируй, сомневайся, формируй свое мнение / Чатфилд Т.; пер. с англ. Н. Колпаковой. – М.: Альпина Паблишер, 2019. – 328с., ил.
12. Гиренок Ф. И. Клиповое сознание / Гиренок Ф. И. – М.: Проспект, 2016. – 256с.
13. Эко У. От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст. URL: <http://umbertoeco.ru/ot-interneta-k-gutenbergu-tekst-i-gipertekst/> (дата обращения: 09.06.2019).
14. Рыскельдиева Л. Т. Коммуникация и смысл в текстовой культуре / Рыскельдиева Л. Т., Зарапин О. В., Шапиро О. А., Шкорубская Е. Г. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – 276с.
15. Шапиро О. А. Диалоги: жанр vs формат текстовой культуры / Шапиро О. А. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. – 2016. – Том 2 (68). – №4. – С. 21–30.
16. Лисанюк Е. Н. Когнитивные характеристики агентов аргументации / Лисанюк Е. Н. // Вестник СПбГУ. – 2013. – Сер. 6. – Вып. 1. – С. 13–21.
17. Еемеерен Ф. ван, Хоотлоссер П. Аргументация и разумность. О поддержании искусного баланса в стратегическом маневрировании / Еемеерен Ф. ван., Хоотлоссер П.; пер. с англ. Д. В. Пидаша // Мысль: Аргументация / под ред. В. И. Мигунова, И. Б. Микиртумова, Е. Н. Лисанюк. – 2006. – Вып. 6. – С. 7–22.
18. Toulmin S. Return to reason / Toulmin S. – Harvard University Press, 2003. – 243 p.
19. Gross Allan G. Communicating Science: The Scientific Article from the 17th Century to the Present / Gross Allan G., Harmon Joseph E., Reidy Michael S. – New York: Oxord University Press, 2002. – 267p.
20. Finocchiaro Maurice A. A historical approach in the study of argumentation / / Finocchiaro M. A. // Argumentation: Across the Lines of Discipline / Frans H. van Eemeren. Rob Grootendorst, J. Anthony Blair, Charles A. Willard (eds.). – Dordrecht, Provedance: Foris Publications, 1987. – P. 81–91.
21. Rubinelli S. Ars Topica: The Classical Technique of Constructing Arguments from Aristotle to Cicero / Rubinelli S. – Springer, 2009. – 160p.
22. Многоликая софистика: нелегитимная аргументация в интеллектуальной культуре Европы Средних веков и раннего Нового времени / отв. ред. П. В. Соколов. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015. – 543 с.
23. Полемическая культура и структура научного текста в Средние века и раннее Новое время / отв. ред. Ю.В. Иванова. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. – 495 с.
24. Гусев С. С. Рациональность: истоки и эволюция / Гусев С. С. // Философские науки. – 2015. – № 5. – С. 42–50.
25. Эко У. От древа к Лабиринту. Исторические исследования знака и интерпретации / Эко У.; пер. с итал. О. А. Поповой-Пле. – М.: Академический проект, 2016. – 559с.
26. Шапиро О. А. Методологические основания исследования истории аргументативных практик / Шапиро О. А. // Рацио. – 2017. – Вып. 18(1). – С. 50–67.
27. Шапиро О. А. Аргументация в публичной переписке: от журнальных статей к социальным сетям. / Шапиро О. А. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. – 2017. – Том 3 (69). – №3. – С. 30–41.

Shapiro O.A. Argumentative Behavior in the Context of Electronic Textual Culture // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 3. – P. 30–41.

The article is dedicated to the most prevalent argumentative structures (argumentative patterns) research. The author thinks, that argumentative patterns formation depends on a cultural-historical context, which includes a textual culture and cognitive attitudes as its main components. The author distinguishes three variants of

cognitive attitudes: dogmatic, critical and clip. In conjunction with argumentative patterns they define a style of thinking – individual and historical. Notice, that the third – clip – attitude is a modern phenomenon, and its origin is connected with a clip culture beginning in the XX century. In the second part of the article the author suggests a diachronic analysis of thinking style transformation, which is conveyed in changes of argumentative structures, which are used in texts. The author considers a few time periods: Antiquity, the Middle Ages, the New Age, the Enlightenment and Modernity. Special attention is paid to the study of modern argumentative patterns. The author demonstrates a specific of modern thinking style: from the one hand it is connected with fundamentally new cognitive attitude formation, and from the other hand argumentative patterns used in the electronic textual culture are similar to oral textual culture argumentative patterns, which were common in the early Antiquity.

Keywords: argumentation, argumentative pattern, cognitive attitude, critical thinking, clips thinking, textual culture.

References

1. Floridi L. Trends in the Philosophy of Information. *Philosophy of Information*, 2008, Vol. 6, P. 113–131.
2. Lutovinova O. V. Internet kak novaja «ustno-pis'mennaja» sistema kommunikacii [Internet as a New "Oral-written" Communication System], *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. A.I. Gercena* [News of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University], 2008, Vol. 71, P. 58–65.
3. McLuhan M., Fiore K. *Vojna i mir v global'noj derevne* [War and Peace in the Global Village]. Moscow, AST, Astrel', 2012, 219 p.
4. Ivin A.A. *Argumentacija v processah kommunikacii. Pro et contra* [Argumentation in Communication Processes. Pro et Contra]. Moscow, Prospekt, 2017, 384 p.
5. Finocchiaro Maurice A. *Meta-Argumentation: An Approach to Logic and Argumentation Theory*. London: College Publications, 2013, 279 p.
6. Walton D. *Fundamentals of Critical Argumentation*. New York, Cambridge University Press, 2006, 343 p.
7. Halpern D. *Psihologija kritičeskogo myshlenija* [Thought and Knowledge: An introduction to Critical Thinking]. St. Petersburg, Piter, 2000, 512 p.
8. Uznadze D.N. *Jeksperimental'nye osnovy psihologii ustanovki* [Experimental Principles of Psychology of Attitude]. URL <https://litres.ru/chitat/ru/%D0%A3/uznadze-dmitrij-nikolaevich/psihologiya-ustanovki/1> (Accessed: 09.06.2019).
9. Polany M. *Lichnostnoe znanie. Na puti k postneklassičeskoj filosofii* [Personal knowledge. Towards a post-critical philosophy], Moscow, Progress, 1985, 334 p.
10. Popper K. *Vsja zhizn' – reshenie problem. O poznanii, istorii i politike. Ch.1: Voprosy poznaniya prirody* [All Life is Problem Solving. About Knowledge, History and Politics. Part 1: Questions of Knowledge of Nature]. Moscow, URSS: LENAND, 2019, 200 p.
11. Chatfield T. *Kritičeskoe myshlenie: Analiziruj, somnevajsja, formiruj svoe mnenie* [Critical Thinking. Your Guide to Effective Argument, Successful Analysis and Independent Study]. Moscow, Al'pina Publisher, 2019, 328 p.
12. Girenok F. I. *Klipovoe soznanie* [Clip Consciousness]. Moscow, Prospekt, 2016, 256 p.
13. Eco U. *Ot Interneta k Gutenbergu: tekst i gipertekst* [From Internet to Gutenberg: Text and Hypertext]. URL <http://umbertoeco.ru/ot-interneta-k-gutenbergu-tekst-i-gipertekst/> (Accessed: 9.06.2019).
14. Ryskel'dieva L.T. *Kommunikacija i smysl v tekstovoj kul'ture* [Communication and Sense in a Textual Culture]. Ryskel'dieva L.T., Zarapin O.V., Shapiro O.A., Shkorubskaja E.G. Simferopol', PP ARIAL, 2018, 276 p.
15. Shapiro O.A. *Dialogi: zhanr vs format tekstovoj kul'tury* [Dialogue: Genre vs Format of Textual Culture], *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo* [[Scientific Notes of Crimea Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political sciences. Culturology], 2016, Vol. 2(68), №4, P. 21–30.

16. Lisanjuk E.N. Kognitivnye harakteristiki agentov argumentacii [Cognitive Characteristics of Argumentation Agents]. Vestnik SPbG [Bulletin of Saint-Petersburg State University], 2013, Ser. 6, Vol. 1, P. 13–21.
17. Eemeren F. van, Hortlosser P. Argumentacija i razumnost'. O podderzhanii iskusnogo balansa v strategicheskom manevrirovanii [Argumentation and Reasonableness. On Maintaining a Skilful Balance in Strategic Maneuvering]. Mysl': Argumentacija: Sb. Statej [Thought: Argumentation: Collection of Articles]. 2006, P. 7–22.
18. Toulmin S. Return to reason. Harvard University Press, 2003, 243 p.
19. Gross Allan G., Harmon Joseph E., Reidy Michael S. Communicating Science: The Scientific Article from the 17th Century to the Present. New York, Oxord University Press, 2002, 267 p.
20. Finocchiaro Maurice A. A historical approach in the study of argumentation. Argumentation: Across the Lines of Discipline, Frans H. van Eemeren, Rob Grootendorst, J. Anthony Blair, Charles A. Willard (eds.). Dordrecht, Provedance, Foris Publications, 1987, P. 81–91.
21. Rubinelli S. Ars Topica: The Classical Technique of Constructing Arguments from Aristotle to Cicero. Springer, 2009, 160 p.
22. Mnogolikaja sofistika: nelegitimnaja argumentacija v intelektual'noj kul'ture Evropy Srednih vekov i rannego Novogo vremeni [Many-sided Sophistry: an Illegitimate Argument in the Intellectual Culture of Europe in the Middle Ages and in the Early New Age]. Moscow, Higher School of Economics' Publishing house, 2015, 543 p.
23. Polemicheskaja kul'tura i struktura nauchnogo teksta v Srednie veka i rannee Novoe vremja [The Controversial Culture and Structure of the Scientific Text in the Middle Ages and Early New Time]. Moscow, Higher School of Economics' Publishing house, 2012, 495 p.
24. Gusev S. S. Racional'nost': istoki i jevoljucija [Rationality: The Origins and Evolutions]. Filosofskie nauki [Philosophical Sciences], 2015, № 5, P. 42–50.
25. Eco U. Ot dreva k Labirintu. Istoricheskie issledovanija znaka i interpretacii [From the Tree to the Labyrinth. Historical Studies of the Sign and Interpretation]. Moscow, Akademicheskij proekt, 2016, 559 p.
26. Shapiro O. A. Metodologicheskie osnovanija issledovanija istorii argumentativnyh praktik [Methodological Grounds for Studying the History of Argumentative Practices]. Ratio, 2017, Vol. 18 (1), P. 50–67.
27. Shapiro O. A. Argumentatsiya v publichnoi perepiske: ot zhurnal'nykh statei k sotsial'nym setyam [Argumentation in Public Correspondence: from Journal Articles to Social Networks]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo [Scientific Notes of Crimea Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political sciences. Culturology]. 2017, Vol. 3 (69), №3, P. 30–41.

УДК 323.101 (47)

ГРУППИЗМ В СОВРЕМЕННЫХ МОДЕЛЯХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Винчковский Е. В.

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: vinchkovskiy@gmail.com

В работе описано отражение теоретических основ группизма в терминологическом аппарате и моделях национальной политики. Критически отмечается склонность ряда исследователей к закреплению недифференцированного списка коллективных образований в качестве объекта политических практик. Приведена аргументация о возможности использования гражданина в качестве единственного формализованного субъекта национальной политики.

Ключевые слова: национальная политика, модель, этническая группа, гражданин, мультикультурализм, группизм.

Актуальность выбранной темы обусловлена наличием в научном сообществе амбивалентной позиции, с одной стороны, выражающейся в критике представления групп как фиксированных единиц социальной деятельности, и в то же время, с другой стороны, при переходе исследования на конкретный эмпирический материал – в утверждении наличия коллективных образований и презентации последних в качестве объекта политических и юридических практик. Натуралистическая трактовка этнических общностей в политическом пространстве в последнее время имеет тенденцию к росту, когда политики и лидеры индигенистских организаций и движений с помощью нанимаемых ими адвокатов, и юристов все активнее используют националистические, этнистские и откровенно расистские подходы, возрождая концепцию народа как единства крови и почвы [1, С. 21]. В свою очередь, научное сообщество дает многочисленные поводы к подобного рода спекуляциям, фиксируя в предмете и целях национальной политики набор коллективных субъектов, зачастую с неопределенными статусами и границами. В настоящей статье представлен выборочный критический обзор дефиниций и моделей национальной политики с авторской аргументацией необходимости изменения подхода к субъекту и целям подобного рода политической деятельности.

В начале данной работы обозначим некоторые терминологические контуры исследования. Во-первых, под группизмом понимается тенденция овеществления

групп, приписывания им собственных интересов и деятельности, а также переноса такого понимания в юридическое и политическое поле, зачастую подменяя данным термином институт гражданства [2, С. 23; 3, С. 25]. Во-вторых, в настоящей статье не ставится цель демаркации национальной политики от смежной терминологической базы, уточним лишь тот момент, что в современной философской, этнографической и политологической литературе используется разнообразное содержание данного понятия [1; 4; 5; 6]. В этой статье понятие «национальная политика» используется в формальном контексте как наиболее часто встречающийся термин, иные термины употребляются в качестве синонимов.

Прежде чем перейти к классификациям национальной политики необходимо рассмотреть ряд типичных (с точки зрения отражения теоретических основ группизма) определений национальной политики. Так, например, Зорин В. Ю. закрепляет следующее содержание данного феномена: «Суть этих понятий составляют вопросы состояния и развития этнического разнообразия населения страны (многонационального народа), системы государственной организации и управления в условиях многонациональности, учета и реализации прав, запросов и интересов граждан и этнических общностей, связанных с сохранением их культуры, традиций, языка в условиях единой страны и разного типа расселения. Наконец, сюда же входят проблемы межэтнических отношений, включая возможные конфликты, а также методы их предотвращения и разрешения. К этой же сфере в последние 15 лет, начиная с этнополитического конфликта в Чечне, добавились вопросы вооруженного этнического сепаратизма, религиозного радикализма, международного терроризма...» [7, С. 6]. Во-первых, по нашему мнению, подобное определение слишком широко трактует термин национальная политика. Цитируемая система государственной организации и управления, по сути, включает в себя любые вопросы государственной политики. Образование, миграция, федеративное устройство, система правосудия и многое другое может осуществляться и напрямую сталкиваться с условиями (или в условиях) многонациональности. Во-вторых, как мы видим, автор фиксирует в своем определении различные коллективы – население, многонациональный народ, этнические общности, в определенной мере, даже Чечня предстает в виде отдельной социальной сущности. Данный пример наглядно демонстрирует представление о группах как реальных и устойчивых социальных единицах, чьи запросы, права и интересы призвана разрешать и защищать национальная политика государства.

Зорин В. Ю., впрочем, сужает содержание национальной политики и исключает этнические общности из субъектного состава, когда говорит об ее цели – «удовлетворение конституционных прав наших граждан, этнических и конфессиональных, а также обеспечение общественно-политической стабильности» [7, С. 23]. Но такое понимание цели вызывает ряд вопросов. Разве государство не должно заботиться об удовлетворении прав не «наших граждан»? Как нам кажется, разрешение множества этнокультурных противоречий требует универсальных решений как для сограждан, так и для иностранцев, которые не в меньшей мере влияют на состояние и развитие этнического разнообразия и конфессиональной гармонии. Кроме того, мы возражаем против определения цели этнической

политики как «обеспечения общественно-политической стабильности». Целями различных ультраправых и фундаменталистских движений и идеологий также может являться обеспечение общественно-политической стабильности, но это не делает их чем-то схожим с национальной политикой.

«Привязка» национальной политики к субъектному составу встречается и в работах Сергеева С. А., который закрепляет следующее содержание данного понятия: «Национальная политика» это и государственная политика (например, национальная промышленная политика, национальная аграрная политика и пр.) и в то же время государственная политика в отношении этносов, этнических групп и регулирования межэтнических отношений» [8, С. 39]. Как видно, автор исключил предметный критерий в определении политики, а лишь указал на субъекты и процессы такой деятельности. Хотя подобное определение привлекает своей лаконичностью, все же перед читателем встают те же самые вопросы. В каких целях автор одновременно использует понятия «этнос» и «этническая группа»? Являются ли они самостоятельными субъектами этнической политики или употребляются в качестве синонимов? Как государственная политика, явно принимающая юридические формы, реализуется в отношении юридически не оформленных субъектов?

Последний вопрос приводит нас еще к одной проблеме отечественного дискурса об этничности и мультикультурализме – это отказ от индивида как субъекта национальной политики. Отсутствие граждан (используется как равнозначное понятие) в исследованиях по данной проблематике выглядит зачастую странным в том смысле, что если автор действительно желает сформулировать свое определение какого-либо рода политики через субъект, но при этом он придерживается конструктивистских взглядов, то индивид — это прекрасное решение для подобного рода определений. По нашему мнению, противоречие между автономией индивида и традиционными практиками (мультикультурная уязвимость) является основной задачей, которую призвана решать национальная политика. Кроме того, граждане – это единственный юридически формализованный субъект, способный определять состав, волю и интересы тех самых этнических групп. Но как мы видим в определении Сергеева С. А. и увидим далее в классификациях национальной политики, гражданин довольно «редкий гость» в подобного рода исследованиях.

С точки зрения проявлений группизма, в терминологическом аппарате следует также обозначить и государственное определение национальной политики, раскрываемое в п. 5 Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: «Основными вопросами государственной национальной политики Российской Федерации, требующими особого внимания государственных и муниципальных органов, по-прежнему являются: а) сохранение и развитие культур и языков народов Российской Федерации, укрепление их духовной общности; б) обеспечение прав коренных малочисленных народов и национальных меньшинств; в) создание дополнительных социально-экономических и политических условий для обеспечения прочного национального и межнационального мира и согласия на Северном Кавказе;

г) поддержка соотечественников, проживающих за рубежом, содействие развитию их связей с Россией». Исходя из данного определения вопросов политики видно, что государство также по большей мере избирает субъектный критерий при формулировании содержания национальной политики. Определение включает множество коллективных субъектов: народ, национальные меньшинства, коренные малочисленные народы, соотечественники, проживающие за рубежом. Только два последних термина имеют собственное законодательное определение и юридический статус², но с определенной долей условности, так как конкретные права и обязанности, границы правомочий и ответственности имеют не сами группы, а отдельные представители в индивидуальном порядке. Эти обстоятельства опять же приводят к выводам об отсутствии в определении какого-либо понимания того, что национальная политика заключается прежде всего в обеспечении прав граждан, баланса их гражданских прав и этнокультурных практик, оказания поддержки социальным связям между ними в случае сотрудничества или разрешения в случае конфликта.

Промежуточным итогом по рассмотренным вариантам определений национальной политики является то, что, как правило, они строятся исходя из презумпции понимания этнических групп, наций и рас как субстанциальных сущностей, к которым могут быть приписаны интересы и деятельность [2, С. 23]. При этом, хотя такая группа закрепляется в дефиниции политики, сама группа не является для автора того или иного определения формализованной, мы не обладаем должным пониманием того, где проходят границы группы, и должны ли они в принципе проходить. Подобные выводы о тенденциях группизма в научной и политической среде отражены в различных зарубежных и отечественных исследованиях, например, В. Тишков указывает: «Академический анализ и политика строятся на том, что существуют изначально некие социальные группировки людей, по которым люди расписаны чуть ли не с рождения. В силу этой групповой принадлежности у гражданина и у группы в целом есть потребности, интересы и права и даже отдельная “этническая правосубъектность”... Вне групп или за пределами группы как бы нет этнокультурной реальности, а значит, и нет субъекта и объекта политики» [6, С. 250]. В ряде зарубежных работ по проблемам мультикультурализма также высказывались мнения о невозможности закрепления культурных и, тем более, юридических границ группы, в частности, в тезисах Р. Брубейкера, который одним из первых полно описал эти тенденции к представлению социального и культурного мира как многоцветной мозаики, составленной из одноцветных этнических, расовых или культурных блоков [2, С. 24], или сходные с ним размышления С. Бенхабиб об «упрощенческой социологии культуры», которая строится на ложных представлениях: «1) будто культуры представляют собой четко очерченные

² См.: Федеральный закон от 30.04.1999 N 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»; Федеральный закон от 24.05.1999 N 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». Схожие группистские настроения сохраняются и на региональном уровне, что наглядным образом демонстрируется содержанием конституций и основных законов субъектов Российской Федерации.

целостности; 2) будто культуры соответствуют группам населения и возможно непротиворечивое описание культуры определенной группы людей; 3) будто даже, если культуры и группы не полностью соответствуют друг другу, если в рамках одной группы заключено более одной культуры и более одной группы, могут иметь одни и те же культурные черты, это не составляет серьезной проблемы для политического процесса и государственной политики» [9, С. 29].

В этом отношении более новаторскими, с точки зрения отечественной политической философии и политической теории, являются определения национальной политики, в которых прослеживается отказ от принципов группизма, а внимание акцентируется на процессах и взаимоотношениях, в частности, определение Дробижевой Л. М.: «Этнополитика в таком случае имеет дело не с объектом в лице этнической группы, а с определенной ситуацией ... есть основания определять этнополитику как ответы на практику схожих ситуаций этнонациональных взаимодействий» [5, С. 25–26]. Или определение национальной политики Морозовой Н. М.: «Сущность национальной политики сводится к гармонизации и оптимизации межэтнических отношений, управлению конфликтами» [10, С. 91]. Безусловно, данные определения тоже не могут стать эталонными, например, по нашему мнению, отсутствие упоминания в целях или задачах национальной политики разрешения мультикультурной уязвимости является слабой стороной данной терминологии, но все же эти дефиниции отказываются от таких ограниченных и одновременно неопределенных объектов государственной политики как этнические группы.

Рассмотрев академические и государственные подходы в определении национальной политики, следует обратиться к вопросу, как же проявляется группизм в различных классификационных моделях национальной политики, имеются ли все те же попытки формализации этнических групп и приписывания им собственной воли, интересов и деятельности. При анализе мы будем рассматривать условно «позитивные» модели национальной политики, признающие ценности терпимости, равенства, отсутствия дискриминационных условий, исключив, таким образом, модели этнокультурной политики по типу апартеида, сегрегации и т.п.

Паин Э. А. маркирует виды национальной политики следующим образом: «1) Политика отчужденности; 2) Политика балансирования между общественным мнением, настроенным против национальных меньшинств, и необходимостью политической стабильности; 3) Политика противодействия экстремизму и конструктивного сотрудничества с национальными меньшинствами» [11, С. 32–34]. Прежде чем говорить о субъектно-объектных особенностях данных моделей, отметим общий недостаток цитируемого отрывка – это отсутствие единого классификационного основания. Автору настоящей статьи остается неясным, по каким критериям Паин Э. А. фиксирует данные модели, и как настолько разные феномены, заключенные в классификации, стали представлять модели национальной политики. При переходе к вопросам субъектно-объектных отношений национальной политики, мы встречаем широко представленные в критике группизма национальные меньшинства, при этом, особенно конструктивистски ненадежно выглядит авторское «конструктивное

сотрудничество» с ними. Если авторская классификация требует включения субъекта, то для подобного построения модели как раз не следовало исключать большинство, заменяя его неопределенным кругом меньшинств (под большинством мы подразумеваем всю совокупность граждан государства со своими этнокультурными потребностями и проблемами).

Ранее цитируемый Сергеев С. А. также представляет собственную типологию моделей национальной политики. В качестве основания классификации автор указывает цели проводимой политики: «они сводятся либо к созданию (сохранению) этнически разнородного, мультикультурного общества, либо к созданию (сохранению) этнически гомогенного, однородного общества» [8, С. 39]. Автором выделены следующие модели национальной политики – ассимиляция; жесткий мультикультурализм («для индивида считается желательным сохранять свою этническую идентичность»); мягкий мультикультурализм («сохранение этнической идентичности, так и ее (ассимиляция) целиком и полностью являются личным делом индивида»); геттоизация («связана с обособлением мест проживания лиц определенной этнической или расовой принадлежности, но отличается от апартеида тем, что данное обособление может носить добровольный характер и не сопровождаться дискриминацией») [8, С. 42].

Несмотря на то, что цитируемый автор, в отличие от многих его коллег, обратил внимание на индивида-гражданина как объекта национальной политики и напрямую указал на основание классификации, многие формулировки указанных моделей нуждаются в доработке. Во-первых, обращаем внимание на определение автором жесткого мультикультурализма («для индивида считается желательным сохранять свою этническую идентичность»). Слово «желательно» предполагает желание гражданина сохранять или не сохранять этническую идентичность, при таком толковании становится неясным разграничение мультикультурализма на два отдельных типа, так как оба из них сопровождаются добровольностью выбора своей идентичности. В зарубежных исследованиях совершенно иначе подходят к разграничению мультикультурализма на жесткий и мягкий типы. Так Шахар А. говорит о том, что жесткий мультикультурализм, по большей мере, связан с вопросами равенства групп, обеспечения участия групп в политическом процессе, легальном самоуправлении общин, в свою очередь, мягкий мультикультурализм направлен на решение проблем сочетания норм и практик группы с общечеловеческими гражданскими правами [12] (здесь заметим Шахар А. как раз использует принципы группизма). Во-вторых, неясным остается выделение «геттоизации» как отдельной модели этнической политики по той причине, что, либо автором изменено основание классификации (на некий тип расселения), либо предмет данного типа совпадает с предметом жесткого мультикультурализма, так как государство способствует сохранению гражданами этнической принадлежности. С точки зрения рассмотрения данной классификации с позиций группизма, мы видим отказ от этнических групп в качестве объектов национальной политики, несмотря на собственное определение Сергеева С. А. Определенные отголоски группизма могут быть усмотрены только в приписывании гражданам некой

устойчивой и прозрачно определяемой границы своей этнической принадлежности или идентичности.

Среди зарубежных типологий моделей национальной политики, кроме разграничения мультикультурализма А. Шахар, выделим классификацию Ч. Кукатаса – изоляционизм, ассимиляторство, «мягкий» мультикультурализм, «жесткий» мультикультурализм [13]. Сам упомянутый автор называет данные типы реакциями или вариантами на проблемы культурного разнообразия, но в связи с тем, что контекст его дальнейших рассуждений содержит конкретные государственные меры Австралии, Великобритании, Японии, ЮАР и т.д., мы делаем вывод, что указанные реакции являются именно моделями государственной политики. Разбор каждой из моделей находит в себе ряд недостатков, в том числе склонности к натурализации групп. Изоляционизм, в контексте рассуждений исследователя, – это препятствование въезда на территорию страны для мигрантов. Ассимиляторство определяется как «культурное воздействие» на мигрантов и коренные народы. Мягкий мультикультурализм Ч. Кукатаса включает в себе политику невмешательства, нейтральности в отношении этнических групп и их представителей, в свою очередь, жесткий мультикультурализм определяется автором как обеспечение для культурных меньшинств полноценного участия в жизни общества и государства, так и максимальных возможностей для сохранения особой идентичности, и традиций. Данные модели отчетливо содержат представления об этнической группе как о действующем лице, с которым нужно сотрудничать или дистанцироваться, или оказать на него целенаправленное воздействие. Эта практика овеществления, возможно, и приемлема для государства и политических элит, но вряд ли корректна для исследователя.

Подводя итоги после рассмотрения терминологической базы и ряда моделей национальной политики, мы должны отметить, что, несмотря на общепризнанную в социальных науках парадигму конструктивизма, принципы группизма по-прежнему занимают значительное место в философском и политологическом дискурсе. При определении объекта национальной политики авторы зачастую приводят недифференцированный список коллективов (народы, национальные и культурные меньшинства, соотечественники), при этом забывая указать, что подобные группы не формализованы, а также, что главный субъект межнациональных отношений – индивид. Именно баланс между автономией индивида, защитой его гражданских прав и терпимостью к этнокультурным нормам и практикам является основной проблемой при определении любой модели национальной политики. Несомненно, групповое строительство никогда не покинет политическую и идеологическую сферы, но в философском и социальном анализе отказ от группизма явно необходим не только с точки зрения корректности формулировок, но и возможного импульса для политических элит в части, касающейся их риторики и государственной деятельности.

Список литературы

1. Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции (под ред. Степанова В. В., Тишкова В. А.) – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2009. – 432 с.

2. Брубейкер Р. Этничность без групп. Пер. с англ. И. Борисовой; Нац. Исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.
3. Beiner Ronald. Liberalism, nationalism, citizenship: essays on the problem of political community. UBC Press. The University of British Columbia, Vancouver. P. 25. URL: <https://ebookcentral.proquest.com/lib/rsl-ebooks/detail.action?docID=3411973&query=Beiner> (Дата обращения: 27.08.2019 г.).
4. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. – 485 с.
5. Дробижева Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. – 376 с.
6. Тишков В. А. Реквием по этносу: исслед. по соц.-культур. антропологии. – Москва: Наука, 2003. – 543 с.
7. Зорин В. Ю. Этнополитика в современной России: статьи, выступления, интервью. – Саратов: Поволжский институт им. П. А. Столыпина, 2012. – 132 с.
8. Сергеев С. А. Этноконфликтология: учебное пособие / С. А. Сергеев, Л. В. Лучшева, З. Х. Сергеева; М-во образования и науки России, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. образования «Казанский нац. исследовательский технологический ун-т». – Казань: Изд-во КНИТУ, 2016. – 204 с.
9. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. – М.: Логос, 2003. – 289 с.
10. Морозова Н. М. Реализация национальной политики в Приволжском федеральном округе: проблемы и эффективность: Монография. – Нижний Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ»: ФГБУН «ПриФ ИС РАН», 2013. – 122 с.
11. Паин Э. А. Между империей и нацией: Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. – М., 2003. – 247 с.
12. Shachar Ayelet. Multicultural jurisdictions: cultural differences and women's rights. First published 2001. Printed in the United Kingdom at the University Press, Cambridge. P. 28–29. URL: <https://ebookcentral.proquest.com/lib/rsl-ebooks/reader.action?docID=201425&query=shachar#> (Дата обращения: 24.09.2018 г.).
13. Кукатас Ч. Теоретические основы мультикультурализма. URL: <http://www.inliberty.ru/library/265-teoreticheskie-osnovy-multikulturashylizma> (Дата обращения: 24.09.2018 г.).

Vinchkovskiy E. V. Groupism in Modern Models of National Politics // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 3. – P. 42–50.

This paper describes the projection of the theoretical basis of groupism in the context of research vocabulary and models of national politics. The tendency of some researchers towards identifying the undifferentiated list of collective entities as an object of political practice is critically noted. The argument about the possibility of using a citizen as the only formalized subject of national policy is given.

Keywords: national politics, model, ethnic groups, citizen, multiculturalism, groupism

References

1. Novye etnicheskie gruppy v Rossii. Puti grazhdanskoi integratsii (pod red. Stepanova V. V., Tishkova V. A.) [New Ethnic Groups in Russia. Ways of Civic Integration]. Moscow, FGNU «Rosinformagrotekh», 2009, 432 p.
2. Brubeiker R. Etnichnost' bez grupp [Ethnicity without Groups]. Moscow, Higher School of Economics' Publishing house, 2012, 408 p.
3. Beiner Ronald. Liberalism, nationalism, citizenship: essays on the problem of political community. UBC Press. The University of British Columbia, Vancouver. P. 25. URL:

- <https://ebookcentral.proquest.com/lib/rsl-ebooks/detail.action?docID=3411973&query=Beiner> (Accessed: 27.08.2019)
4. Grazhdanskaya, etnicheskaya i regionalnaya identichnost': vchera, segodnya, zavtra [Civil, Ethnic and Regional Identity: Yesterday, Today, Tomorrow]. Moscow, Russian Political Encyclopedia, 2013, 485 p.
 5. Drobizheva L. M. Sotsialnye problemy mezhnatsional'nykh otnoshenii v postsovetsoi Rossii [Social Problems of Inter-ethnic Relations in Post-Soviet Russia]. Moscow, center of universal values, 2003, 376 p.
 6. Tishkov V. A. Rekviem po etnosu: issled. po sots.-kult. antropologii [Requiem on Ethnicity: a Study on Socio-cultural Anthropology]. Moscow, Nauka, 2003, 543 p.
 7. Zorin V. Yu. Etnopolitika v sovremennoi Rossii: stat'i, vystupleniya, interv'yu [Ethnopolitics in Modern Russia: Articles, Speeches, Interviews]. Saratov, Povolzhskii P. A. Stolypina Institute, 2012, 132 p.
 8. Sergeev S. A. Etnokonfliktologiya: uchebnoe posobie [Ethnoconflictology: manual] / S. A. Sergeev, L. V. Luchsheva, Z. Kh. Sergeeva. Kazan', Izd-vo KNITU, 2016, 204 p.
 9. Benkhabib S. Prityazaniya kul'tury. Ravenstvo i raznoobrazie v global'nyu eru [Claims of Culture. Equality and Diversity in the Global Era]. Moscow, Logos, 2003, 289 p.
 10. Morozova N. M. Realizatsiya natsional'noi politiki v Privolzhskom federal'nom okruge: problem i effektivnost' [Implementation of the National Policy in the Volga Federal District: Challenges and Effectiveness]: Monografiya. Nizhnii Novgorod, 2013, 122 p.
 11. Pain E. A. Mezhdue imperiei i natsiei: Modernistskii proekt i ego traditsionalistskaya al'ternativa v natsional'noi politike Rossii [Between Empire and Nation: Modernist Project and its Traditionalist Alternative in Russia's National Politics]. Moscow, 2003, 247 p.
 12. Shachar Ayelet. Multicultural jurisdictions: cultural differences and women's rights. First published 2001. Printed in the United Kingdom at the University Press, Cambridge. P. 28–29. URL: <https://ebookcentral.proquest.com/lib/rsl-ebooks/reader.action?docID=201425&query=shachar#> (Accessed: 24.09.2018)
 13. Kukatas Ch. Teoreticheskie osnovy mul'tikul'turalizma [Theoretical Bases of Multiculturalism]. URL: <http://www.inliberty.ru/library/265-teoreticheskie-osnovy-multikulturashylizma> (Accessed: 24.09.2018)

УДК 327.8

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РУКОВОДСТВА ПАРТИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ ТУРЦИИ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

Ирхин А. А.

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация

E-mail: alex.irhin@mail.ru

В 2002 году к власти в Турецкой Республике приходит Партия справедливости и развития. Через полтора десятилетия результатом ее деятельности является лидерство Турции по четырем основным показателям силы: экономики, военного потенциала, самостоятельных технологических возможностей и привлекательности современной массовой культуры – по которым Анкара может быть определена региональной державой на Ближнем и Среднем Востоке и в Черноморско-Средиземноморском регионе. Хотя Партия справедливости и развития на региональных выборах в 2019 году потеряла поддержку в ряде турецких ключевых районов, в том числе в городе Стамбуле – родине Р. Т. Эрдогана, она остается главной политической силой внутри государства и драйвером развития новой региональной подсистемы международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке и в Черноморско-Средиземноморском регионе. В статье исследуется эволюция российско-турецких отношений после прихода к власти в Турции партии Справедливости и развития и делается прогноз развития данной сферы международной политики с учетом развития тенденций по регионализации мирового порядка. Отношения России и Турции с начала XXI века прошли определенную эволюцию, однако схожесть на системном уровне партийных проектов партий Справедливости и развития и Единой России в целом сформировал фундамент совместных интересов, в основе которого лежит державное возрождение традиционных региональных империй и как следствие размывание модели однополярного мира в регионе. Однако по мере ослабления глобальной сверхдержавы – США – и заполнения вакуума военно-политического влияния региональными акторами, неизбежно возникают обоюдные противоречия между последними.

Ключевые слова: Турецкая Республика, Россия, США, внешняя политика.

На протяжении последних двух десятилетий система международных отношений эволюционировала – от периода монополярного мира (1998–2008) до этапа его активного разрушения за счет объективных процессов и целенаправленной политики региональных держав (2008–2016), который сменяется наступившей эпохой регионализации мира (2016 – и до настоящего времени), когда США сами возглавляют процессы антиглобального развития мира [1; 2].

В 2002 году к власти в Турецкой Республике приходит Партия справедливости и развития. Через полтора десятилетия результатом ее деятельности является лидерство Турции по четырем основным показателям силы: экономики, военного потенциала, самостоятельных технологических возможностей и привлекательности современной массовой культуры – по которым Анкара может быть определена

региональной державой на Ближнем и Среднем Востоке и в Черноморско-Средиземноморском регионе.

№	Государства	Площадь (квадратных км.)	Береговая линия км.	Сухопутная граница км.	Население млн. человек	ВВП и структура экономики долларов	Государстве нный долг, % от ВВП	Военный бюджет, % от ВВП
1	Россия	17098242	37,653	22,408	142257519	3,751 трлн.	10	5,4
2	Турция	783562	7,200	2,816	80845215	1,988 трлн.	29,4	1,73
3	Грузия	69, 700	310	1,814	4926330	14,22 млрд.	44,5	2,23
4	Украина	603,550	2,782	5,618	44033874	353 млрд.	81	3,67
5	Болгария	110,879	354	1806	7101510	144,6 млрд.	29,5	1,44
6	Румыния	238,391	225	2,844	21529967	441,6 млрд.	37,6	1,42
7	Молдова	33,851	0 (Джурджулешты)	1,885	3474121	18,92 млрд.	43,3	0,44
8	Греция	131,957	13,676	1,110	10768477	289 млрд.	179,4	2,56
9	Республика Кипр	9,251	648	156	1221000	29,67 млрд.	107,8	1,78 (Две британские военные базы)
10	Сирия	185,180	193	2,363	18028549	50,28 млрд.	55,7	-
11	Ливан	10,400	225	484	6229794	85,16 млрд.	146,6	4,76
12	Испания	503,370	4964	1,952,7	48958159	1,687 трлн.	99,4	0,91
13	Израиль	20,770	273	1,068	8299706	300,6 млрд.	60,7	5,64
14	Египет	1,001,450	2,450	2,612	97041072	1,132 трлн.	111,2	1,67
15	Ливия	1,759,540	1,770	4,339	6653210	55,41 млрд.	7,4	-
16	Алжир	2,381741	998	6,734	40969443	612,5 млрд.	18	6,55

17	Марокко	446,550	1,835	2,362,5	33986655	281,8 млрд.	77	3,28
18	Тунис	163,610	1,148	1,495	11403800	130,6 млрд.	62,4	2,32
19	Италия	301,340	7,600	1,836,4	62137802	2,235 трлн.	62,4	1,51
20	Франция	551,500	3,427	2,751	67106161	2,734 трлн.	96,4	2,26
21	Ватикан				415000			
22	Хорватия	56,594	5,835	2,237	4292095	95,06 млрд.	83,8	1,38
23	Албания	28,748	691	362	3047987	11,800	72	1,23
24	Черногория	13,812	293,5	680	642550	10,36	71,3	1,61
25	Босния и герцеговина	51,197	20	1,543	3856181	42,23 млрд.	44,2	0,99
26	Словения	20,273	46,6	1,211	1972126	66,23 млрд.	79,7	0,92
					731 198 303 – 10% от населения Земли (7,3 млрд. на 1.01.16)	13,527 трлн. 3033, 04 млрд=3,033 трл. ИТОГО: 16,56 трлн. Или 25 % от глобального ВВП		

*Использованы статистические данные: <https://www.cia.gov>.

Хотя Партия справедливости и развития на региональных выборах в 2019 году потеряла поддержку в ряде турецких ключевых районов, в том числе, в городе Стамбуле – родине Р. Т. Эрдогана, она остается главной политической силой внутри государства и драйвером развития новой региональной подсистемы международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке и в Черноморско-Средиземноморском регионе.

Цель публикации заключается в выявлении основных параметров и принципов турецкой внешней политики и ее эволюции после прихода к власти Партии справедливости и развития в хронологическом периоде с 2002 по 2019 гг.

Объектом исследования является турецкая внешняя политика, а предметом – эволюция турецкой внешней политики в период 2002–2019 гг., что позволит выделить основные параметры внешней политики Анкары и оценить их

противоречие с геополитическими интересами России на Ближнем и Среднем Востоке и в Черноморско-Средиземноморском регионе.

В качестве **методологии** использованы системный, геополитический и цивилизационный подходы.

Турция уникальное государство, которое за последнее столетие прошла путь от подражания Западу (после кемалистских реформ 1920-х) в своей внешней и внутренней политике до возвращения к своим цивилизационным корням (с 2002 года). С последней тенденцией связан также и выбор турецкой элиты в пользу имперского возрождения государства, что является прямым следствием политики Партии справедливости и развития. К концу второго десятилетия XXI века действующий президент Турции Р. Т. Эрдоган сконцентрировал в своих руках беспрецедентные внутривластные и внешнеполитические ресурсы, позволяющие ему формировать два направления турецкой политической жизни, а конституционная реформа 2017 года завершила в целом этот процесс:

1) упразднена должность премьер-министра, как руководителя правительства, которая подменяется назначаемыми президентом вице-президентами, подотчетными не Парламенту, а лично президенту – главе государства и исполнительной власти;

2) президент может распускать Парламент по любым основаниям, в то же время, Парламент не имеет существенных рычагов воздействия на исполнительную власть (в частности, отменено право Парламента требовать отчета министров и правительства) за исключением процедуры импичмента, которая обставлена значительными сложностями и трудно реализуема;

3) президент Турции может издавать законы в обход Парламента;

4) президент назначает большинство членов Конституционного суда (12 из 15), а также значительное число Совета судей и прокуроров – надзорного органа судебной системы Турции;

5) политическая ответственность президента ограничена только выборами, проходящими раз в пять лет. По новой Конституции формально у президента 2 срока по 5 лет, однако, если в течение второго срока будут объявлены досрочные президентские выборы, два срока «обнуляются» [3].

Таким образом, в период глобальных перемен, крайне динамичной международной ситуации и на фоне развития глобального экономического кризиса и перехода на новый технологический уклад мировой экономики, турецкий лидер создал условия для монополизации внешнеполитических решений и внутривластной жизни государства.

Одним из достижений Партии справедливости и развития является существенная ликвидация модели зависимого развития турецкого государства от США, которая создавалась Вашингтоном с 1945 года. Она основывалась на американском контроле ключевыми элементами турецкого общества: армии, части экономики, турецкой элиты и моделировании внешней политики, через втягивание Анкары в проамериканские блоки [4].

Существенно ослабив американское влияние на внутреннюю и внешнюю политику Турции, руководство Партии справедливости и развития провозгласило

амбициозную цель – превращение Республики в региональную державу и в одного из ведущих мировых игроков.

Современная модель внешней политики Анкары представляет собой два уровня. Верхний этаж – глобальный, где Турция ориентируется на США и на свои союзнические обязательства по НАТО. Нижний – региональный, где Анкара пытается реализовать свои собственные региональные интересы и проекты, которые могут противоречить современным интересам Вашингтона.

Анализ внешней политики умеренных исламистов позволяет выявить определенные сущностные этапы ее эволюции:

2002–2005 гг.: этот период может быть отнесен к первому этапу их правления, когда руководство Партии справедливости и развития по инерции воспроизводило предшествующий курс с медленным поворотом на Восток и переводом политики на цивилизационные рельсы развития. Верхняя дата данного периода характеризуется ростом критических высказываний в риторике руководства Турции в отношении ЕС, раздраженного положением Турции как «вечного кандидата» в ряды Европейского союза.

2005–2016 гг.: этап активного разворота в сторону реализации более независимой региональной внешней политики и реализации доктрины «Стратегической глубины»

2016 – до настоящего времени: официальный отход от принципов «Стратегической глубины» в сторону более жестких методов реализации своих национальных интересов в регионе.

Анализ концептуальных основ турецкой внешней политики позволяет сделать вывод, что ее основой, несмотря на отставку в 2016 году А. Давутоглу с поста турецкого премьер-министра, остается его концепция «Стратегическая глубина», хотя в настоящее время на официальном и экспертном уровне декларируется существенный отход от нее [5].

Турецкая «Стратегическая глубина» может быть описана рядом взаимосвязанных параметров: «Турция, как центральное государство», «приоритет мягкой силы», «ноль проблем с соседями», «экономическая взаимозависимость», «историческое наследие», «гуманитарная дипломатия», «международное посредничество», «страна-модель», «энергетический хаб-коридор».

Каждый из описанных параметров в турецкой системе внешней политики должен был работать на достижение главной цели: вынесение вглубь турецкой территории стратегически важных центров развития государства за счет воссоздания османского пространства, то есть, речь идет о пересобирании новой усеченной Османской империи на основе новых/старых смыслов.

Идеи «Стратегической глубины», по сути, начали популяризироваться с момента назначения А. Давутоглу главным советником премьер-министра и послом по особым поручениям в 2002 году.

Однако после отставки Давутоглу с должности премьер-министра в 2016 году несколько параметров «Стратегической глубины» были подвергнуты значительному пересмотру. Очевидно, что парадигма «ноль проблем с соседями»

перестала быть актуальной после начала военной кампании Турции в Сирии, по этой же причине «жесткая сила» заменила «мягкую».

Переход к «жесткой силе» был связан и с объективными причинами – новыми явными вызовами национальной безопасности, возникшими после 2010 гг.: борьба с ДАИШ (ИГИЛ – запрещенная в РФ организация), силовое участие в Сирийском кризисе, силовое противостояние с курдскими движениями (РПК и региональные филиалы партии), миграционный кризис, сдерживание экспансии Ирана и России, проблема «несостоявшихся государств», которые могут дать импульс для создания курдского государства, силовая политика США в регионе – заставили руководство Турецкой Республики перейти к более отвечающим таким вызовам методам, которые уже не могла обеспечивать «мягкая сила».

В тоже время, внешнеполитические цели Турции по созданию собственной исключительной сферы влияния на Ближнем и Среднем Востоке не изменились, поэтому тезис о том, что после 2016 года «Стратегическая глубина» потеряла свою актуальность, представляется неверным. Скорее уклон в подобных научных турецких статьях носит идеологический характер, связанный с желанием аналитического сообщества, ориентированного на правящую партию, занизить заслуги А. Давутоглу, после его отставки и разрыва с Р. Т. Эрдоганом [5].

Российско-турецкие отношения с 2002 года характеризуются двумя разноплановыми и противоречивыми тенденциями – сотрудничества и конкуренции. Однако можно найти много общего при сравнении партийных проектов Партии справедливости и развития (2002) и Единой России (2003) – обе партии пришли к власти с разницей в один год и эксплуатируют схожие предвыборные и политические модели во внутренней и внешней политике, основанные на возрождении государств в качестве региональных центров силы.

Москва и Анкара имеют амбивалентные геополитические интересы и экономические связи и, как показывает исторический опыт, два региональных субъекта обречены быть одновременно и союзниками, и конкурентами, однако, в текущий исторический период руководство региональных держав предпринимает усилия для преобладания сферы сотрудничества в российско-турецких отношениях. Беспрецедентное сближение России и Турции повторялось в истории двусторонних отношений государств неоднократно (Ункяр-Искелесийский договор 1833 года, большевистско-кемалистское сближение в начале 1920-х), однако они лишь показывали цикличность и изменчивость таких отношений.

В сфере реальной политики, в основе российско-турецких отношений лежит взаимодействие в выстроенной сложной системе сдержек и противовесов. Данная система работает на двух уровнях. Первый – это непосредственное взаимодействие двух региональных держав по стратегическим направлениям: разделение сфер влияния в Черноморском регионе, сотрудничество в сирийском конфликте, экономическое и военно-техническое сотрудничество, взаимодействие в других направлениях, направленное на формирование новой модели многополярного мира и большей свободы выбора региональных держав в военной, финансово-экономической сферах и в целом – сфере реализации национальных интересов.

Второй уровень двусторонних отношений связан с конкуренцией России и Турции, который в настоящее время осуществляется опосредованно, через создаваемую двумя сторонами систему стран-партнеров и союзников. Армения, Греция, Израиль, Иран, Украина, Азербайджан, Турецкая Республика Северного Кипра, Катар и другие – в своей внешней политике имеют четкую противоположную ориентацию в рамках системы взаимодействия Москвы и Анкары, формируя региональный баланс сил.

Периодизация российско-турецких отношений может быть описана в следующих рамках:

2002–2014 гг. – период интенсивного сближения России и Турции на основе противодействия усилению влияния нерегиональной силы в Черноморском регионе.

2014–до настоящего времени – появление явных противоречий в двусторонних отношениях, которые обусловлены активной внешней политикой России в Сирийском кризисе – зоне «Стратегической глубины» Турции и восстановлении российского суверенитета над Крымом.

Российско-турецкие противоречия сконцентрированы вокруг сотрудничества и конкуренции в Сирии, на постсоветском пространстве (Южный Кавказ, Центральная Азия, Украина), в Черноморских проливах и на шельфе Черного моря. Кроме того, Россия предлагает ряд высокотехнологичных проектов (строительство атомной станции в провинции Аккую, контракты по военно-техническому сотрудничеству) и эта сфера сотрудничества также становится элементом, как кооперации, так и конкуренции в системе двусторонних отношений, так как Турция активно разыгрывает эту карту для торговли с США и Европой, как традиционными союзниками Анкары.

Самые значительные подвижки в реализации турецкой внешней политики произошли в Черноморском регионе после 2014 года. Хотя Анкара, по сути, способствовала присоединению Крыма к России [6, С. 113], этот процесс разрушил выстраиваемый десятилетием ранее региональный баланс сил в Черноморском регионе. Турция восприняла переход Крыма под юрисдикцию России как меньшее зло по сравнению с появлением американских баз на полуострове, однако, обратной стороной этого исторического факта становится усиление России не только в Черноморском, но и Средиземноморском регионе – в зоне турецкого ближнего зарубежья. Ответом Турецкой Республики является создание военно-морской базы на Черном море в провинции Трамбзон, г. Сюрмене (270 км. от г. Сочи), развитие военно-технического сотрудничества с Украиной, публичная дипломатическая поддержка крымских татар и украинской позиции в отношении «аннексируемого Крыма», которая ежегодно декларируется турецким МИД накануне 16 марта – то есть, усиление своих позиций в Черноморском регионе.

Однако самым большим вызовом для российской внешней политики является реализация проекта по созданию параллельного Босфору и Дарданеллам искусственного канала, который может в перспективе размыть конвенцию Монтрё, которая действует с 1936 года и в настоящее время полностью отвечает интересам РФ.

Россия и Турция безусловно заинтересованы в продолжении существования режима конвенции Монтрё. Размывание существующего режима, автоматически будет означать применение норм и положений Конвенции ООН по морскому праву от 1982 года, по которой проливы будут отнесены к категории международных и к ним в полном объеме будет применимо право транзитного прохода, как для гражданских судов, так и для военных кораблей. По сути, это будет повторение Лозаннского режима прохода через Черноморские проливы, действовавшего с 1923 по 1936 гг., что крайне невыгодно для России, впрочем, как и для Турции.

Еще в 2011 году, будучи премьер-министром Турции Р. Т. Эрдоган анонсировал создание искусственного канала «Стамбул», соединяющего Черное и Мраморное моря. В 2018 году начаты работы по его строительству, которые должны завершиться к столетию Республики к 2023 году. Новый согласованный маршрут «Стамбульского канала», который пройдет через турецкую столицу – уже четвертый по счету. 45-километровая судоходная артерия возьмет свое начало у озера Кючук Чекмедже, соединяющегося с Мраморным морем, и через плотины Сазлыдере и Теркос выйдет в Черное море. Проектная ширина канала – 400–500 метров, глубина – 25–30 метров, что позволяет проводить через него нефтяные танкеры с вдвое большим водоизмещением, чем те, что сегодня проходят через Босфор. Согласно предварительным расчетам, ежедневно через новый канал сможет проходить до 160 судов и кораблей в день, что превышает современную пропускную способность пролива Босфор [7].

В 1994 году Турция вводит экологические ограничения в режим судоходства в Черноморских проливах и с тех пор активно использует экологическую риторику, пытаясь подменить международный режим регулирования нормами своего внутреннего законодательства. Одновременно этот фактор использовался для давления на российскую сторону и продвижения проекта нефтепровода «Баку-Джейхан». Ввод же параллельного Босфору канала повысит геополитическую роль Турции в регионе и одновременно откроет систему неопределенностей, прежде всего для государств Черноморского региона в экономической и военно-политической сферах. Иными словами, создание канала «Стамбул» несет в себе латентные риски для современной России даже на стадии проектирования и реализации.

Еще одной проблемой в Черноморском регионе, проявившейся в российско-турецких отношениях после 2014 года, является вопрос разделения Черноморского шельфа. В 1978 году между второй сверхдержавой и Турецкой Республикой было заключено соглашение о разграничении континентального шельфа: дно Черного моря было разделено между двумя странами по модифицированной срединной линии, каждая точка которой располагалась на равном удалении от советского и турецкого побережья.

Развал СССР несколько усложнил картину разделения Черноморского шельфа: на украинско-турецкую, российско-турецкую и грузино-турецкую части. Российско-грузинский конфликт 2008 года и отторжение от Грузии не только сухопутной Южной Осетии, но и имеющей продолжительную береговую линию Абхазии и восстановление российского суверенитета над Крымом в 2014 году создали

международную правовую коллизию и геополитический эффект домино – когда Турция, не признавая новые реалии, не признает и юрисдикцию России в морских акваториях вокруг Крыма.

Турецкое восприятие крымской проблемы, исходя из логики Стратегической глубины, является скорее внутривосточной и имеет прямое электоральное измерение. По крайней мере, отчасти. Политический союз Партии справедливости и развития и Партии национального действия, сложившейся в 2018 году, также не будет способствовать смене дипломатической риторики Эрдогана в отношении признания Крыма в ближайшем будущем.

С проблемой двусторонних отношений в Черноморском регионе тесно связан вопрос разрешения сирийского конфликта, где Турция, Россия и Иран с одной стороны конфликта пытаются нормализовать ситуацию. Однако и здесь режим сотрудничества/конкуренции также четко проявляется исходя из следующих факторов.

Во-первых, по мере продвижения процесса урегулирования сирийского конфликта становятся все более очевидными противоречия внутри Астанинского формата между Россией, Турцией и Ираном – держав, которые проводят военные операции на территории Сирии. Эти тенденции буквально в ручном режиме преодолеваются президентами трех региональных держав, однако противоречий становится все больше, и они проявляют различные оттенки.

Во-вторых, процессы военного урегулирования в рамках Астанинского формата явно опережают Женевский формат (Россия, США, ЕС, Египет, Саудовская Аравия, Иран, Китай, ОАЭ, Ирак и др.), который носит политический характер. Иными словами, на глобальном уровне военные успехи РФ, Турции и Ирана не получают политического оформления.

В-третьих, участники Астанинской тройки имеют разные представления о будущем Сирии и часто диаметрально противоположные интересы. В то же время, режим раздела «сфер влияния», на котором он базируется, пока работает. Однако, эта ситуация может измениться при любом незначительном внутреннем или внешнем потрясении.

Подводя итоги вышеизложенному, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, на протяжении последних 17 лет у власти в Турции находится партия Справедливости и развития, которая вернула Турцию на рельсы державного возрождения. В настоящее время Турция является региональным центром силы по основным показателям: военному, технологическому, экономическому и фактору притягательности массовой культуры. Этот процесс стал возможен после ликвидации системы зависимого развития Турции от США, которая создавалась Вашингтоном с 1945 года.

Во-вторых, общая траектория эволюции внешней политики Турции в хронологическом периоде 2002–2019 гг., проходит три этапа: первый связан с инерцией прежнего политического периода с одновременным внедрением новой региональной политики, которая становится актуальной с 2005 года и в основе которой лежит «Стратегическая глубина». Этот период продолжается до 2016 года, когда отдельные задачи турецкой внешней политики стали решаться за счет более

жестких подходов, однако, цели не изменились – стать региональной державой и влиятельным глобальным игроком к столетию Турецкой Республики – к 2023 году. В этом контексте речь должна идти о модернизации подходов «Стратегической глубины», а не о потере ее актуальности.

В-третьих, после 2016 года такие компоненты «Стратегической глубины», как «мягкая сила» и «ноль проблем с соседями» потеряли актуальность и были заменены прямыми военными действиями в сирийском конфликте и как следствие столкновением с конкурентными региональными державами – Саудовской Аравией, Израилем и США. Турция выступает в сирийском кризисе в коалиции с Россией и Ираном, хотя противоречия внутри Астанинского формата делают военно-политический союз достаточно проблемным, временным и придают военно-политическому противостоянию противоборствующих коалиций массу оттенков.

В-четвертых, отношения России и Турции с начала XXI века прошли определенную эволюцию. Обе державы работают на двух уровнях, являясь партнерами и конкурентами одновременно. Процессы ограниченного военно-технического сотрудничества, проекты в энергетической сфере и в вопросах координации действий по сокращению влияния США на юге Евразии и особенно в Восточном Средиземноморье и Черноморском регионе сближают позиции Анкары и Москвы. В то же время, существует ряд фундаментальных противоречий, который связан с конкуренцией России и Турции: в настоящее время он осуществляется опосредованно, через создаваемую двумя сторонами систему стран-партнеров и союзников. Армения, Греция, Израиль, Иран, Украина, Азербайджан, Турецкая Республика Северного Кипра и другие в своей внешней политике имеют четкую противоположную ориентацию и конкурируют в рамках системы взаимодействия Москвы и Анкары, формируя тем самым региональный баланс сил. С молчаливого согласия Анкары США и их союзники, нашли механизмы для того, чтобы, не нарушая конвенцию Монтрё, постоянно держать Черноморский флот РФ в напряжении. Американские корабли и корабли союзников США на регулярной основе начали заходить в Черноморский бассейн. Турки начали активно поддерживать Украину в территориальных спорах с Россией, причем, позиция турецкой элиты на украинском направлении выглядит открыто вызывающей: от дипломатической поддержки и эмоциональных высказываний до поставки турецких ударных беспилотников. Турки создают новую базу ВМС на Черном море и строят искусственный черноморский канал «Стамбул», который к столетию Республики в 2023 году начнет функционировать параллельно Босфору.

Квазистабильность двусторонних российско-турецких отношений связана также с тенденциями ослабления глобальной сверхдержавы – США – и с заполнением вакуума военно-политического влияния региональными акторами. В этом случае неизбежно возникают обоюдные противоречия между региональными державами, для преодоления которых требуется чрезвычайная политическая воля национальных лидеров, компетентность государственных органов, формирующих внешнеполитический курс, и понимание, что в основе любой формы компромисса лежит нереализованность определенной доли национальных интересов, когда этот

компромисс может быть интерпретирован как проигрыш обеих сторон, равно как и их выигрыш.

В любом случае только умеренные исламисты Турции смогли достичь значительных внешнеполитических успехов, найдя, по всей видимости, баланс между геополитическими интересами, достигаемыми целями и необходимыми ресурсами для обеспечения первых двух категорий.

Список литературы

1. National Security Strategy of the United States of America. March 2006. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/2006.pdf> (Дата обращения: 17.05.2019).
2. Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Sharpening the American Military's Competitive Edge. – С.2. URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (Дата обращения: 17.05.2019).
3. Современная Турция: тренды развития и значение для России. Под ред. Л. С. Вартазаровой, И. Я. Кобринской, С. В. Уткина. – М.: ИМЭМО РАН, 2019. – 54 с.
4. Ирхин А. А. США и Турция: стратегический союз и тактические разногласия. Ретроспектива и прогноз / А. А. Ирхин. – Севастополь: «РИБЕСТ», 2016. – 208 с.
5. Keyman E. Fuat. A new Turkish foreign policy: towards proactive «Moral realism». URL: <http://theconsreport.blogspot.com/2017/04/a-new-turkish-foreign-policy-towards.html> (Дата обращения: 17.05.2019).
6. Ирхин А. А., Нелина Л. П. Россия и Турция на пороге 2018 года: «Большая игра» на Ближнем и Среднем Востоке // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2018. – № 1. – С. 110–118.
7. Государственная альтернатива: зачем Турция собирается прорыть параллельный Босфору канал. URL: <https://russian.rt.com/world/article/546959-kanal-bosfor-stambul-more> (Дата обращения: 17.05.2019).

Irkhin A. A. The External Policy of the Justice and Development Party of Turkey and Geopolitical Interests of Russia // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 3. – P. 51–62.

In 2002 the Justice and Development Party won power in Turkey and within 15 years its activity resulted into Turkey's leadership in the four key criteria of power: economics, military potential capacity, independent technological possibilities and attractive mass culture. These allow to consider Turkey as a regional power in the Near and Middle East and in the Black Sea and Mediterranean region. Though in the 2019 elections in some key districts of Turkey, Istanbul, Erdogan's native city, included, the Justice and Development Party lost pluralities, it continues to be the main political power in the country and a driver of new regional subsystem of international relations in the Near and Middle East and in the Black Sea and Mediterranean region. Since the beginning of the 21st century the relations between Russia and Turkey evolutionized and developed, but the system similarity of the party concepts of the Justice and Development Party and the United Russia preconditioned the basis of their common interests devoted to the state renovation of traditional regional empires that should lead to erosion of the unipolar model in the region. But while the global power (the USA) becomes weaker and the vacuum of the military and political influence is filled with regional actors, mutual contradictions become inevitable. To overcome these, some conditions are to be fulfilled: the national willpower of both leaders, competence of governments that form the international course, and understanding that any compromise means the loss of a part of national interests when it is taken both as a loss and a victory of the parties.

Keywords: Turkish Republic, Russia, the USA, foreign policy

References

1. National Security Strategy of the United States of America. March 2006. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/2006.pdf> (Accessed: 17 May 2019).
2. Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Sharpening the American Military's Competitive Edge. – P.2. URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (Accessed: 17 May 2019).
3. Sovremennaya Turtsiya: trendy razvitiya i znachenie dlya Rossii [Modern Turkey: Development Trends and Significance for Russia]. Text edited by L. S. Vartazarova, I. Ya. Kobrinskaya, S. V. Utkin. Moscow, IMEMO RAN, 2019, 54 p.
4. Irkhin A. A. SSHA i Turtsiya: strategicheskii soyuz i takticheskie raznoglasiya. Retrospektiva i prognoz [USA and Turkey: a Strategic Alliance and Tactical Differences. Retrospective and Forecast]. Sevastopol', «RIBEST», 2016, 208 p.
5. Keyman E. Fuat. A new Turkish foreign policy: towards proactive «Moral realism». URL: <http://theconsreport.blogspot.com/2017/04/a-new-turkish-foreign-policy-towards.html> (Accessed: 17 May 2019).
6. Irkhin A. A., Nelina L. P. Rossiya i Turtsiya na poroge 2018 goda: «Bol'shaya igra» na Blizhnem i Srednem Vostoke [Russia and Turkey on the Threshold of 2018: “Great Game” in the Middle and Middle East]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya [Scientific Notes of the Crimean Federal University Named After V. I. Vernadsky. Philosophy. Political Science. Culturology], 2018, no. 1, P. 110–118.
7. Gosudarstvennaya al'ternativa: zachem Turtsiya sobiraetsya proryt' parallel'nyi Bosforu kanal [State Alternative: Why Turkey is going to Dig a Canal Parallel to the Bosphorus]. URL: <https://russian.rt.com/world/article/546959-kanal-bosfor-stambul-more> (Accessed: 17 May 2019).

УДК 323.2

НЕКОНВЕНЦИОНАЛЬНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ В ЗАПАДНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД

Максимова Е. Н.

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация

E-mail: astarta_05@mail.ru

В статье поднимается проблема концептуализации неконвенционального политического участия. Анализируются подходы к пониманию неконвенционального участия, сложившиеся в западной политической науке, осуществляется их сравнение с подходами, используемыми в отечественной политологии к данному роду явлений. Автор прослеживает трансформацию подходов к неконвенциональному политическому участию в зарубежной науке, начиная с 1970-х гг. и по настоящее время. Выявлены определенные изменения в понимании исследуемого феномена в западной политической науке: конвергенция конвенциональных и неконвенциональных форм партиципации; расширение и ветвление типологий политического участия; адаптация политических систем к политическим протестам и др. Отмечается, что в отечественной политологии при наличии различных подходов к пониманию неконвенционального участия преобладают позиции, акцентирующие внимание на его дестабилизирующем потенциале, наличие которого подтверждается конкретными случаями политической практики. В заключение автор приходит к выводу, что западные концепции неконвенционального участия не могут быть в полной мере использованы для объяснения неконвенциональной партиципации в России.

Ключевые слова: политическое участие, неконвенциональное политическое участие, политический протест, политическая система.

В настоящее время политической сфере общества характерен высокий динамизм, который выражается в появлении новых форм политической коммуникации, изменении форматов политических процессов, проявлении до сих пор неизвестных эффектов отдельных политических действий. Динамизм и изменчивость, свойственные современным политическим процессам, актуализируют проблему обеспечения устойчивости и стабильности политических систем. В этом отношении представляет интерес такой фактор стабильности политической системы как политическое участие. Практика последних двух десятилетий, в частности на постсоветском пространстве, показала значимость отдельных форм политического участия и возможность их влияния на устойчивость политической системы.

Концептуализация политического участия осуществлялась в рамках теорий демократизации в западной политической науке. В отечественной политологии вопросы политического участия и его форм вызвали интерес исследователей в

1990-е гг., что непосредственно было связано с трансформационными процессами в обществе и формированием новой политической системы, контуры которой были в тот момент не очевидны. Российские исследователи, стремясь осмыслить специфику новой системы и форм политической активности на постсоветском пространстве, опирались, прежде всего, на зарубежную теоретическую базу. В последние два десятилетия интерес к проблематике политического участия значительно возрос, «цветные» революции, их социально-политические последствия послужили толчком к новым исследованиям. Очевиден и вектор таких исследований – это вопросы нетрадиционных, неконвенциональных, деструктивных форм политической активности.

Предварительный анализ зарубежной и отечественной научной литературы по указанной проблематике позволяет предположить, что западные концепции неконвенционального политического участия более динамичны и прошли определенный эволюционный путь. С одной стороны, это легко объясняется более длительным существованием и развитием западной политической науки, с другой – вероятно, достаточно быстро меняются качественные характеристики западных политических систем. Данные изменения, в частности, отражены в концепциях неконвенционального политического участия.

В российской политической науке проблематика неконвенционального политического участия, непосредственно связанная с формами коммуникации власти и общества, остается слабо концептуализированной. Так, в настоящий момент не сложилось однозначных трактовок неконвенционального политического участия, не уточнены критерии типологизации форм неконвенциональной активности. Также открытым остается вопрос: «Насколько западные концепции неконвенционального участия применимы для объяснения аналогичных явлений в отечественной практике?» В связи с этим целью статьи является сравнение подходов к неконвенциональному политическому участию в зарубежной и отечественной политической науке.

В рамках западной политологии концептуализация неконвенционального политического участия осуществляется достаточно давно. На данный момент существует ряд научных исследований, направленных на изучение проблематики неконвенционального участия и отражающих новые подходы к пониманию и восприятию данного феномена. Следует проанализировать ключевые подходы к неконвенциональному политическому участию, сложившиеся в западной политической науке, и сопоставить с российским опытом осмысления данного явления. Неконвенциональное политическое участие сегодня тесно вплетено в контекст демократического функционирования западных политических систем. В то время как в странах постсоветского пространства, в частности в России, неконвенциональное участие воспринимается в качестве угрозы стабильности политической системе. Происходит это не столько в силу слабости механизмов обратной связи между властью и обществом, сколько по причине использования каналов партиципации третьими лицами для вмешательства во внутреннюю политику государства.

Возвращаясь к анализу западных концепций неконвенционального политического участия, следует отметить, что типологизация политического участия на конвенциональное и неконвенциональное была осуществлена в конце 1970-х гг. С. Барнсом и М. Каазе [1, С. 607]. К конвенциональным формам политического участия были отнесены институционализированные способы политического действия, связанные с заинтересованностью субъекта политического участия (обсуждение политики, взаимодействие с должностными лицами, членство в политической партии, участие в избирательном процессе). Напротив, неконвенциональное политическое участие связывалось в первую очередь с протестом и включало тактику демонстраций, бойкотов, забастовок, блокирования движения транспорта и т. д.

Со временем в западной науке были конкретизированы типологии политического участия, в частности, электоральное участие, которое не требует интенсивных усилий и не связано с твердой приверженностью, было выделено в качестве самостоятельного типа участия. Голосование ограничивается только формальными правилами (например, гражданством). Под конвенциональной активностью стали рассматриваться традиционные формы участия, связанные с политическими партиями. Данные формы участия предполагают институциональность и требуют определенной степени приверженности, а также более высокий уровень вовлеченности в случае участия в избирательной кампании. Неконвенциональные формы участия охватывают широкий круг менее длительных или активных политических действий за пределами партийной партиципации. Это все те же формы политического участия, сопряженные с акциями протеста. Наконец, к отдельной категории форм политического участия относят нелегальную политическую партиципацию, которая находится вне правовых рамок (например, любые акции, сопряженные с насилием) [2].

Существует еще одна типология политического участия, которая может быть соотнесена с конвенциональными и неконвенциональными формами политического участия. Критерием данной типологии выступает субъект политического участия: индивид, группа [3]. На первый взгляд, неконвенциональное политическое участие носит скорее коллективный характер в отличие от индивидуализированных форм электорального и конвенционального участия, предполагающих высокий уровень вовлеченности. Массовость неконвенционального политического участия и неинституционализированные формы его осуществления способны превращать политическую активность в фактор дестабилизации политической системы. Тем не менее представляются значимыми и индивидуализированные формы неконвенционального участия, как правило, новые формы политической вовлеченности.

В этом отношении представляет интерес попытка зарубежного исследователя политического участия Я. Ламприану дать разветвленную типологию неконвенционального политического участия. Исследователь предлагает неконвенциональное политическое участие классифицировать на: неофициальное (неинституционализированное) политическое участие (неофициальные забастовки и демонстрации); экстремистскую активность, включающую в себя прежде всего

насильственные формы; альтернативные формы политического участия, занимающие «отстраненную» позицию по отношению к официальным институтам. В перечень альтернативных форм участия включены достаточно разнообразные явления, начиная от электронной музыки, представляющей собой вариант неформальной культуры, и заканчивая нестандартными формами участия, которые не приносят в повестку дня идей социальных преобразований [4, С. 26]. Введение в классификацию альтернативных форм участия, не имеющих, на первый взгляд, политической основы, актуализируют на перспективу вопросы взаимосвязи и границ социального и политического протеста как основы неконвенциональной партиципации.

Наряду с приведенной типологией выделяют правовой подход к пониманию конвенционального / неконвенционального политического участия. В основу разграничения данных форм участия вносят их соответствие / несоответствие формальным нормам. Таким образом, политическое участие может быть «законным» либо «незаконным». При этом политическое участие классифицируют на демократическое участие, включающее в себя как конвенциональные, так и неконвенциональные формы законной деятельности, и на агрессивное участие (гражданское неповиновение и политическое насилие) [5].

Очевидно, что в рамках западной политической науки неконвенциональное участие рассматривается в качестве неотъемлемого элемента демократического процесса и обычно, особенно среди молодежи, оно дополняет конвенциональное участие, а не заменяет его [6]. Кроме того, протест – особенно видимый протест, такой как уличные демонстрации, имеет жизненно важное значение для демократии. Без протеста невозможно представить формирование демократических государств. Протест также выступает в качестве необходимой проверки, которая помогает сбалансировать институты власти [7]. Следует отметить, что данное утверждение верно в отношении демократических политических систем, которые предоставляют гражданам достаточно широкий перечень форм политического участия. Протестные формы участия, хоть и обозначаются как неконвенциональные, тем не менее рассматриваются как формы, дополняющие конвенциональное политическое участие.

Не менее важным является вопрос соотношения конвенциональной и неконвенциональной активности, поскольку позволяет понять весь спектр форм политического участия, реализуемых в рамках конкретной политической системы. Определенный период времени существовала уверенность в том, что необходимо разграничивать субъектов протеста и субъектов конвенционального политического участия. В соответствии с данным подходом, индивид, как правило, включается либо в конвенциональные, либо в неконвенциональные формы политического участия, например, протестующие не участвуют в голосовании, пожертвовании денег на избирательные кампании кандидатов. Однако новые исследования свидетельствуют о связи между протестом и конвенциональным участием. Л. Джасни отмечает, что проводимые на протяжении нескольких лет исследования подтверждают структурную эквивалентность протеста другим способам взаимодействия. Поэтому протест вписывается в стандартную парадигму, которая

характеризует политическое участие, в частности в США. Рассматривая протест в сочетании с конвенциональными формами участия, исследователь эмпирически подтверждает, что с течением времени протест воспринимается как нормальное явление [8, С. 3].

Протестный характер практик неконвенционального политического участия подчеркивает И. Питти. По мнению автора, наряду с протестным характером неконвенциональной партиципации свойственны: использование инновационного (нетрадиционного) репертуара действий; выражение неортодоксальных ценностей; ситуация, когда субъекты неконвенционального участия не придерживаются норм, установленных политической системой. Протестный и неинституциональный характер политического участия дополняется ценностной составляющей. Как известно, вопрос ценностей в политике тесно связан с понятием идеологии [9].

Действительно, неконвенциональные политические действия имеют идеологические основания. Новейшие исследования политического участия, осуществленные за рубежом, выявляют некоторые тенденции взаимосвязи идеологии и неконвенциональной активности. В свете традиционной типологии идеологий по месту в политическом спектре (левые, центристы, правые) определено, что в западных демократических системах сторонники левых идеологических позиций политического спектра склонны проявлять более высокую политическую активность, а также в большей мере вовлечены в неконвенциональное политическое участие. В свою очередь правые менее склонны участвовать в акциях протеста. При этом существует ряд условий активности носителей правых и левых идеологических установок:

1. Носители левых идеологических установок являются более активными участниками политической жизни.

2. Граждане, имеющие оппозиционный статус, в большей мере вовлечены в партиципацию, чем сторонники правящих политических сил.

3. В период кризиса правая идеологическая ориентация правительства способствует повышению гражданского участия.

4. Граждане, имеющие оппозиционный статус и идентифицирующие себя с левыми идеологическими позициями, будут включены в партиципацию существеннее, чем люди, имеющие оппозиционный статус, но идентифицирующие себя с правыми идеологиями.

5. Когда правительство проявляет тенденцию к правым (левым) идеологическим позициям, левые (правые) будут участвовать более (менее) активно, чем люди, которые занимают правые (левые) позиции в политическом спектре [10].

В рамках западных исследований неконвенционального участия представлены работы, изучающие взаимосвязь возраста и готовность включения в формы неконвенциональной активности. Европейские исследователи неоднократно подчеркивали рост политической апатии среди молодежи, однако эта апатия в большей мере касается электоральных форм политического участия и не распространяется на формы прямого политического действия. Результаты исследований свидетельствуют о том, что европейская молодежь (немецкие,

французские и британские граждане) в два раза чаще участвуют в демонстрациях и подписании петиций по сравнению с пожилыми гражданами.

Анализируя формы политического участия в четырех возрастных категориях: молодые люди (в возрасте 15–33 лет), взрослые (34–49), средний возраст (50–65 лет) и пожилые люди (66 лет и старше), при помощи статистических методов, по данным Европейского социального опроса (ESS – академическое научное сравнительное межстрановое исследование, которое проводится методом опроса населения каждые два года в большинстве европейских стран с 2001 г.), исследователями были выявлены существенные различия в предпочтительном режиме политического участия в возрастных группах. Как и ожидалось, нашла подтверждение гипотеза о том, что молодые люди менее вовлечены в традиционные формы участия, такие как голосование, по сравнению с более старшими поколениями. При рассмотрении неконвенционального участия шаблоны взаимодействия также резко различаются. При измерении участия в демонстрациях была выявлена обратно пропорциональная связь между старением и данной формой участия. Иными словами, пожилые люди по существу реже участвуют в демонстрациях, в то время как две первые возрастные группы активно участвуют в демонстрациях [11].

Индексы политического участия (конвенционального и неконвенционального), рассчитанные на основе данных мирового проекта Всемирный обзор ценностей (World Values Survey), подтверждают достаточно высокую готовность граждан демократических систем включаться как в конвенциональные, так и неконвенциональные формы политического участия. Индексы неконвенционального участия (2015 г.) имеют наиболее высокие значения в Австралии и Новой Зеландии, США, Европе (ЕС) и составляют соответственно 3,35; 3,12; 2,68, где 1 – низкий уровень, 5 – высокий. Минимальные значения Индекса неконвенционального участия имеют два региона: страны Ближнего Востока и Евразия (постсоветское пространство) – 1,78 и 1,61, соответственно.

Таким образом, высокие показатели готовности граждан участвовать в политике неконвенциональными способами при достаточно высокой устойчивости западных демократических систем подтверждают конвергенцию конвенциональных и неконвенциональных форм партиципации. Неконвенциональная партиципация не рассматривается в качестве дестабилизатора власти, а скорее, как способ корректировки принимаемых политических решений.

Несколько иные подходы к пониманию неконвенционального политического участия сложились в отечественной политической науке, получившей импульсы к развитию в 1990-е гг. В данный период времени феномен неконвенционального политического участия рассматривался в большей мере с позиций его дестабилизирующего влияния на политическую систему. В переходных политических системах постсоветского пространства, отличающихся повышенной неустойчивостью при слабости демократических механизмов, неконвенциональная партиципация могла рассматриваться с точки зрения ее негативных эффектов для устойчивости политической системы. Со временем политическая практика показала, что даже конвенциональная активность может под воздействием

определенных факторов приобретать неконвенциональный характер, превращая мирные протесты в инструмент свержения политического режима неконвенциональным путем.

Следовательно, неконвенциональное политическое участие в политических системах переходного типа не рассматривается в качестве распространенной практики. Лишь отдельные формы неконвенционального политического участия могут рассматриваться в качестве дополнения к конвенциональной партиципации, и их перечень зависит от текущей политической ситуации и направленности политического курса. Столь неоднозначны и подходы к пониманию неконвенционального политического участия в отечественной политической науке. В словаре-справочнике приводится определение неконвенционального участия, созвучное трактовке, предложенной У. Милбрайтом, где рассматриваемый феномен понимается как политическая деятельность, признаваемая незаконной и отвергаемая большей частью общества по моральным, религиозным и иным соображениям. Неконвенциональное политическое участие подразделяется на ненасильственные активные формы (демонстрации, пикеты, митинги и т. п.) и насильственные формы (терроризм, бунт и т. п.) [12]. Здесь видим явное противоречие: в соответствии с данным определением, участие в демонстрациях и митингах признается незаконным, хотя конституции современных государств, провозглашающие демократические ценности, предоставляют гражданам политические права и свободы.

Менее радикальный подход, но в то же время не лишенный некоторых недостатков, предложен В. В. Сафроновым, который предлагает разграничивать конвенциональные, неконвенциональные, протестные и насильственные формы политического участия. Конвенциональное политическое участие строится в соответствии с нормами права или традициями, которые регулируют участие людей в политике при данном политическом режиме. Неконвенциональное участие предполагает активность, выходящую за рамки системы представительства интересов, которая при этом остается в рамках закона. Политический протест отличается от неконвенционального участия тем, что в его основе акции, не предусмотренные законом, но и в то же время не предполагающие обращения к насилию. Политические действия, нарушающие последнее условие, относят к политическому насилию [13].

Однако такие формы неконвенционального политического участия, как демонстрации и митинги, в большинстве своем связаны с общественным или политическим протестом. Более того, на постсоветском пространстве было довольно много прецедентов, когда участники разрешенных демонстраций и митингов в ходе данных акций отказывались выполнять требования власти. В такой ситуации становится очевидным «сплетение» неконвенциональных и протестных форм политического участия. Таким образом, протестное участие вряд ли может быть вписанным в одномерную иерархию между неконвенциональным участием и политическим насилием, о которых пишет В. В. Сафронов.

Данную точку зрения разделяет российский исследователь М. Р. Сабитов, который считает, что в современных условиях политический протест может быть не

только неконвенциональным, но и конвенциональным. К конвенциональным формам политического протеста различного уровня активности отнесены: протестный абсентеизм, чтение оппозиционных СМИ, участие в виртуальных «социальных сетях» протестной направленности, участие в работе оппозиционных партий и в избирательных кампаниях и др. [14].

Теоретически обозначенная позиция близка к подходам, озвученным зарубежными исследователями, в частности, вышеупомянутой Л. Джасни. Однако на практике в России, а также большинстве стран постсоветского пространства, протесты рассматриваются как неконвенциональное политическое участие, обладающее дестабилизирующим потенциалом. Это объясняется конкретными причинами. История России последних двух столетий подтверждает, что политический протест, как правило, направлен на изменение всей политической системы, вследствие чего и возникает настороженность политических элит. Не меньшую угрозу устойчивости политической системы создают технологии «цветных» революций, получившие практическую реализацию во многих переходных обществах.

В то же время протестная активность имеет достаточно широкий спектр причин, не ограничиваясь сугубо политическими, поэтому не следует отождествлять политический протест и протестную активность. Как таковая протестная активность, не связанная с политическими требованиями, является своеобразным механизмом обратной связи в политической системе, посредством которой власть может видеть конфликтогенные сферы в обществе.

Масштабы вовлеченности в политические протесты в России весьма невысоки. По результатам всероссийского мониторинга Центра экономических и политических реформ (ЦЭПР), протестная активность в России на протяжении 2016 – начала 2017 гг. была высока, однако протесты были связаны с конкретными проблемами, волнующими население, – невыплаты зарплат, требования обманутых вкладчиков и дольщиков, рост тарифов ЖКХ, застройка территорий, недовольство предпринимателей условиями регулирования их деятельности. Во втором квартале 2017 года было зафиксировано 378 протестов, из которых 205 были связаны с социально-экономической тематикой, 148 – это политические протесты и 25 – это трудовые протесты [15].

Как видим, по результатам проведенных исследований, политические протесты в спектре протестной активности занимают долю чуть более трети; не приобретают массовых форм и носят локальный характер. В целом ценностная и социально-демографическая структура российского политического протеста достаточно размыта: присутствуют носители различных идеологических взглядов, которых объединяет оппозиционность действующей власти, при этом у них отсутствует единая идеологическая платформа. Социально-демографическая структура политического протеста в России включает в себя разнообразные демографические и статусные группы без доминирования какой-либо из них.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы в отношении понимания неконвенционального политического участия в западной и отечественной науке.

В западной политической науке неконвенциональное политическое участие выступает в качестве неотъемлемого элемента демократического механизма власти. Неконвенциональное участие может носить протестный ненасильственный характер, опираться на неинституционализированные массовые формы действий, но при этом не рассматриваться на практике в виде угрозы стабильности политической системы. Политические системы постсоветского пространства, обладая более жестким политическим режимом власти, в функциональном аспекте качественно отличаются от западных систем. Неконвенциональное политическое участие тесно связано с политическим протестом и рассматривается с позиций угрозы стабильности политической системы.

В отечественной политической науке наблюдается копирование западных подходов к пониманию неконвенционального политического участия, без учета специфики российской политической культуры. Западный и отечественный опыт неконвенциональной партиципации существенно отличаются по многим параметрам, в частности, по масштабам участия, степени приемлемости такого типа активности в обществе, базовым характеристикам акторов и их ценностным ориентациям. Следовательно, западные концепции неконвенционального участия не могут быть в полной мере использованы для объяснения неконвенциональной партиципации в России.

Список литературы

1. Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies / By Samuel H. Barnes, Max Kaase et al. – Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1979. – 640 p.
2. Reichert F. Conditions and Constraints of Political Participation Among Turkish Students in Germany // Cogent Psychology. – 2017. – 4:1. URL: <https://www.cogentoa.com/article/10.1080/23311908.2017.1351675.pdf> DOI: 10.1080/23311908.2017.1351675 (дата обращения: 12.04.2019)
3. Tilly C., Tarrow S. Contentious Politics. – Lanham: Paragon Press, 2006. – 245 p.
4. Lamprinou I. Contemporary Political Participation Research: A Critical Assessment / Democracy in transition. Political Participation in the European Union. – Springer, Berlin, Heidelberg, 2013. – P. 21–42.
5. Muller E. N. An Explanatory Model for Differing Types of Participation // European Journal of Political Research. – 1982. – № 10. – P. 1–16.
6. Gavray A., Fournier B., Born M. Non-conventional / Illegal Political Participation of Male and Female Youths // Human Affairs. – 2012. – № 22 (3). – P. 405–418.
7. Saunders C. Anti-politics in Action? Do European Protesters Hate Formal Politics More or Less than the General Public? URL: <http://podcasts.ox.ac.uk/anti-politics-action-do-european-protesters-hate-formal-politics-more-general-public> (дата обращения: 24.04.2019)
8. Haerpfer C., Kizilova K. Patterns of Participation: Investigating the Relationship Between «Conventional» and «Unconventional» Political Engagement // European journal of law and political sciences. – 2016. – № 3. – P. 22–24.
9. Pitti I. Young People and Unconventional Political Engagement / In: Youth and Unconventional Political Engagement. – Palgrave Macmillan, Cham, 2018. – P. 23–38.
10. Memoli V. Unconventional Participation in Time of Crisis: How Ideology Shapes Citizens' Political Actions // Partecipazione e Conflitto. – 2016. – Vol 9. – P. 127–151. DOI:10.1285/i20356609v9i1p127
11. Melo D. F., Stockemer D. Evidence from Britain, France and Germany Shows Young People are Engaged in More Direct Forms of Political Participation, beyond Voting. URL: http://eprints.lse.ac.uk/56293/1/democraticaudit.com-Evidence_from_Britain_France_and_Germany_shows_young_people_are_engaged_in_more_direct_forms_of_polit.pdf (дата обращения: 23.04.2019)

12. Василик М. Политология: Словарь-справочник / М. А. Василик, М. С. Вершинин и др. – М.: Гардарики, 2001. – 328 с. URL: <https://www.novsu.ru/npe/files/um/1412/bg/shell/arh/slov/Василик%20М.%20Политология%20Словарь-справочник.htm> (дата обращения: 23.04.2019)
13. Сафронов В. В. Потенциал протеста и демократическая перспектива / В. В. Сафронов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – №4. – Т.1. – С. 116–130. URL: http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/1998_4/Safronov_1998_4.pdf (дата обращения 23.04.2019)
14. Сабитов М. Р. Политический протест: теоретические проблемы дефиниции и типология / М. Р. Сабитов // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2012. – № 9 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/politicheskiy-protest-teoreticheskie-problemy-definitcii-i-tipologiya> (дата обращения 23.04.2019)
15. Киценко И. Протесты политические и социальные: почему в России растет число недовольных? URL: <https://salt.zone/radio/8281https://salt.zone/radio/828> (дата обращения: 30.04.2019)

Maksimova E. N. Unconventional Political Participation in Western and Domestic Political Science: a Comparative Approach // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 3. – P. 63–73.

The article raises the problem of conceptualization of unconventional political participation. The approaches to the understanding of unconventional political participation that have developed in Western political science are analyzed and compared with the approaches used in domestic political science to this kind of phenomena. The author traces the transformation of approaches to non-conventional political participation in foreign science since the 1970s to the present. Certain changes in the understanding of the phenomenon under study in Western political science are revealed: the convergence of conventional and non-conventional forms of participation; expansion and branching of typologies of political participation; adaptation of political systems to political protests, etc. It is noted that in domestic political science, if there are different approaches to understanding non-conventional participation, positions dominate, focusing on its destabilizing potential, which is confirmed by specific cases of political practice. In conclusion, the author comes to the conclusion that Western concepts of non-conventional participation cannot be fully used to explain non-conventional participation in Russia.

Keywords: political participation, non-conventional political participation, political protest, political system.

References

1. Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies. By Samuel H. Barnes, Max Kaase et al. Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1979, 640 p.
2. Reichert F. Conditions and Constraints of Political Participation Among Turkish Students in Germany. Cogent Psychology, 2017, 4:1. URL: <https://www.cogentia.com/article/10.1080/23311908.2017.1351675.pdf> DOI: 10.1080/23311908.2017.1351675 (Accessed: 12.04.2019)
3. Tilly C., Tarrow S. Contentious Politics. Lanham: Paragon Press, 2006, 245 p.
4. Lamprianou I. Contemporary Political Participation Research: A Critical Assessment. Democracy in transition. Political Participation in the European Union. Springer, Berlin, Heidelberg, 2013, P. 21–42.
5. Muller E. N. An Explanatory Model for Differing Types of Participation. European Journal of Political Research, 1982, №10, P.1–16.
6. Gavray A., Fournier B., Born M. Non-conventional / illegal Political Participation of Male and Female Youths. Human Affairs, 2012, № 22 (3), P. 405–418.
7. Saunders C. Anti-politics in Action? Do European Protesters Hate Formal Politics More or Less than the General Public? URL: <http://podcasts.ox.ac.uk/anti-politics-action-do-european-protesters-hate-formal-politics-more-general-public> (Accessed: 24.04.2019)

8. Haerpfer C., Kizilova K. Patterns of Participation: Investigating the Relationship Between «Conventional» and «Unconventional» Political Engagement. *European journal of law and political sciences*, 2016, № 3, P. 22–24.
9. Pitti I. Young People and Unconventional Political Engagement. In: *Youth and Unconventional Political Engagement*. Palgrave Macmillan, Cham, 2018, P. 23–38.
10. Memoli V. Unconventional Participation in Time of Crisis: How Ideology Shapes Citizens' Political Actions. *Partecipazione e Conflitto*, 2016, Vol 9, P. 127–151. DOI:10.1285/i20356609v9i1p127
11. Melo D. F., Stockemer D. Evidence from Britain, France and Germany Shows Young People are Engaged in More Direct Forms of Political Participation, beyond Voting. URL: [http://eprints.lse.ac.uk/56293/1/democraticaudit.com-Evidence from Britain France and Germany shows young people are engaged in more direct forms of polit.pdf](http://eprints.lse.ac.uk/56293/1/democraticaudit.com-Evidence%20from%20Britain%20France%20and%20Germany%20shows%20young%20people%20are%20engaged%20in%20more%20direct%20forms%20of%20polit.pdf) (Accessed: 23.04.2019)
12. Vasilik M. *Politologiya: Slovar'-spravochnik* [Political Science: a Reference Book]. M.: Gardariki, 2001, 328 p. URL: <https://www.novsu.ru/npe/files/um/1412/bg/shell/arh/slov/Василик%20М.%20Политология%20Словарь-справочник.htm> (Accessed: 23 April 2019)
13. Safronov V. V. Potentsial protesta i demokraticheskaya perspektiva [The Potential of the Protest and the Democratic Prospect]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 1998, № 4, T. 1., P. 116–130 URL: http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/1998_4/Safronov_1998_4.pdf (Accessed: 23 April 2019)
14. Sabitov M. R. Politicheskij protest: teoreticheskie problemy definicii i tipologii. [Political Protest: Theoretical Problems of Definition and Typology]. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem (elektronnyj nauchnyj zhurnal)*. [Modern Studies of Social Problems (Electronic Scientific Journal)]. 2012, № 9 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/politicheskij-protest-teoreticheskie-problemy-definitsii-i-tipologiya> (Accessed: 23.04.2019)
15. Kitsenko I. Protesty politicheskie i sotsial'nye: pochemu v Rossii rastet chislo nedovol'nykh [Political and Social Protests: Why the Number of Dissatisfied People in Russia is Growing?]. URL: <https://salt.zone/radio/8281https://salt.zone/radio/828> (Accessed: 30 April 2019)

УДК 328.1 (328.16)

КОНФЛИКТНОСТЬ КАК ЧЕРТА СОВРЕМЕННОЙ ВЕРХОВНОЙ РАДЫ УКРАИНЫ: ПРИЧИНЫ, СОДЕРЖАНИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Меджитов М. Э.

Крымский инженерно-педагогический университет, г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: marlen1802@rambler.ru

В статье анализируется конфликтность как характерная черта Верховной Рады Украины VIII созыва, сформированной по результатам внеочередных парламентских выборов, состоявшихся 26 октября 2014 года. Проведение внеочередных парламентских выборов на Украине явилось результатом углубления общественно-политического кризиса, приведшего к смене политической власти. Основными целями проведения внеочередных парламентских выборов являлись легитимизация новой политической власти и консолидация общества путем прихода к власти политических сил, стоявших у истоков Евромайдана и принимавших активное участие в акциях протеста. Процесс легитимизации был необходим для представителей новой политической элиты, так как их приход к власти носил антиконституционный характер, нарушая положения конституции Украины, что в свою очередь могло привести к международной правовой и политической изоляции украинской политической власти. Избранный парламент в силу ряда причин не смог консолидировать политические силы в стране и тем самым способствовать выходу Украины из сложившегося общественно-политического кризиса. Также в статье анализируются причины возникновения конфликтных отношений между фракциями Верховной Рады Украины, представляющими различные политические силы, акцентируется внимание на влиянии конфликтности на содержание, характер и последствия политической деятельности для украинского общества и государства.

Ключевые слова: конфликтность, внеочередные выборы, парламент, политические партии, политический кризис, демократия.

Актуальность. Итогом протестного движения на Украине в 2013–2014 гг. стала смена власти в стране. После проведения досрочных парламентских выборов на Верховную Раду была возложена ответственность консолидации всех политических сил, участвовавших в протестном движении для преодоления общественно-политического кризиса. Но в реальности законодательный орган Украины не оправдал возложенных на него задач в связи с высоким уровнем конфликтности политических сил, представленных в парламенте. Неспособность парламента консолидировать политические силы привела к затяжному развитию общественно-политического кризиса на Украине и использованию его как фактора давления на Россию со стороны международных акторов с целью ее геополитического ослабления.

Целью данной статьи является анализ предпосылок, формирующих деструктивную деятельность парламента.

Основная часть. Проблема конфликтности как черты современной Верховной Рады Украины не нашла еще адекватного отражения в научной литературе. Тем не менее можно выделить отдельные исследования, затрагивающие проблемы политических последствий после революционной смены власти (Ю. Мациевский); исторические и социально-политические предпосылки украинского кризиса (В. Лапкин, В. Пантин); влияние украинского кризиса на отношения Россия–Запад (С. Ознобищев).

Признавая существенный вклад вышеперечисленных авторов в раскрытие отдельных сторон и направлений рассматриваемой темы, необходимо отметить, что в современной политической науке недостаточно отражена проблема конфликтности как черта современной Верховной Рады Украины.

Результаты внеочередных выборов в Верховную Раду Украины, состоявшихся 26 октября 2014 года, показали, что в новый парламент прошли политические силы, принимавшие участие в акциях протеста на Майдане. Выборы проходили по смешанной избирательной системе. По итогам выборов, по партийным спискам в парламент прошли представители 6 политических партий: «Народный Фронт», «Блок Петра Порошенко», «Самопомощь», «Оппозиционный блок», «Радикальная партия Олега Ляшко», «Батькивщина». Среди мажоритарщиков, победивших в одномандатных округах, мандаты депутатов получили как представители 6 партий, преодолевших избирательный барьер, так и самовыдвиженцы. Всего в парламент были избрано 423 депутата из 450, указанных в структуре Верховной Рады в соответствии с Конституцией [1]. В 2014 г. выборы не проводились в Крыму и в некоторых районах Донецкой и Луганской областей.

В Верховной Раде восьмого созыва было сформировано шесть депутатских фракций. Самой многочисленной из них была фракция «Блока Петра Порошенко» – 146 депутатов, главой которой избрали Юрия Луценко. Фракция «Народный фронт» насчитывала 83 народных депутата (глава фракции – Александр Турчинов), «Оппозиционный блок» – 40 депутатов (глава фракции – Юрий Бойко), объединение «Самопомощь» – 32 депутата (глава фракции – Олег Березюк), «Радикальная партия Олега Ляшко» – 22 депутата (глава фракции – Олег Ляшко), «Батькивщина» – 19 (глава фракции – Юлия Тимошенко). Кроме того, в парламенте были созданы две депутатские группы: «Экономическое развитие» – 19 депутатов (глава группы – Виталий Хомутынник), «Воля народа» – 19 депутатов (глава группы – Игорь Еремеев) [2]. После формирования фракций было объявлено о создании коалиции «Европейская Украина», в которую вошли пять фракций: «Блок Петра Порошенко», «Народный Фронт», «Самопомич», «Радикальная партия Олега Ляшко», «Батькивщина». В состав коалиции вошли 302 народных депутата. Фракция «Оппозиционный блок» не вошла в состав коалиции, став единственной оппозиционной силой в парламенте.

Прохождение в украинский парламент различных по идеологии и политическим взглядам сил способствовало формированию конфликтности в высшем законодательном органе, что являлось основной причиной конфликтности Верховной Рады. В парламенте VIII созыва были представлены политические силы, которые, как показало время, можно лишь условно считать «умеренными» – «Блок

Петра Порошенко», «Самопомич», «Батькивщина». Эти политические силы позиционировали себя проевропейскими демократическими институтами, но на практике, осуществляя свою деятельность, они часто пренебрегали демократическими ценностями, особенно в вопросах защиты и реализации прав и свобод человека. Представители фракций «Народный Фронт» и «Радикальная партия Олега Ляшко» не скрывали своих радикальных идей и всегда опирались на националистические и шовинистические силы, культивируя их идеологию в сознании общества как патриотизм. Прохождение в парламент столь разных по идеологии политических партий заложило основу конфликтности, поставив под сомнение возможность согласованной и эффективной деятельности законодательного органа.

Важной составляющей, влияющей на формирование конфликтности нового парламента, является его кадровый состав. Самым главным отличием нового парламента от всех предыдущих составов является присутствие во всех политических партиях, за исключением «Оппозиционного блока», так называемых командиров добровольческих батальонов территориальной обороны, а также других персоналий, принимавших участие в акциях протеста на Майдане в 2013–2014 гг. Присутствие в депутатских рядах таких маргинальных личностей, как Д. Ярош, С. Мельничук, С. Семенченко, И. Мосийчук, А. Билецкий и др., сделавших карьеру во период массовых акций протеста и на фронтах военных операций на востоке Украины, было вызвано тем, что эти персоны пользовались поддержкой в обществе в отдельных регионах страны. Активное привлечение этих людей позволяло политическим партиям заручиться поддержкой их сторонников и, следовательно, влияла на рейтинг, что давало возможность преодолеть на парламентских выборах проходной барьер.

Вторая причина конфликтности Верховной Рады восьмого созыва заключалась в том, что большая часть народных избранников входила в депутатские группы, подконтрольные представителям крупного бизнеса или олигархов. Например, депутатская группа «Возрождение» (бывшее «Экономическое развитие»), возглавляемая Виталием Хомутынником, представляла интересы украинского олигарха И. Коломойского и его бизнес-группы «Приват». Многие депутатские группы, представляющие различные политические силы в парламенте, выражали интересы Рината Ахметова и Виктора Пинчука и т. д. В связи с этим важным фактором конфликтогенности являлось присутствие «лоббистов» крупного капитала во всех депутатских фракциях. Таким образом, в парламенте было изначально заложен конфликт интересов, что, однако, не мешало им находить общие точки соприкосновения, когда заинтересованным сторонам это было взаимовыгодно. Фрагментарное сращивание интересов крупного капитала и национал-радикализма выражалось в использовании радикалов и их сторонников в бизнес-конflikтах с неудобными партнерами, что происходило в формате рейдерских захватов имущества, грабежах, насилии и т. д.

Третьей причиной конфликтности украинского парламента предыдущего созыва являлась жесткая зависимость представителей различных партий от мнения их партийных лидеров. Здесь следует подчеркнуть, что все представленные в

парламенте политические силы возглавляли амбициозные и харизматические лидеры, обладающие поддержкой как внутри государства, так и за его пределами, и имеющие финансовые ресурсы.

Четвертой причиной конфликтности парламента стало формирование прореформистского ядра, но его деятельность усложнилась ориентацией одной части депутатов на президента, а другой – на премьера, откровенным или скрытым саботажем части депутатов и давлением олигархов на принятие парламентских решений [3].

Первым проявлением конфликтности в парламенте после оглашения официальных данных о результатах выборов стал процесс формирования коалиции, которая, согласно Конституции Украины, должна сформировать правительство (Кабинет министров) – высший орган исполнительной власти Украины. Процесс формирования коалиции был напрямую связан с распределением министерских должностей в правительстве. «Блок Петра Порошенко» не набрал необходимого большинства голосов для формирования Кабинета министров, что привело к необходимости коалиционных переговоров с политическими партиями. По итогам переговоров 27 ноября 2014 года было подписано соглашение о коалиции политических сил «Европейская Украина». При отсутствии такого соглашения глава государства должен был распустить Верховную Раду. Подписи под соглашением поставили лидеры всех депутатских фракций за исключением «Оппозиционного блока», который был исключен из переговорного процесса. Многообразие идей и взглядов, иногда даже противоречащих друг другу, заложило конфликт в основу работы самой коалиции.

Первые разногласия произошли во время формирования состава Кабинета министров Украины. Возникшие противоречия удалось временно преодолеть, но каждая из сторон конфликта осталась при своем мнении. Разногласия в парламенте отразились на деятельности самой Верховной Рады, так как она стала «ареной» противостояния между президентом и премьер-министром. П. Порошенко и А. Яценюк – два политических лидера и участники государственного переворота на Украине – стали непримиримыми оппонентами. По мнению автора, именно А. Яценюк был инициатором конституционной реформы после совершения государственного переворота в феврале 2014 года. Конституция образца 2004 года давала А. Яценюку больше полномочий как главе исполнительной власти. Надо отметить и тот факт, что претензии А. Яценюка были небезосновательными, так как он имел поддержку как внутри страны, в частности, в лице И. Коломойского, так и за ее пределами. О такой поддержке, например, заявлял Государственный департамент США. Противостояния между президентом и премьер-министром чаще всего происходили в стенах парламента, превращая Верховную Раду в инструмент давления на политического оппонента. Примером этого стали слушания в парламенте отчета министра иностранных дел Павла Климкина по итогам Минских переговоров на высшем уровне, состоявшихся 12 февраля 2015 года. После доклада главы украинского МИДа лидеры депутатских фракций, входивших в коалицию, подвергли критике подписанные президентом страны Минские соглашения и принятые ранее оговоренные законодательные акты, необходимые для

стабилизации ситуации на Донбассе, внесли в их тексты серьезные изменения, что фактически шло вразрез с самим текстом соглашения. Это был явный удар, направленный на дискредитацию Президента Украины в глазах мирового сообщества. Необходимо отметить, что тема минских соглашений дискутируется постоянно представителями власти всех уровней. Принимаемые в парламенте законы так или иначе увязывают с темой неподконтрольных территорий, спекулируя на этом вопросе и зарабатывая определенные политические и экономические дивиденды.

Ухудшение экономической ситуации в стране сильно сказалось и на авторитете А. Яценюка как главы правительства, непосредственно отвечающего за социально-экономическую ситуацию в стране. Этим не преминула воспользоваться пропрезидентская фракция в парламенте. Критика в адрес главы правительства становилась все жестче, так как деятельность Кабинета министров во главе с А. Яценюком не приводила к улучшению социально-экономического положения в стране. Конфликт интересов, возникший между ветвями государственной власти, привел к углублению политического кризиса. Верховная Рада в этой ситуации не смогла должным образом урегулировать кризис, консолидировав элиты для поиска решения по выходу из общественно-политического кризиса.

Отставки ряда министров, в том числе и министра экономического развития Украины Айвараса Абромавичуса, послужили причиной нового витка политического кризиса [4]. Экс-министр в качестве причины своей отставки назвал активное препятствование реформам. Кроме того, министр говорил о высоком уровне коррупции во властных структурах. А. Абромавичус, проработавший в должности ровно 14 месяцев, заявил, что на Украине проводятся «активные действия, направленные на то, чтобы парализовать реформаторскую работу: от неожиданного снятия охраны министра и его семьи до навязывания под нарастающим давлением сомнительных личностей в команду и на ключевые должности в госпредприятиях» [4]. На отставку А. Абромавичуса отреагировала директор-распорядитель Международного Валютного Фонда (МВФ) Кристин Лагард, отметив, что заявление экс-министра «вызывает тревогу. Если выдвинутые им обвинения соответствуют действительности, то это, очевидно, свидетельствует о том, что антикоррупционные меры пока не срабатывают» [5].

Все эти процессы в правительстве вызвали реакцию и в парламенте, где депутаты подняли вопросы о переформатировании коалиции или о досрочных парламентских выборах. Первая попытка депутатов Верховной Рады Украины отправить 16 февраля 2016 г. в отставку правительство во главе с премьер-министром оказалась безрезультатной. За отставку проголосовали только 194 народных депутата при необходимых 226 [2]. Высказывалось мнение, что таким образом Президент Украины хотел снять с себя ответственность за политическую и социально-экономическую ситуацию в стране. Но несостоявшаяся отставка в итоге дискредитировала не только Президента, как главу государства и гаранта законности, но в том числе и парламент, в очередной раз продемонстрировавший свою неэффективность. Многие политические деятели заговорили о так называемом «олигархическом перевороте» в парламенте, так как группы «Возрождение» и

«Воля народа», поддерживаемые представителями крупного капитала, отказались голосовать против отставки правительства А. Яценюка. В результате внутрифракционных консультаций, депутаты «Батькивщины» и «Самопомощи» официально объявили о своем выходе из парламентской коалиции и начали подготовку к внеочередным парламентским выборам, если не удастся сформировать новую коалицию [6]. «Радикальная партия Олега Ляшко» поддержала идею создания новой коалиции, нового плана реформ и нового правительства [7]. После выхода из коалиции трех партий (РПЛ, «Самопомощь», «Батькивщина») в ней начался «период полураспада», который, однако, так и не привел к перевыборам. Парламент продолжил свою работу в формате ситуативного большинства, получившего название «Демократическая коалиция» [8]. В равной степени тщетными оказались как попытки оппозиции добиться от спикера ВР Андрея Парубия поименного списка новых «коалициантов», так и сбор подписей депутатов, которые не вошли в Демкоалицию. Распад коалиции и споры внутри парламента вокруг списочного состава «Демократической коалиции» стали еще одним из факторов конфликтности ВРУ.

Отставка А. Яценюка и назначение премьер-министром В. Гройсмана произошла 14 апреля 2016 г. За это решение проголосовали 257 народных депутатов. С точки зрения фракций РПЛ, «Самопомощь» и «Батькивщина», коалиционное большинство в парламенте, необходимое для избрания нового состава Кабинета министров, отсутствовало. Коалиция, состоящая из двух политических сил («Блока Петра Порошенко» и «Народного Фронта»), насчитывала всего лишь порядка 206 голосов, вместо положенных, как минимум, 226. Необходимые голоса были набраны за счет внефракционных депутатов из двух групп – «Возрождение» и «Воля народа» [2]. По мнению автора, речь идет скорее о формально существовавшей «Демократической коалиции», а не о полноценной, с точки зрения украинского законодательства, коалиции, так как отсутствовало письменное соглашение между данными политическими силами. Надеяться на стабилизирующую функцию Верховной Рады после назначения нового премьер-министра и формирования нового правительства не приходилось. В парламенте не было стабильного большинства. Перспектива формирования коалиции оставалась под вопросом, усиливая тем самым конфликтность в законодательном органе. Отсутствие стабильного большинства в парламенте продолжало влиять на деятельность правительства во главе с В. Гройсманом. Несмотря на то, что В. Гройсман считается ставленником Петра Порошенко, нового премьер-министра отличала амбициозность, что позволяло ему вести в определенной степени независимую политику и отстаивать свое мнение. Результаты последних президентских выборов, где уверенную победу одержал не системный кандидат В. Зеленский, привели к очередному витку напряжения между основными институтами власти (главы государства, парламента и правительства).

Таким образом, еще одной причиной, повлиявшей на конфликтность в парламенте, послужили результаты выборов главы государства и внеочередных выборов в парламент, состоявшихся в июле 2019 года. Уверенная победа В. Зеленского над П. Порошенко во втором туре президентских выборов вызвала

напряжение внутри украинской политической элиты, углубив еще более политический кризис в стране.

Социальными последствиями конфликтности Верховной Рады Украины стало углубление общественно-политического кризиса в государстве, так как парламент оказался не способным консолидировать политические силы для преодоления кризиса. В стране продолжались процессы, разрушающие основы общественно-политической стабильности: торгово-экономическое противостояние с Россией; разрыв культурных и духовных связей между Украиной и Россией, усугубляющий раскол внутри украинского социума и ускоряющий дезинтеграционные процессы в государстве. Эти процессы привели к резкому снижению доверия граждан к политическим институтам: Президенту Украины доверяли 13,8% граждан, правительству – 13,7%, Верховной Раде – 10,3% [9]. Своим отношением к власти граждане Украины выразили на президентских выборах, когда отдали свои голоса за В. Зеленского. Кроме этого в украинском обществе начала складываться новая форма протеста граждан, т.н. «молчаливого протеста», когда люди в знак несогласия покидают страну в поисках заработка, так как разочаровались во власти и в результатах уличного протеста. Именно по этой причине многие специалисты считают, что майдана №3 не будет, так как активная молодежь покидает Украину.

Таким образом, можно отметить, что внеочередные парламентские выборы в Верховную Раду не решили поставленной задачи – сформировать дееспособный парламент, который бы сумел консолидировать деятельность органов государственной власти. Деятельность Верховной Рады Украины сохраняет конфликтный характер. Конфликтность, как черта действующего украинского парламента, продолжает усугублять общественно-политический кризис в стране. По мнению автора, парламент Украины в таком идеологическом и кадровом разнообразии не может выполнять свои функции, предписанные Конституцией государства. Опора на националистическую и порой даже фашистскую идеологию, а также высокая степень зависимости народных депутатов от своих политических лидеров и финансово-олигархических спонсоров, превращают парламент в инструмент давления на оппонентов.

Список литературы

1. Ковальчук С. В. Боже великий єдиний, нам Україну храни» / С. В. Ковальчук // Голос України. – 2014. – № 230. – С. 1–2.
2. Сайт ЦВК Украины. URL: http://www.cvk.gov.ua/info/protokol_bmvo_ndu_26102014.pdf (Дата обращения: 05.12.2018).
3. Мацневский Ю. В. В ловушке гибридности: политический режим в Украине после революции 2014 года. – Полис. Политические исследования. – 2018. – № 1. – С. 96–115. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps> (Дата обращения: 2018.01.07).
4. Соколовская Я. Министр экономического развития Украины Айварас Абромавичус уходит в отставку. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2907269> (Дата обращения: 05.12.2018).
5. Отставка главы минэкономразвития Украины вызвала тревогу в МВФ. URL: <https://www.rg.ru/2016/02/05/otstavka-glavy-minekonomrazvitiia-ukrainy-vyzvala-trevogu-v-mvf.html> (Дата обращения: 06.12.2018).

6. Самопомощь завтра рассмотрит вопрос о выходе из коалиции. URL: <https://vesti-ukr.com/politika/134908-samopomich-zavtra-rassmotrit-vopros-o-vyhode-iz-koalicii> (Дата обращения: 06.12.2018).
7. Горбенко А. В БПП Яценюку отвели не больше месяца. URL: <https://vesti-ukr.com/politika/134904-rada-startovala-so-sporov-o-jacenuke> (Дата обращения 15.12.2018).
8. Расчет или ценности: как формируются коалиции в Украине. Антон Авксентьев, Аналитический центр «Обсерватория демократии», для «Хвилі» URL: <https://hvylya.net/authors/anton-avksentev-analitieskiy-cent> (Дата обращения 26.04.2018).
9. Сайт Центра Разумкова. URL: http://razumkov.org.ua/uploads/socio/2018_06_press_release_ua.pdf (Дата обращения 15.12.2018).

Medzhitov M. E. Proneness to Conflict as the Trait of Modern Ukraine's Verkhovny Rada: Reasons, Content and Social Consequences // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 3. – P. 74–82.

Proneness to conflict as the characteristic feature of Ukraine's Verkhovny Rada of the VIIIth convocation elected on the off-year parliamentary election on October 26, 2014, is analyzed. The organization of snap parliament elections in Ukraine was the result of increasing social and political crisis in the state, which led to the change of political power in Ukraine. The basic aims of off-year parliamentary election were legitimization of new political department and consolidation of the society with the help of the progressive forces standing at the origins of Euromaidan and taking part in protest actions. The process of legitimization was needed to present new political elite. Their coming to the power had unconstitutional nature, which violated the provisions of Constitution of Ukraine and could lead to the international legal and political isolation of Ukrainian power. The paper reveals that elected parliament due to the number of reasons couldn't consolidate the political sources and assist Ukraine in recovery from political recession. Reasons of appearance of conflict relationships between Ukraine's Verkhovny Rada factions representing different political sources are analyzed, influence of proneness to conflict on content, character and consequence of politics for Ukrainian society and state is shown.

Keywords: conflict, off-year election, parliament, political parties, political crisis, democracy.

References

1. Koval'chuk S. V. Bozhe velikii edinii, nam Ukraïnu khrani» [God the Only, the Great, Save Our Ukraine]. *Golos Ukrainy*, 2014, № 230, P. 1–2.
2. Sait TsVK Ukrainy [Ukraine's Central Election Comission Site]. URL: http://www.cvk.gov.ua/info/protokol_bmvo_ndu_26102014.pdf (Accessed 05.12.2018).
3. Kostin I. Dostignutye v Minske dogovorennosti vyzvali burnoe obsuzhdenie v stenakh Verkhovnoi Rady Ukrainy [Achieved in Minsk Agreement Caused Heated Debate in Verkhovny Rada]. URL: <http://www.1tv.ru/news/world/277697> (Accessed 05.12.2018).
4. Sokolovskaya Ya. Ministr ekonomrazvitiya Ukrainy Aivaras Abromavichus ukhodit v otstavku [Ukraine's Minister of Economic Development Resigns]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2907269> (Accessed: 05.12.2018).
5. Otstavka glavy minekonomrazvitiya Ukrainy vyzvala trevogu v MVF [Resignation of Minister of Economic Development Caused Anxiety at the International Monetary Fund]. URL: <https://www.rg.ru/2016/02/05/otstavka-glavy-minekonomrazvitiia-ukrainy-vyzvala-trevogu-v-mvf.html> (Accessed: 06.12.2018).
6. Samopomoshch' zavtra rassmotrit vopros o vykhode iz koalitsii [Tomorrow Self-help Will Examine the Question about Exit from Coalition]. URL: <https://vesti-ukr.com/politika/134908-samopomich-zavtra-rassmotrit-vopros-o-vyhode-iz-koalicii> (Accessed: 06.12.2018).

7. Gorbenko A. V BPP Yatsenyuku otveli ne bol'she mesyatsa [Petro Poroshenko's Block Gave Yatsenyuk no More than a Month]. URL: <https://vesti-ukr.com/politika/134904-rada-startovala-so-sporov-o-jacenjue> (Accessed: 15.12.2018).
8. Kozub, T. Komu peredast kreslo Yatsenyuk [To whom Will Yatsenyuk Pass His Chair]. URL: <https://vesti-ukr.com/politika/137337-komu-peredast-kreslo-jacenjue> (Accessed: 15.12.2018).
9. Sait Tsentra Razumkova [Razumkov's Center Site]. URL: http://razumkov.org.ua/uploads/socio/2018_06_press_release_ua.pdf (Accessed: 15.12.2018).

УДК 32:316.7

ХАРАКТЕР СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТРАН МУСУЛЬМАНСКОГО МИРА

Третьяк С. С.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: Sergey280497@mail.ru

В статье рассматривается состояние современной политической культуры стран мусульманского мира. Показан ее дифференцированный характер. В частности, подчёркивается, что в рамках ключевых свойств и характеристик, свойственных политической культуре на уровне отдельных государств, современный исламский мир в целом представлен тремя основными группами стран, в рамках которых традиционные исламские политические нормы способны сочетаться с интегрированными извне либерально-демократическими идеями Запада, обуславливая также место и значение религии в этих отношениях. Согласно этой же логике, а также имея ввиду исторически важное место, которое занимал ислам в политической жизни мусульманского общества и его место сейчас, характер политической культуры данных стран, в свою очередь, может быть секуляризированным, частично секуляризированным и основанным на исламских законах. Каждый будет характеризоваться своей особенной моделью взаимоотношений между социумом и государством. Кроме того, обнаруживается, что в секуляризованных странах будет чаще преобладать элемент гражданственности, тогда как в частично секуляризованных и тех, где правовая база основывается сугубо на исламских законах, – подданическо-активистский и патриархальный соответственно. Стоит, однако же, заметить, что в частном порядке эти категории склонны варьироваться и нередко видоизменяться.

Ключевые слова: политическая культура, ислам, мусульмане, власть, традиции, нормы, установки.

Феномен политической культуры является неотъемлемым элементом сложной разноплановой системы взаимоотношений между обществом и государством. Обращение к проблемам нормативного базиса общества, политических и культурных установок, особенностей его психологии и мотивации позволяет глубже понять и проанализировать его основные проблемы и противоречия, выявить политические тенденции и настроения. Политическая культура стран мусульманского мира представляет собой сложный и часто противоречивый комплекс норм и политических установок в вопросах сущности организации власти и ее отношений с обществом.

Целью данной статьи является рассмотрение характера политической культуры стран мусульманского мира на современном этапе. Таким образом, были поставлены следующие задачи: дать описание основным элементам традиционной модели исламской политической культуры; основываясь на степени секуляризованности, проанализировать состояние политической культуры трёх

основных групп мусульманских государств (на примере Турции, Египта и Саудовской Аравии); на основании анализа сделать вывод о характере современной исламской политической культуры (в контексте данных групп), обозначить ее главные тенденции.

Актуальность изучения данной проблематики обусловлена ролью, которую мусульманские страны играют в современном мире в условиях активного развития межгосударственных связей и усложнения международных отношений. Стоит отметить, что не все мусульманские страны одинаково безболезненно переносят эти условия. Части из них удаётся справляться с ними сравнительно легко, так или иначе интегрироваться в данный процесс. Другая же – оказывается не всегда способна принять и прокультивировать подобные тенденции, поступающие извне, сталкиваясь с кризисом непонимания внутри собственных сообществ и внутригосударственным «культурным шоком». Ответом на это выступает возникновение разного рода точек напряжения и противоречий, захлестнувших исламский мир. Возникают разного рода течения и идеи, одной из центральных целей которых, выступает поиск альтернативных решений этих проблем в контексте закрытого глубоко традиционного исламского общества [7]. Исследование актуализирует также крайне слабая разработанность проблематики состояния современной исламской политической культуры. Это, в свою очередь, указывает на то, что рассмотрение указанной проблемы имеет научную новизну и являет собой практическую значимость.

Объектом исследования статьи выступает мусульманский мир, а предметом – его политическая культура.

Обращаясь к анализу политической культуры мусульманского мира, главным образом следует отметить, что основополагающим фактором в формировании политических норм и ценностей мусульман является ислам [2, С. 128]. «Являясь традиционной восточной религией, ислам близок и понятен любому мусульманину, независимо от его социального происхождения, этнической принадлежности, положения в обществе. Исламу принадлежит особая роль такого символа традиционного начала, который тесно слит в массовом восприятии с национальной культурой, национально-государственными ценностями любой арабской страны...» [13].

Исламские политические нормы нашли своё отражение в ключевых религиозных текстах (Коране и Сунне), а также дополнены и обоснованы видными исламскими теоретиками. Значительная часть политической и общественной жизни регулируются *фикхом*, или мусульманским правом, а также нормами *шариата*, или мусульманского закона [9]. В числе основных норм, способных прямо или косвенно влиять на формирование политических установок и ориентаций в среде граждан-мусульман, *идея священности власти*, которой Аллах наделяет правителя. «Сообщество мусульман нуждается в политической власти... Эта власть осуществляется одним человеком, который наделяется авторитетом в земных делах, имеющим религиозное происхождение, по решению и с согласия членов сообщества...» [3]. В свою очередь, это формирует еще одну важную черту –

покорность в отношении политической власти и, как следствие, *терпимость* [1, С. 15].

Другой характерной чертой классической исламской политической культуры является традиционный для ислама принцип Да'вата, или – *исламской проповеди*. «Да'ват, от корня да'а, звать, приглашать, имеет первичное значение призыва или приглашения. В Коране, XXX, 24, оно обращено с призывом к мёртвым подняться Судный день...» [11]. В целом же, данное понятие используется в исламе в качестве воззвания ко всем людям на земле жить в соответствии с волей единого всемогущего Бога (примечательно, что оно может вменяться людям вне зависимости от их характера и вида их текущего вероисповедания). Таким образом, Да'ват является подобием проповеди, а главная его функция – популяризация ислама. Классически он имел два направления: внутрь исламской общины, для просвещения рядовых мусульман о важности поклонения Богу, о жизни и праведности пути пророка Мухаммеда; и вовне, благоприятно способствуя распространению норм и законов ислама по всей Земле [11]. Само учение, согласно данной логике, является универсальной передовой религией, к почитанию которой должен стремиться каждый.

Немаловажным элементом, формирующим исламскую политическую культуру, служит *надэтническое мышление*, призывающее не отвергать иные конфессии, а способствовать распространению ислама среди их последователей. «Он ниспослал тебе, Мухаммад, Коран – Писание, истинное подтверждение того, что было ниспослано до него, а прежде ниспослал Он Тору и Евангелие...» (3:3) [4], – сказано в Священной книге, возводя тем самым ислам до уровня универсального учения и предоставляя ему мощный межкультурный потенциал.

К числу прочих важных составляющих также можно отнести *внутригрупповую «исламскую» солидарность* [7], выраженную в функционировании, к примеру, Организации исламского сотрудничества или Лиге арабских стран. Немаловажной для исламского мира является *роль армии*. Во многих странах каста военных долгое время была слита воедино с аппаратом государственного управления. Таким образом, обращение к данным тезисам позволяет воссоздать традиционное начертание исламской модели политической культуры.

В наши дни из почти пяти десятков стран мира, где мусульмане представляют большинство населения, полтора десятка являются странами с исключительно *светским государственным укладом* и характером общественно-политических отношений. Идея светского уклада (секуляризма) подразумевает строго регламентированное место и положение религии по отношению к государству и государственной политике. Религии отводятся исключительно вопросы частной духовной жизни людей. Среди мусульманских стран к таким можно отнести Азербайджан, Казахстан, Турцию, Малайзию, Индонезию, Сенегал и др. Для более углублённого понимания характера сложившихся общественно-политических отношений в данной группе стран, представляется уместным обратиться к историческому опыту современной Турецкой республики.

Пережив поражение в Первой мировой войне и оправившись от шока распада Османской империи, Турция первая в мусульманском мире встала на путь

европейской модернизации, объявляя тотальный разрыв с политическим прошлым. Важной государственной мерой стал полный отказ от обращения к авторитету ислама в вопросах политики и образования; ликвидация халифата, отказ от шариата, введение светского судопроизводства и т. д. На место политического ислама приходит *лаицизм* (или *секуляризм*), внедряя светское устройство по западному образцу [6]. Официальной идеологией Турции становится кемализм (идеология турецкого национализма), под эгидой которого состоялась радикальная модернизация страны в духе западных образцов и частичного разрыва с прежними традициями [5, С. 71]. Таким образом, Турция стала первой страной исламского мира, где светское политическое мировоззрение стало основополагающим в контексте связей общества и государства.

Сегодня Турция – унитарное государство с республиканской формой правления. Официально Турция разделяет большинство западных ценностей, входит в НАТО и является незаменимым союзником Запада на Ближнем Востоке [16, С. 134]. Партия справедливости и развития, занимающая лидирующие позиции на политической арене страны с 2002 года, способствует поддержанию тесных связей с Европейский Союзом. Несмотря на частые в последнее время обвинения в укреплении авторитаризма, Турция на своём примере доказала, что исламская страна вполне способна реализовывать демократические принципы и нормы в своей политической практике. На основании приведённого можно сделать промежуточный вывод о наличии преобладания *гражданских* норм и установок в политической культуре Турецкой республики, а также успеха в их практической реализации.

Вторая группа представлена странами мусульманского мира, где действуют вариации *сочетания исламских и светских законов*. К этим странам относятся Алжир, Марокко, Катар, Египет, Бангладеш, Мали и др. На практике это отражается в пересечении социально-политических норм ислама с гражданским кодексом, отражая специфическую суть политических реалий и характерный набор политических норм. Ярким примером служит Египет.

Принятая в декабре 2012 г. Конституция Египта, трактует его как арабскую республику с демократической системой правления. «Политическая система, – согласно ей, – основывается на принципах демократии и шура (совета), гражданства (согласно которому все граждане равны в правах и обязанностях), многопартийного плюрализма, мирной передачи власти, разделения и баланса власти, верховенства закона и уважения прав и свобод человека...» [14]. В то же время, ислам обозначается в качестве государственной религии, а «принципы Исламского Шариата являются главными источниками законодательства...» [14]. Такие кодифицированные принципы в полной мере реализуются на практике.

В настоящее время Египет – одна из мусульманских стран, где «существует «своего рода баланс» между шариатом и гражданским кодексом...» [8]. Было немало опасений о том, какой вектор развития выберет послереволюционное египетское общество – демократический или теократический по примеру Ирана. Как утверждает ряд исследователей, несмотря на то, что значительная часть общества симпатизирует внедрению шариата на государственном уровне, лишь

немногие готовы к приходу власти духовных лидеров и установлению теократического государственного устройства. Более того, даже наиболее влиятельное религиозно-политическое движение – «Братья-мусульмане» – достаточно умеренно относится к подобного рода политическим сдвигам, выступая по большей части за актуализацию статьи о роли шариата и исламских законов в политической и социальной жизни египетского общества.

Таким образом, Египет представляет собой своего рода политический синтез демократических и исламских духовно-нормативных правил. Демократические нормы, такие как плюрализм, разделение властей, демократические выборы и равноправие сочетаются с нормами шариата, например, в семейном праве, деятельностью Аль-Азхара – независимого исламского института и т.д. Политическая культура Египта, как и ряда схожих с ним стран из данной группы, отражает собой политические и социальные установки двух течений – либерального и традиционного, где *гражданские* элементы политической культуры пересекаются и находятся в постоянном взаимодействии с *патриархальными* установками соответственно.

Третья часть исламских стран представлена группой, где государственное и общественное устройство, а также гражданское законодательство обращено исключительно к сводам исламских законов и традиций. Данная группа персонифицирована Ираном, Ливией, Саудовской Аравией, Катаром, Йеменом, ОАЭ, Иорданией, Пакистаном и др. В трех государствах *шариат* действует в качестве основной судебной-правовой системы (Саудовская Аравия, Иран, Судан).

Образ власти в большинстве названных стран представлен полновластным, часто авторитарным, элементом. Роль ислам в данном случае возведена до равноправного партнера государства в формировании политической повестки дня. Что касается вопросов общественного жизнеустройства, то здесь религия имеет полновластное основополагающее значение, часто являясь арбитром на уровне «гражданин-государство». Таким образом исламские политические традиции юридически становятся на службу политическим режимам, а традиционные политические нормы и идеи мусульман находят поддержку на самом высоком государственном уровне, объясняя и обеспечивая тем самым легитимность действующей в данных странах власти.

В качестве примера значимости и преемственности исламских политических норм для общества, в частности, авторитета власти, можно привести Саудовскую Аравию. Несмотря на официально установленный в стране *шариат*, исламское право, а также на наличие глубокого религиозного сознания ее граждан, государство устроено по классическим канонам абсолютной монархии. В свою очередь, конституционно закреплено, что страна управляется династией Аль Саудов, потомками первого короля Абделя Азиза Аль Сауда (1880-1953) [15]. Однако несмотря на многочисленность представителей ее династии, власть сосредоточена в руках узкой группы лиц.

Государственной религией Саудовской Аравии является ваххабизм, отличающийся своими склонностями к буквальной трактовке ислама и его заветов. Несмотря на все это, факт существования государственной устройства в виде

абсолютной монархии, что в корне противоречит нормам исламской традиции, не вызывает широкого недовольства в обществе. В данном отношении стоит уточнить, что непосредственно власть в государстве проводит активную религиозную политику, укрепляя религиозное сознание граждан и обращаясь к исламской идее легитимности власти (в обход идеям, к примеру, о недопустимости королевской власти над исламской общиной), подкрепляя это разного рода экономическими и социальными благами.

Таким образом, общество Саудовской Аравии в политическом отношении выглядит довольно инертно. Даже ядро оппозиции правящему кругу составляют члены той же королевской династии Аль Саудов, а не выходцы из народа как такового [10]. Политическая культура Саудовской Аравии, как и части стран, входящих в её группу, представлена политико-нормативной системой с ярко выраженными *подданныческими*, часто пересекающимися с *патриархальными* элементами политической культуры.

На примере рассмотренных групп стран можно сделать вывод о *дифференцированном характере* современной исламской политической культуры. Исламский мир представлен сегодня тремя основными группами стран, где традиционные исламские политические нормы и традиции способны сочетаться с заимствованными извне либерально-демократическими идеями Запада [17]. Имея ввиду историческую актуальность ислама в вопросах политики и общественного устройства, можно сделать вывод о том, что политическая культура исламских стран в той или иной степени будет тесно сопряжена с процессами секуляризации внутри государства. Таким образом, современная политическая культура мусульманских стран, помимо традиционного, *основанного на исламских законах*, может вбирать и отражать ещё два характера государственного устройства: *секуляризированного* и *частично секуляризированного*, где подданическо-активистские и патриархальные элементы политической культуры, в зависимости от внешних условий, способны сосуществовать и взаимодействовать с гражданскими элементами культуры соответственно.

Политическая культура мусульманских стран мира отражает также характер и образ жизни самого исламского общества, его основные тенденции и течения. Последние являются прямым ответом на сложную внутривнутриполитическую, экономическую и социальную ситуацию, сложившуюся в большинстве современных мусульманских государств. К таким можно отнести *рост популярности фундаментального ислама*, как ответ на низкие стандарты качества жизни, социальную неустроенность, отсутствие социальных гарантий, а часто и гарантий собственной безопасности; застой и коррупция в органах государственной власти и др. Фундаментализм, в свою очередь, выступает как прямой ответ на эти обстоятельства [7]. Они (обстоятельства) нередко побуждают мусульманских граждан искать решения в крайних, часто острых формах борьбы с социальной несправедливостью; к поиску альтернатив, таких как, к примеру, *попытки обращения к мусульманским канонам* (например, салафия) в вопросах социально-политической организации. Старания внедрить подобные элементы в условиях старого внутреннего, часто давно дискредитированного, политического и

социального устройства нередко наталкиваются на неизбежное сопротивление сверху, что неизбежно приводит к *радикализации ислама*. Скептицизм к Западу, являющийся следствием враждебных традиционно закрытому исламскому устройству действий, попыток вмешательства во внутренние дела мусульманских государств, не исключая силовое давление, «скрытый колониализм», навязывание чуждого образа жизни и др., также способствует этим процессам [12]. Таким образом, основные тенденции современного исламского мира, так или иначе будут отражаться и на характере элементов политической культуры многих исламских стран как ответ на внутреннее социально-политическое неблагополучие, а также попытки извне навязать инородный образ действий, мышления и т.п.

В целом же, характер современной исламской политической культуры показывает, что постепенно она утрачивает свой закрытый консервативный характер. Ей все чаще приходится функционировать в непростых условиях современного мира, находясь в постоянном тесном контакте с ее сложными глобальными процессами и тенденциями. Современная политическая культура мусульман трансформируется таким образом, что традиционные исламские ценности и политические нормы нередко вступают в синтез с политическими идеями Запада, открывая «путь использованию мирового опыта политической демократии...» [17].

Список литературы

1. Руа О. Глобализированный ислам: в поисках новой уммы. – М.: Марджани, 2018. – 338 с.
2. Кныш А. Ислам в исторической перспективе: начальный этап и основные источники / А. Кныш. – Казань: Казан. ун-т, 2015. – 192 с.
3. Кожокин Е. Власть в исламской традиции. URL: <http://svom.info/entry/226-vlast-v-islamskoj-tradicii/> (Дата обращения: 13.01.2018).
4. Кулиев Э. Коран. Перевод смыслов. URL: <https://falaq.ru/quran/kuli/> (Дата обращения: 13.01.2018).
5. Надеждин Н. Мустафа Кемаль Ататюрк: «Отец нации» / Н. Надеждин. – М.: Майор, 2011. – 808 с.
6. Navaro-Yashin Y. Faces of the State: Secularism and Public Life in Turkey. URL: https://books.google.by/books/about/Faces_of_the_State.html?hl=ru&id=nJ-hh9pNAzQC&output=html_text (Дата обращения: 13.01.2018).
7. Саид Э. Ориентализм. URL: https://royallib.com/read/said_edvard/orientalizm.html (Дата обращения: 13.01.2018).
8. Ислам и политика в Египте. Интервью с Диной Шехата, старшим научным сотрудником Центра политических и стратегических исследований «Аль-Ахрам». URL: http://www.info-islam.ru/publ/mnenija/intervju/islam_i_politika_v_egipte_intervju_s_dinoj_shekhata_starshim_nauchnym_sotrudnikom_centra_politicheskikh_i_strategicheskikh_issledovaniy_al_akhr/4-1-0-1444# (Дата обращения: 13.01.2018)
9. Володина Н. Государственно-правовая модель ислама: принципы и закономерности. URL: <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/Государственно-правовая-модель-ислама-принципы-и-закономерности> (Дата обращения: 13.01.2018)
10. Косач Г. Саудовская Аравия: государство и политика. URL: https://www.imemo.ru/jour/meimo/index.php?page_id=685&id=7591 (Дата обращения: 13.01.2018)
11. Canard M. “Da‘wa”. Encyclopaedia of Islam. URL: http://dx.doi.org/10.1163/1573-3912_islam_SIM_1738 (Дата обращения: 13.01.2018).
12. Аникин Д. А. История религии: конспект лекций. URL: <https://history.wikireading.ru/288551> (Дата обращения: 13.01.2018).

13. Замярянов С. Ислам в политической культуре и общественной жизни арабских стран: автореферат дис. ... кандидата политических наук. URL: <http://cheloveknauka.com/islam-v-politicheskoy-kulture-i-obschestvennoy-zhizni-arabskih-stran> (Дата обращения: 13.01.2018)
14. Конституция Арабской Республики Египет (2012). URL: <https://www.krugosvet.ru/enc/gosudarstvo-i-politika/egipet-konstitutsiya-dekabr-2012> (Дата обращения: 13.01.2018).
15. Основной Низам Королевства Саудовская Аравия (1992). URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=86&attempt=1> (Дата обращения: 13.01.2018).
16. Бжезинский З. Великая шахматная доска: главенство Америки и её геостратегические императивы / З. Бжезинский; пер. с англ. Уральская О. Ю. – М.: АСТ, 2017. – 384 с.
17. Сюкияйнен Л. Исламская политико-правовая культура и демократизация в Мусульманском Мире: конфликт или совместимость? UPD: <https://cyberleninka.ru/article/v/islamskaya-politiko-pravovaya-kultura-i-demokratizatsiya-v-musulmanskom-mire-konflikt-ili-sovmestimost> (Дата обращения: 13.01.2018).

Tretiak S. S. The Nature of the Modern Political Culture of the Muslim World // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 3. – P. 83–91.

The article discusses the state of the modern political culture of the Muslim world. Its differentiated nature is shown. In particular, it is emphasized that within the framework of key properties and characteristics characteristic of political culture at the level of a separate Muslim state, the modern Islamic world as a whole is represented by three main groups of countries, within which traditional Islamic political norms can be combined with liberal liberal ideas of the West, determining also the place and significance of religion in these relations. According to the same logic, and also bearing in mind the historically important place that Islam occupied in the political life of Muslim society and its place now, the nature of the political culture of these countries, in turn, can be secularized, partially secularized and based on Islamic laws. Each will be characterized by its own particular model of the relationship between society and the state. In addition, it is found that in secularized countries the element of citizenship will more often prevail, whereas in partially secularized ones and those where the legal basis is based entirely on Islamic law, it is subject to activist and patriarchal, respectively. It is worth noting, however, that in private, these categories tend to vary and often change.

Keywords: political culture, Islam, Muslims, power, traditions, norms, attitudes.

References

1. Rua O. Globalizirovannyj islam: v poiskah novoj ummy [Globalized Islam: In Search of the New Ummah] M., Mardzhani, 2018, 338 p.
2. Knysh A. Islam v istoricheskoy perspektive: nachal'nyj etap i osnovnye istochniki [Islam in Historical Perspective: the Initial Stage and the Main Sources] Kazan', Kazan. un-t, 2015, 192 p.
3. Kozhokin E. Vlast' v islamskoj tradicii [Power in the Islamic tradition]. URL: <http://svom.info/entry/226-vlast-v-islamskoj-tradicii/> (Accessed: 13 January 2018)
4. Kuliev E. Koran. Perevod smyslov [Koran. Translation of Meanings]. – URL: <https://falaq.ru/quran/kuli/> (Accessed: 13 January 2018)
5. Nadezhdin N. Mustafa Kemal' Ataturk: «Otec nacji» [Mustafa Kemal Ataturk: «Father of the Nation»]. M., Major, 2011, 808 p.
6. Navaro-Yashin Y. Faces of the State: Secularism and Public Life in Turkey. URL: https://books.google.by/books/about/Faces_of_the_State.html?hl=ru&id=nJ-hh9pNAzQC&output=html_text (Accessed: 13 January 2018)
7. Said E. Orientalizm [Orientalism]. URL: https://royallib.com/read/said_edvard/orientalizm.html (Accessed: 13 January 2018)
8. Islam i politika v Egipte. Interv'yu s Dinoj Shekhata, starshim nauchnym sotrudnikom Centra politicheskikh i strategicheskikh issledovanij «Al'-Ahram» [Islam and Politics in Egypt. Interview with Dinah Shekhata,

- Senior Researcher at the Al-Ahram Center for Political and Strategic Studies]. URL: http://www.info-islam.ru/publ/mnenija/intervju/islam_i_politika_v_egipte_intervju_s_dinoj_shekhata_starshim_nauchnym_sotrudnikom_centra_politicheskikh_i_strategicheskikh_issledovaniy_al_akhr/4-1-0-1444# (Accessed: 13 January 2018)
9. Volodina N. Gosudarstvenno-pravovaya model' islama: principy i zakonomernosti [The State-legal Model of Islam: Principles and Laws]. URL: <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/Gosudarstvenno-pravovaya-model'-islama-principy-i-zakonomernosti> (Accessed: 13 January 2018)
 10. Kosach G. Saudovskaya Araviya: gosudarstvo i politika [Saudi Arabia: State and Politics]. URL: https://www.imemo.ru/jour/meimo/index.php?page_id=685&id=7591 (Accessed: 13 January 2018)
 11. Canard M. "Da'wa". Encyclopaedia of Islam ["Da'wa". Encyclopaedia of Islam]. URL: http://dx.doi.org/10.1163/1573-3912_islam_SIM_1738 (Accessed: 13 January 2018)
 12. Anikin D. A. Istoriya religii: konspekt lekciy [History of Religion: Lecture Notes]. URL: <https://history.wikireading.ru/288551> (Accessed: 13 January 2018)
 13. Zamyatynov S. Islam v politicheskoy kul'ture i obshchestvennoy zhizni arabskikh stran: avtoreferat dis. ... kandidata politicheskikh nauk [Islam in the Political Culture and Public Life of the Arab Countries]. URL: <http://cheloveknauka.com/islam-v-politicheskoy-kulture-i-obshchestvennoy-zhizni-arabskikh-stran> (Accessed: 13 January 2018)
 14. Konstitutsiya Arabskoj Respubliki Egipt (2012) [Constitution of the Arab Republic of Egypt]. URL: <https://www.krugosvet.ru/enc/gosudarstvo-i-politika/egipt-konstitutsiya-dekabr-2012> (Accessed: 13 January 2018)
 15. Osnovnoj Nizam Korolevstva Saudovskaya Araviya (1992) [Basic Nizam of Saudi Arabia (1992)]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=86&attempt=1> (Accessed: 13 January 2018)
 16. Bzhezinskij Z. Velikaya shahmatnaya doska: glavenstvo Ameriki i eyo geostrategicheskie imperativy [The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives] M., AST, 2017, 384 p.
 17. Syukiyajnen L. Islamskaya politiko-pravovaya kul'tura i demokratizatsiya v Musul'manskom Mire: konflikt ili sovmestimost'? [Islamic Political and Legal Culture and Democratization in the Muslim World: Conflict or Compatibility?] UPD: <https://cyberleninka.ru/article/v/islamskaya-politiko-pravovaya-kultura-i-demokratizatsiya-v-musul'manskom-mire-konflikt-ili-sovmestimost> (Accessed: 13 January 2018)

УДК: 008:726:28-523

СМЫСЛОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА САКРАЛЬНОЙ ИСЛАМСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Билялова Л. М.

Крымский университет культуры, искусств и туризма, г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: lenara_77@mail.ru

В статье проанализированы смысловые особенности культурного контекста сакральной исламской архитектуры. Исследована исламская традиция, где интеллектуальность и духовность неразделимы и представляют ипостаси целостности. Установлено, что создание произведений исламской сакральной архитектуры опирается на знание, которое имеет духовный характер: «хикма» (мудрость) содержится во внутреннем измерении Корана. Математическая природа исламской архитектуры является внешним отражением числовой символикой букв, слов и ритмов аятов Корана. Исламская архитектура ставит своей задачей передать красоту и мудрость в художественных формах. Рассмотрены два принципа исламской традиции, которые используются в исламской сакральной архитектуре. В их основе лежит интеллектуальная составляющая. Проанализирован основополагающий принцип сакрального мусульманского зодчества – критерий полезности – «джамаль», где красивым может быть только полезное. Критерий полезности раскрывается посредством эстетических категорий: джамал, джалал и сифат. Они представляют понятия-символы: джамал – божественно совершенная красота, которую символизирует купол мечети; джалал – божественное величие, которое подчеркивает высота минарета; сифат – божественное имя, каллиграфически выведенное на внешних стенах мечети. Ориентация архитектурных форм мечети подчинена сакральной геометрии. Одним из ведущих понятий здесь является кибла.

Ключевые слова: культурный контекст, сакральная исламская архитектура, семиотика, критерий полезности, хикма, джамаль, кибла.

Постановка проблемы

Современное теоретическое понимание культуры ставит задачу осмысления понятия «контекст», «культурный контекст». Общеизвестно, что в культурном контексте как производится, так и воспроизводится смысл культуры. Следует подчеркнуть, что смысл не одномерен. Во внутренних реалиях произведений культуры отражается смысловой ряд и смысловые особенности искусства, в т. ч. и в сакральной исламской архитектуре. В этой связи понятие «культурный контекст» предполагает рассмотрение произведений культуры как результат действия законов смыслообразования.

Культурологические особенности исламской сакральной архитектуры исследовались многими учеными: Мухаммад Фарук аль Набхан, Инайат Хан

Хазрат, Дахлян ас Сайд, Ахмад ибн Зайний, Али Мансур Абдаллах Мурси, Сухи аль Салих и др. Заметный вклад в изучение данной проблемы внесли М. Пиотворский, З. Левин, Р. Мавлютов, Н. Амиров, Б. Шифдар. Ш. Шукуров и др. Представляют интерес труды иностранных ученых по данной теме. Так, архитектурные особенности исламской мечети рассматривали Н. Ардалан, Р. Хилленбранд, К. Норберг-Шульц, Д. Акбар, М. Аль-Асад, У. Аль-Хамис, Ш. Алибхай, А. Арель и др. Более глубокого изучения требуют культурные контексты соотношения таких понятий как «хикма», «джамаль», «кибла», на которых в основном и основано исламское искусство. Недостаточно изучена специфика и архитектурно-художественная ориентации исламской сакральной архитектуры, отражающая систему духовных координат ислама.

Вместе с тем, следует отметить, что смысловые культурологические особенности исламской сакральной архитектуры исследованы не полностью. Так, требуют более глубокого изучения «культурные контексты» таких понятий как хикма и джамал, на которых основано традиционное исламское искусство. Недостаточно глубоко изучена специфика архитектурно-художественной ориентации исламской сакральной архитектуры, отражающая систему духовных координат ислама. Теоретическая неразработанность этих вопросов и их практическая значимость определили тему данной статьи.

Цель статьи: проанализировать смысловые ряды и изучить смысловые особенности культурного контекста сакральной исламской архитектуры, определить ее особенности.

Изложение основного материала.

Изучение данной проблемы требует рассмотрения понятия «контекст» и «культурный контекст». Термин «контекст» обычно понимается продолжением ткани текста. Пришедшее из лингвистики, понятие «контекст» является смыслообразующей категорией, которая широко используется, например, при изучении литературных и архитектурных произведений. Контекст (от лат. Contextus) – тесная связь, соединение, законченный в смысловом отношении *отрывок текста*, необходимый для определения исторических и культурных условий, позволяющих уточнить смысловое значение изучаемого произведений, в т. ч. и архитектурного произведения.

Проанализируем смысловые особенности культурного контекста сакральной исламской архитектуры. Исламское зодчество – это художественная вселенная, основанная на главном источнике исламской духовности – им является священная книга мусульман – Коран, который содержит Логос «Слово» как знание. Следует подчеркнуть значение и значимость интеллектуального знания в исламе. Об этом свидетельствуют многие хадисы: «Первое, что сотворил Бог, – Разум», «Религия есть собственно Разум», «Нет религии у того, кто не владеет Разумом».

В исламе подчеркивается связь между искусством и знанием, что подтверждается высказываниями художников, строителей и архитекторов о том, что искусство рождается от «брака» между умением и мудростью. Создание произведений исламской сакральной архитектуры опирается на знание, которое

имеет духовный характер. Исламские зодчие называли его *хикма* – мудрость, которая содержится во внутреннем измерении Корана [2].

Следует подчеркнуть, что в исламской традиции интеллектуальность и духовность неразделимы, они представляют ипостаси единой реальности. В этой связи, *хикма*, на которой основано исламское искусство, есть не что иное, как интеллектуальный аспект исламской духовности, воплощенный в исламской сакральной архитектуре через математическую природу.

Используется для исламской архитектуры математика, протекающая сквозь суры Корана. Его математическая структура раскрывает поразительную близость интеллектуальных и духовных интересов ислама и математики. В известном смысле, математическая природа исламской архитектуры есть внешнее выражение математикой того, что сокрыто в числовой символике букв и слов Корана. Культурологическое изучение исламского сакрального зодчества свидетельствует о его тесной связи с текстами Корана, с его духовным смыслом, размером стихов, звуков, слов и рифмы. Исламская архитектура ставит своей задачей передать эту красоту в художественных формах [3].

Следовательно, главным носителем духовной идеи ислама является Слово и число Корана, художественно представленные в виде архитектурных форм. Интеллектуальный характер исламского искусства неоспорим. Исламская сакральная архитектура не имитирует видимые формы природы, а отражает скрытые смыслы. Она опирается не на систему логических умозаключений, а на *scientia sacra* (сакральную), основанную на внутренней, духовной сущности постигаемых явлений.

Реализуется это благодаря духовности, исходящей из исламской традиции. В этой связи рассмотрим два принципа традиции, на которых базируется исламская сакральная архитектура. В основе обоих принципов лежит интеллектуальная составляющая. Так, на основе геометрических построений был выработан универсальный принцип создания художественной архитектурной формы логическим преобразованием простого в сложное, используя приемы ритмического повтора простых фигур (квадрата, круга, треугольника) [4].

Принцип ритмического повтора одинаковых или подобных элементов, симметрии и зеркальности композиции архитектурных форм исходит из коранического образа неустанной созидательной работы Бога, который «впервые производит творение, потом повторяет его» (Коран, 30:10/11). Примером может служить ритмическая разбивка пространства мечети при помощи арок и колонн отвечает ритмам космического существования, которые регулируют фазы человеческой жизни, исходящие от Бога и к Нему возвращающиеся. Как сказано в кораническом стихе: «Поистине, мы все во власти Бога, и лишь к Нему мы возвратимся» (Коран 2:156).

Следует отметить, что использование сакральной геометрии является художественным способом передачи гармоничного, универсального порядка, установленного Аллахом на Земле. Коран учит, что мир создан мудро, как целостная гармония, строго упорядоченная система, где «в геометрии проявляется Всевышний». В Коране дан образ Бога – Устроителя и Организатора вселенной,

который все «сотворил и соразмерил... распределил и направил» (Коран 87:2, 3). Видимое проявление божественной силы воплощает сакральная геометрия, как синтез формы и числа. Именно через *форму и число*, а не через разнообразие образов проявляется величие Бога в исламе. Поэтому божественное присутствие достигается в тех произведениях искусства, в основе которых лежат форма и число, а не изобразительные украшения [5, Р. 139]. Видимое проявление божественной силы воплощает сакральная геометрия, как синтез формы и числа.

Так, числовая символика прослеживается в восьмеричном поясе, служащим опорой куполу мечети и символизирующему ангельский чин. Восемь – магическое число Неба. В исламе престол, управляется миром, который поддерживают восемь ангелов. Их символика соответствует восьми направлениям и восьми группам букв арабского алфавита. Кроме того, восемь – симметричная цифра, представляющая собой повернутый знак бесконечности (символическое выражение числа бесконечности на Древе Жизни – восьмерка), она таит раздвоенность и означает одновременно два мира – материальный и духовный [6, С. 201].

В основе второго принципа исламской традиции также лежит интеллектуальная составляющая, в частности в осмыслении «пустоты». В понимании пустоты как несуществующего, тьмы, неведения (джахилийя) в значении неверия, противостоящего существующему, свету, ведению, или знанию. Заполнение пустоты определяет методику творческого процесса, строго подчиненного идее пространства как схемы и символа макрокосма, структура которого наилучшим образом может быть выражена языком геометрии. Поэтому язык сакральной геометрии широко используется в исламском сакральном зодчестве.

Таким образом, *первой* смысловой особенностью культурного контекста исламской сакральной архитектуры становится ее интеллектуальный характер, где символика архитектуры основана на текстах Корана и представлена семиотическим осмыслением архетипов земного мира, воплощенным в художественную архитектурную форму.

Следующим аспектом в изучении смысловых особенностей культурного контекста исламской сакральной архитектуры является критерий полезности, ибо в Коране постоянно подчеркивается полезность мудрой деятельности Творца. Полезность и целесообразность стали главными критериями красоты. Критерий *полезности* стал одним из основополагающих принципов мусульманской культуры. В архитектуре, которую философ аль-Фараби (872–950 гг.) относил к «науке искусных приемов», этот принцип открыл путь широкому использованию опыта и традиций, успешному развитию инженерной мысли и развитию исламской сакральной архитектуры, отвечающей идеям Ислама. Критерий полезности закладывает краеугольное положение мусульманского искусства – *джамаль*: красивым может быть только полезное.

Согласно Корану, красота – высшее по своей духовной ценности проявление творческой деятельности Аллаха: «Он сотворил небеса и землю поистине и придал вам форму (саввара) и прекраснейшие для вас образы» (сура 35). Истинная красота, несущая в себе идею Бога и выражающая абсолютную правильность, полезность и мудрость его творчества – это красота внутренняя, облеченная

метафорой «скрытого сокровища». Понимание «скрытого сокровища», как «мира тайных образов» произведений исламской архитектуры, защищено завесой «мира явленных образов». Однако завесу можно поднять, если идти путем интеллектуальных усилий и неустанного поиска, ибо сказано в Коране: «Вернитесь обратно и ищите света!» (Коран 57:13).

Следовательно, мусульманин посредством архитектурных форм, постигал бытие разумением, красота для его была не только эстетической данностью, но и основой разума Истины. Основа духовного разума отведена «интеллектуальному видению» и степени «зоркости». Главным становится уровень проницательности (бинаи) человека, «умозрения», т.е. проникновение во внутреннюю сущность «вещи».

Благодаря критерию полезности в области архитектуры ислам выработал систему эстетических категорий: *джамал*, *джалал* и *сифат*. Эти категории представляют понятия-символы: *джамал* – божественно совершенная красота, которую олицетворяет купол мечети; *джалал* – божественное величие, которое подчеркивается высотой минарета; *сифат* – божественное имя, выраженное красотой каллиграфии на внешних стенах мечети. Эти категории объединены и воплощены в совершенных архитектурных формах мечети.

Таким образом, *вторым* в смысловых особенностях культурного контекста исламской сакральной архитектуры становится критерий полезности *джамаль*: красивым может быть только полезное.

Следующим аспектом в смысловых особенностях культурного контекста исламской сакральной архитектуры является рассмотрение архитектурных объектов, как части системы духовных (смысловых) координат человека.

Культовая архитектура ислама, в частности мечети, имеет геометрически выраженные черты горизонтальной направленности. В исламе существует одна главная, глобальная точка отсчета – Кааба, все мечети ориентированы на нее. Горизонтальная сакральная связь с ней оказывает большое влияние на архитектуру мечети. Осевая композиция – кибла организует пространство мечети, вводит в единую универсальную систему духовных ценностей и духовных координат, созданных исламской цивилизацией. Кааба задает территориальную систему духовных координат ислама, становясь точкой отсчета этой системы. Мусульмане всего мира как бы находят свои духовные координаты через Каабу. Кааба избрана как направление молитвы или кибла мусульман. *Кибла* определяет не только ориентацию мечети или целого города, но и восприятие самого пространства.

Человеку, по его природе, необходима определенная система ценностей, ценностных ориентаций. Поэтому Кааба – это не просто религиозный центр ислама, это точка отсчета системы духовных координат ислама, которая задает, горизонтальный, духовный вектор молитвы. Именно сакральная геометрия и ориентация архитектуры вводит мусульманина в единую универсальную систему пространственных связей, и, следовательно, в единую универсальную систему духовных ценностей и духовных координат.

Символику горизонтального, духовного вектора можно проследить на примере семиотического анализа исламской айванной арки ее форме, которую безошибочно

отличают от неисламской. Она представляет собой скульптурный символ ислама. Ее форма смотрится как недосказанная и несколько нелогичная. Для сравнения целесообразно привести сжатое сопоставление айванной и готической арок. Арку Кельнского готического собора вписана в готическую архитектуру собора и несет в себе идею динамического устремления вверх, к небу. Стрельчатые арки начинаются снизу фасада и заканчиваются логичной формой острого шпиля, устремленного к небу. Движение к небу «читается» совершенно четко, взгляд не останавливается, а скользит вверх [4]. Исламская же айванная арка, «упираясь» в горизонтальную линию, несет символику «недосказанности», начатое в ней движение вверх прерывается. Семиотическое прочтение «недосказанной» формы этой арки определяет сущность исламского вероучения, иллюстрируя пример покорности [4]. Ислам в переводе с арабского, как известно, и означает «покорность». Помимо идеи покорности, прочитывается идея «запрета движения вверх» как знак. В таком случае, если форме запрещается движение вверх, тогда ей остается движение по горизонтали. Таким образом, в статичной архитектурной форме айванной арки побеждает статика, чем иллюстрируется исламская идея «покорности».

Вертикальное же сакральное направление в архитектуре мечети представлено минаретами и куполом. В классической купольной мечети высшая точка купола символизирует Единого, сам купол – символ Духа. Купол в пространственной структуре мечети выступает как вертикальная доминанта, выводящая во внешний мир внутреннее сакральное пространство мечети [1].

Итак, в сакральной исламской архитектуре символически воплощены два разнонаправленных вектора: религиозный, один – «тянет» архитектуру в горизонтальном направлении к Мекке, и другой – вертикальный – организует ориентеры в пространстве и несет функцию онтологической оси, киблы

Таким образом, *третьим* в смысловых особенностях культурного контекста исламской сакральной архитектуры становится ее архитектурно-художественная ориентация – кибла, отражающая систему духовных координат ислама.

Выводы

1. Нами проанализированы смысловые особенности культурного контекста исламской сакральной архитектуры и выявлена их специфика. К смысловым особенностям культурного контекста исламской сакральной архитектуры следует отнести: хикма, джамаль и кибла.

2. Ведущее положение здесь отводится хикме – мудрости, которая содержится во внутреннем измерении Корана. Хикма, как основополагающая особенность культурного контекста представляет собой интеллектуальный аспект исламской духовности, воплощенный в исламской сакральной архитектуре через математическую природу.

3. Согласно джамаль – красивым может быть только полезное.

4. Кибла задает систему и онтологию сакральной геометрии.

Список литературы

1. Булатов М. С. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX-XV вв. / М. С. Булатов. – М.: Наука, 1978. – 341с.

2. Еремеев Д. Е. Ислам: образ жизни и стиль мышления. / Д. Е. Еремеев. – М.: Прогресс, 1990. – 147 с.
3. Рукайя Максуд. Ислам / Рукайя Максуд. – М.: Наука, 2005. – 216 с.
4. Шукуров Ш. М.. Искусство и тайна / Ш. М. Шукуров. – М.: Искусство, 1999. – 79 с.
5. T. Burckhardt. The Art of Islam. – London, 1976. – 139 p.
6. Lawlor R. Sacred geometry. – N.Y., 1982. – 264 p.

Bilyalova L. M. Semantic Features of the Cultural Context of the Sacral Islamic Architecture // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 3. – P. 92–98.

The article analyzes the semantic features of the cultural context of sacred Islamic architecture. The Islamic tradition is studied, where intellectuality and spirituality are inseparable and represent the hypostasis of integrity. It has been established that the creation of works of Islamic sacred architecture is based on knowledge that is spiritual in nature: “hikma” (wisdom) is contained in the internal dimension of the Qur'an. The mathematical nature of Islamic architecture is an external reflection of the numerical symbolism of the letters, words and rhythms of the ayats of the Quran. Islamic architecture aims to convey the beauty and wisdom in artistic forms. Two principles of Islamic tradition that are used in Islamic sacred architecture are considered. They are based on the intellectual component. The fundamental principle of sacred Muslim architecture – the criterion of usefulness – “Jamal”, where only the useful can be beautiful, is analyzed. The utility criterion is revealed through aesthetic categories: jamal, jalal and sifat. They represent concepts-symbols: Jamal – the divinely perfect beauty, which is symbolized by the dome of the mosque; jalal - divine greatness, which emphasizes the height of the minaret; Sifat is a divine name, calligraphically printed on the external walls of the mosque. The orientation of the architectural forms of the mosque is subject to sacred geometry. One of the leading concepts here is qibla.

Keywords: cultural context, sacred Islamic architecture, semiotics, utility criterion, hikma, jamal, qibla.

References

1. Bulatov M. S. Geometricheskaja garmonizacija v arhitekture Srednej Azii IX-XV vv [Geometric Harmonization in the Architecture of Central Asia of the 9th-15th Centuries]. M., Science, 1978, 341 p.
2. Yeremeyev D. E. Islam: obraz zhizni i stil' myshlenija [Islam: Lifestyle and Way of Thinking]. M., Progress, 1990, 147 p.
3. Rukayya Maksud. Islam [Islam]. M., Science, 2005, 216 p.
4. Shukurov Sh. M. Iskustvo i tajna [Art and Mystery] M., Art, 1999, 9 p.
5. Burckhardt T. The Art of Islam. London, 1976, 139 p.
6. Lawlor R. Sacred Geometry. N.Y., 1982, 264 p.

УДК 009.2.726

ПЕРВЫЕ ШКОЛЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Козлов М. Н.

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация

E- mail: kmn_75@mail.ru

Предметом данного историко-культурологического исследования стали первые древнерусские образовательные центры, функционирующие во второй половине X в. при христианских церквях и языческих святилищах. В статье были показаны поэтапная эволюция представлений отечественных ученых о времени распространения письменности и образования на восточнославянских землях, а также различные точки зрения современных ученых относительно значимости археологических памятников дохристианской эпохи, содержащих знаки жреческого письма или надписи на кириллице. Опираясь на памятники древнерусской письменности, материалы последних археологических исследований, сообщения арабских авторов и фольклорные источники, автор показал исторические предпосылки возникновения системы образования в жреческой среде и древнерусских христианских общинах, поэтапно проанализировал особенности традиционной системы образования в языческих святилищах и христианских школах во второй половине X в. По мнению автора, научная гипотеза о том, что первые школы в восточнославянских землях возникли после 988 года, в настоящее время утратила научную актуальность. Уже во второй половине X в. в Древней Руси существовали центры образования при христианских общинах и языческих святилищах. Существование в восточнославянских землях в указанный период письменности и нескольких систем образования предопределили культурный бум в крупных городских центрах Древней Руси XI–XIII вв.

Ключевые слова: письменность, образование, преподавание, христианские церкви, христианские общины, языческие святилища.

Процесс становления и развития образовательной системы Древней Руси – одна из самых сложных и малоизученных проблем в отечественной гуманитарной науке. Между тем, древнерусская система образования самым существенным образом оказывала влияние на социально-экономические, политические и культурно-религиозные процессы, происходящие в древнерусском обществе. Появление грамотных людей в древнерусском государстве способствовало активизации международной торговли и развитию ремесленного производства в Древней Руси. Быстрое становление и распространение христианской системы образования в купеческой и воинской среде в конце I тыс. способствовало постепенному сокращению влияния древнерусского жречества и, в конечном итоге, привело к христианизации восточнославянских земель.

Автор «Повести временных лет» вполне определенно указывает на князя Владимира Святославича, как основоположника системы образования в Древней Руси: «Пославъ, нача поимати у нарочитые чади дети, и даяти нача на ученье

книжное» [1, С. 53]. В связи с этим, в отечественной гуманитарной науке с XIX в. – вплоть до последней четверти XX в. – господствовала точка зрения, согласно которой, система образования возникла в Древней Руси после 988 года [2, С. 5; 3, С. 169; 4, С. 261].

Особенно жесткую позицию в этом отношении занял П. Н. Милюков, по мнению которого в Древней Руси вообще не существовало системы образования, а все население было поголовно неграмотным [5, С. 207–210].

Однако по мере накопления археологического материала постепенно происходила ревизия представления отечественных исследователей о времени появления письменности в Древней Руси, широкое функционирование которой было бы невозможно без существования в древнерусской державе центров образования.

Во второй половине XX в. – начале XXI в. в восточнославянских землях было обнаружено значительное количество артефактов дохристианской эпохи с надписями, сделанными на кириллице или с помощью знаков дохристианской письменности. В связи с этим, мнение отечественных исследователей разделилось. Некоторые из них, опираясь на новые археологические материалы, выступили в своих трудах с утверждением о том, что письменность в Древней Руси получила распространение задолго до принятия христианства [6, С. 156; 7; 8].

Вместе с тем, целый ряд отечественных исследователей продолжает придерживаться гипотезы о том, что письменность в восточнославянских землях стала распространяться лишь в XI в. Появление содержащих надписи артефактов более раннего периода на восточнославянских землях они обычно объясняют их иностранным происхождением, а упоминания восточнославянской дохристианской письменности в письменных источниках описками, неточным переводом и т. д. [9, С. 145; 10, С. 10–31; 11, С. 87; 12, С. 27].

Серьезный удар данной теории был нанесен в 2000 году после обнаружения А. А. Зализняком и В. Л. Яниным древнейшего русского учебного пособия – Новгородской псалтыри, используемой во второй половине X – начале XI вв. Открытие русской книги-учебника, используемой во второй половине X в., позволило целому ряду отечественных исследователей предположить наличие у наших предков задолго до религиозной реформы Владимира образовательных центров, предопределивших культурный бум XI–XIII вв. в Новгороде и других древнерусских городах. Так, А. Е. Иванов и Е. В. Иванов высказались в этом отношении следующим образом: «Что касается Великого Новгорода, то нет сомнения, что доказанная историками высокая книжная культура и образованность жителей города в начале второго тысячелетия могла возникнуть только на благодатной собственной педагогической почве [13, С. 24]. Схожей точки придерживаются В. А. Гришин и многие другие отечественные исследователи [14, С. 14].

Таким образом, можно констатировать, что в отечественной исторической науке в настоящее время не существует консолидированной точки зрения относительно того, когда же собственно возникли первые образовательные центры в Древней Руси. Определить, сохраняет ли в настоящее время научную значимость

гипотеза о возникновении первых образовательных центров в Древней Руси после 988 года – основная цель данного исследования.

Наиболее информативными источниками изучения поставленной в данном исследовании темы являются письменные документы, содержащие информацию о процессах возникновения и становления древнерусской педагогики: восточнославянские летописи, «Житие Леонтия Ростовского», сообщения арабских авторов Ибн-Фадлана и Ибн эль Недима.

Чрезвычайно важными в свете изучения темы становления системы образования в Древней Руси являются также памятники материальной культуры восточных славян дохристианской эпохи, содержащие надписи на кириллице или знаки дохристианского жреческого письма: берестяные грамоты, глиняные сосуды, кости животных, свинцовые пломбы, пряслица и т.п.

Особый интерес в этом отношении вызывает древнейшая из дошедших до нашего времени восточнославянская книга – Новгородская псалтырь. Артефакт был найден 13 июля 2000г. в Людином конце Софийской стороны древнего Новгорода. Книга состояла из трех деревянных (липовых) дощечек размером 19х15х1 см. Каждая дощечка имеет прямоугольное углубление (15 х 11.5 см), залитое воском; на средней дощечке такие углубления сделаны с двух сторон. Таким образом, кодекс содержит четыре восковых страницы, так называемые церы. Радиоуглеродный анализ воска из данного артефакта показал временной интервал, вычисленный с надежностью 68.2% – 860–1010 гг. [15, С. 202–203].

На внешних сторонах Новгородской псалтыри были обнаружены многочисленные царапины и надрезы, заметны общая потертость дерева, закругленность углов. Кроме того, обнаружены следы ремонта книги. По мнению В. Л. Янина, прежде чем попасть в землю, книга использовалась на протяжении многих десятилетий [16, С. 348–349].

Если предположить, что Новгородская псалтырь попала в землю в начале XI в., то период ее активного использования должен был прийти на вторую половину X в. Таким образом, она является важнейшим источником изучения древнерусской письменности и системы образования наших предков дохристианской эпохи.

Определенную историческую ценность имеют также памятники русского фольклора, содержащие информацию о древнейших восточнославянских традициях обучения детей и подростков: былины докиевского цикла, народные сказки, предания и т.п.

Значительно расширившаяся в последнее время археологическая база исследования восточнославянских древностей, а также целый ряд письменных свидетельств позволяют предположить, что рождение системы образования в Древней Руси произошло во второй половине X в. При этом возможно, что уже в этот период в древнерусских землях сосуществовали параллельно местная жреческая система подготовки будущих служителей языческого культа и система обучения детей в христианских общинах тогдашней Руси.

Первую систему можно условно назвать жреческой или автохтонной. В конце I тыс. в восточнославянских землях возникли крупные городища-святилища, часто исполняющие функции административного центра большой сельской округи.

Местные жрецы собирали немалую плату за свои услуги и подношения языческим богам. Об этом свидетельствуют хозяйственные ямы для хранения зерна, расположенные внутри языческих святилищ. Так, например, при раскопках Гнилопятского святилища вокруг усадьбы-землянки местных служителей археологи обнаружили остатки специальных сараев для хранения большого количества зерна [17, С. 233–237].

С возникновением крупных городов на торговом пути «из варяг в греки» возникли и крупные сакральные городские центры. Согласно данным археологии, наиболее значимые древнерусские городские святилища часто располагались недалеко от погребальных курганов и составляли с древними могильниками единый сакральный комплекс [18, С. 35–46].

Как свидетельствует арабский путешественник Ибн-Фадлан, описавший небольшой сакральный центр, расположенный в русском квартале города Булгар, плата жрецам за их услуги была значительной. Так, каждый восточнославянский купец, приезжавший торговать в город, должен был принести в жертву овцу. В случае смерти в Булгаре кого-то из наших предков, жрецы, в качестве платы за свои услуги, получали примерно треть имущества умершего [19, С. 95–97].

Некоторые языческие святилища получали постоянную плату от древнерусских князей. Так, в «Уставе князя Святослава Ярославовича» находим следующее: «Князь Святослав сказал: статут, бывший прежде нас в Руси от прадед и от дед наших, имати пискупом десятину от даний, и от вир, и от продаж, что входит в княж двор всего» [20, С. 85]. Дедом князя Святослава Ярославовича был креститель Руси Владимир, а прадедами князя – язычники Игорь и Святослав, которые, согласно данного сообщения, и платили десятину «пискупам», то есть жрецам.

В «Житие митрополита Михаила» по списку XVI в. Киево-Печерской Лавры неизвестный автор, описывая крещение жителей Киева, вдруг неожиданно сообщает: «Владимир дары, что прежде идолам шли, святым церквям давати завещал» [21, С. 274].

Таким образом, можно утверждать, что некоторые языческие святилища находили материальную поддержку со стороны представителей восточнославянской дружинной элиты.

Интересную информацию сообщает нам Киевское письмо – документ середины X в., выданный еврейскому купцу Якову бен Ханукке иудейской общиной Киева для предъявления в других еврейских общинах. Согласно данному источнику некий богатый киевский купец еврейского происхождения Яков бен Ханукка выступил гарантом крупной финансовой сделки, заключенной его братом. Брат купца был убит, а сделка сорвалась. Деньги в кредит, согласно источнику, были взяты у русов-иноверцев. Таким образом, помимо еврейского варианта договора должен был существовать некогда и русский вариант, оставшийся у тех, кто выдал ссуду нуждающемуся купцу. Интересно, что представителем властей Киева выступил человек, называемый в источнике Гостята бар Кий бар Коген. В еврейской традиции Коген – означает принадлежность к жреческому сословию. Таким образом, человек, выступавший от имени организации, выдавшей еврейскому купцу крупную сумму денег, был древнерусским жрецом (Гостята сын Кия, жрец). Он же руководил

арестом купца и конфискацией его имущества. Он же выступил судебным исполнителем [22, С. 174–176].

О том, что на Руси в языческую эпоху существовала практика составления письменных духовных грамот, свидетельствует отрывок из мирного договора киевского князя Олега с византийцами: «Аще кто умреть, не урядивъ своего имьня, ци своих не имать, да възратитъ имьние к малым ближникам в Русь. Аще ли сотворитъ обряжение таковый, возметь уряженое его, кому будетъ писал наследити имьне его, да наследитъ» [1, С. 19].

Дружина князя Олега клялась языческими богами Перуном и Велесом, а значит, в составлении мирного договора принимали участие и жрецы. Таким образом, киевские жрецы в середине X в. осуществляли крупные финансовые сделки, занимались ростовщичеством и составляли духовные грамоты.

В целом можно утверждать, что уже в середине I тыс. древнерусское жречество аккумулировало в своих руках значительные средства и сформировало собственную систему учета и фиксации своих богатств. Сообщение Черноризца Хоробра о том, что древние славяне до Кирилла и Мефодия писали «четами и резами»: «Прѣжде оубо словѣне не имѣхъ книгъ. нъ чрътами и рѣзами чьтѣхъ и гатаахъ погани сѣще. кръстивше же сѧ римьскими и грѣчьскими писмены. нѣждаахъ сѧ словѣнскы рѣчь безъ устроения» [23, С. 102] вполне правдоподобно. Не имея какой-то элементарной системы счета и письма, древнерусские жрецы не смогли бы эффективно управлять своими уже немалыми хозяйствами.

В настоящее время данные, сообщенные Черноризцем Хоробром, нашли многочисленные подтверждения, как в литературных источниках, так и данных археологии. Так, «четы и резы» хорошо просматриваются в рисунке арабского ученого Ибн эль Недима, который не только сообщил в своем труде «Книга росписи наукам» под 987 годом о существовании у русов-язычников собственной уникальной письменности, но и попытался зарисовать надпись, увиденную им некогда на «куске белого дерева» (скорее всего на бересте) [24, С. 39].

На тот факт, что у наших предков в дохристианскую эпоху существовала примитивная докирилловская письменность, указывают многочисленные подобные надписи на археологических артефактах IX–XII ст.: глиняных сосудах, костях животных, свинцовых пломбах и пряслицах [25, с. 442–466].

Находит подтверждение и утверждение Черноризца Хоробра о том, что древние славяне пытались писать славянские слова с помощью букв других народов. Так, фразы, составленные из славянских слов, написанных греческими, латинскими, арабскими и еврейскими буквами были найдены в различных уголках славянского мира [25, С. 442–466].

На тот факт, что древняя докирилловская письменность использовалась именно славянскими жрецами, указывает тот же Черноризец Хоробр, сообщивший в своем «Слове о письменах» о том, что наши предки до Кирилла Философа не только писали «четами и резами», но и гадали.

В пользу данной гипотезы свидетельствует и отрывок из сообщения Ибн-Фадлана. Так, согласно данному источнику, после захоронения древнерусского князя в городе Булгар у места кремации поставили столп и написали на нем имя

умершего [19, С. 97]. Грамотный человек, написавший имя умершего князя на столбе, не мог быть христианином (присутствие христиан на подобных мероприятиях было кощунством). Скорее всего, надпись на памятном столбе – это одна из «услуг» восточнославянского языческого сакрального центра, находящегося в Булгаре.

Таким образом, можно утверждать, что древнерусские жрецы в дохристианскую эпоху были грамотными людьми. Они хорошо могли считать и составлять сложные юридические документы (торговые, экономические и военные договоры, духовные грамоты).

Обладали они, очевидно, и определенными знаниями в области медицины. Так, при раскопках славянских могильников дохристианской эпохи исследователи фиксировали останки покойников со следами лечения сложных переломов конечностей и ребер и даже черепа со следами трепанации [26, С. 37].

Кроме того, как верно заметил Б. А. Рыбаков, простой сельский волхв должен был знать и помнить все обряды, заговоры, ритуальные песни, уметь вычислить календарные сроки всех магических действий, знать целебные свойства трав. По сумме знаний он должен был приближаться к современному профессору этнографии с той лишь разницей, что этнограф должен долго выискивать полузабытые пережитки, а древний колдун, вероятно, получал многое от своих учителей-предшественников [27, С. 313].

Несомненно, у восточнославянских служителей языческого культа должна была существовать традиция передачи знаний от наставника к ученику. К сожалению, в письменных источниках никакой информации о системе обучения в древнерусских языческих школах нет. Какие-то туманные намеки содержатся лишь в фольклорных источниках: народных сказках, былинах, преданиях. Так, в древнерусских былинах «Волхв Всеславич» и «Вольга» рассказывается о подвигах неких волхвов-волшебников. Герои данных былин не классические былинные богатыри – защитники своей земли, а волхвы-кудесники, одерживающие победы над врагом с помощью волшебства.

По мнению В. Я. Проппа, былины «Волхв Всеславич» и «Вольга» можно отнести к наиболее архаичному докиевскому циклу [28, С. 70].

В начале былины «Волхв Всеславич» сообщается информация об обучении Волхва в некоем волшебном месте, куда его отдала учиться мать:

А и будет Вольх семи годов,
Отдавала ево матушка грамоте учится
А грамота Вольху в наук пошла;
Посадила ево уже пером писать,
Письмо ему в наук пошло
И пошел Вольга сударь Буславлевич
Обучаться всяких хитростей-мудростей [29, С. 40].

Схожий сюжет находим в другой архаической былине «Вольга». Главный герой былины, как и Волхв Всеславич был отдан матерью в возрасте семи лет «обучаться всяким хитростям-мудростям» [30, С. 90–91].

В восточнославянских сказках довольно распространен сюжет, в котором родители отдают мальчика 7 лет в обучение колдуну. При этом мальчика отводит в волшебный дом отец или мать. В некоторых сказках сообщается о предварительном договоре, заключенном между колдуном и отцом мальчика, согласно которому последний обязывается отправить сына колдуну, когда мальчик достигнет определенного возраста [31, С. 27].

Интересно, что ребенка во всех фольклорных источниках отдают «в учение» родители. Колдун никогда не ворует детей сам. Кроме того, вызывает интерес и «волшебный дом» кудесника, представляющий собой типичное языческое святилище. Так, во всех волшебных сказках он описан однотипно: некая волшебная изба (избушка на курьих ножках) огороженная по периметру тыном из длинных жердей. «На каждой жердочке по маковке», то есть на каждом бревне, окружающем волшебный дом вдет человеческий череп.

Таким образом, можно предположить, что родители сами приводили своих детей в 7 лет в обучение служителям языческого культа. Обучение производилось жрецами при языческих святилищах. Здесь детей учили «науке»: основам счета и письма, а также мудреному жреческому ремеслу: руководить языческими ритуалами, гадать, приносить жертвы языческим богам, определять сроки земледельческих работ, лечить больных, ухаживать за животными, содержащимися при языческих святилищах и т.д.

Обучение, скорее всего, было не индивидуальным, а групповым. Так, в обеих вышеупомянутых былинах сообщается о сотоварищах главных героев – их ровесниках:

Сам он, Вольх, в пятнадцать лет,
И вся его дружина по пятнадцати лет [9, С. 40].
И рос Вольга Буславлевич
А прожил шестнадцать лет,
Собирает дружину себе добрую,
И тридцать богатырей без единого,
Сам становился тридцатым [30, С. 90–91].

К сожалению, до нашего времени не дошла никакая информация относительно сроков, принципов и методов обучения будущих жрецов.

В целом, же можно прийти к выводу, что во второй половине I тыс. древнерусские жрецы контролировали значительные материальные ресурсы, имели собственную письменность и правила счета, обладали навыками составления юридических документов и определенными знаниями в области медицины. Свои знания и навыки они передавали подрастающему поколению в специальных школах при языческих святилищах. Детей в возрасте 7 лет в языческие школы приводили родители. Здесь в возрастных группах служители языческого культа готовили будущих служителей языческого культа.

Во второй половине X в., одновременно с появлением христианских общин в крупных городах Древней Руси стала распространяться христианская письменность – кириллица.

Христианские купцы, торговавшие в Киеве своими товарами, воины-наемники христианского вероисповедания и приведенные из походов христиане-невольники стали первыми христианами на Руси. Оказавшись на чужбине, иноземцы-христиане объединялись в христианские общины и активно занимались проповедью своей веры среди местных язычников. Христианство быстро начало распространяться среди дружинно-купеческого сословия Древней Руси. Этому способствовал тот факт, что система воспитания детей в христианских общинах включала в себя обучение грамоте: чтению и письму на нескольких языках, а также языкам и основам арифметики. Дети, получившие образование в христианских общинах, в будущем оказывались рьяными сторонниками христианства и главной опорой христианского духовенства.

Усилия первых древнерусских христиан совпали с интересами усилившейся в X в. восточнославянской воинской и торговой знати. Для управления княжескими владениями, боярскими и купеческими усадьбами были необходимы грамотные люди. Крупные древнерусские города, стоящие на пути «из варяг в греки», вели оживленную международную торговлю. Для осуществления торговых операций также были необходимы люди, владеющие основами счета, грамотой и иностранными языками. Согласно данным археологии, в Древней Руси второй половины X в. в крупных городах и боярских усадьбах появилось значительное количество людей, владеющих искусством кириллического письма. Так, исследователи неоднократно фиксировали в археологических слоях X в. древнего Новгорода специальные инструменты для письма – стилосы, изготовленные из кости или бронзы [32, С. 63–88; 8, С. 61]. Эти инструменты первые русские христиане обычно использовали для нанесения текста на восковые таблички.

Подобные предметы, относящиеся ко второй половине X в., были найдены также при раскопках древнерусских городов по реке Неман и летописного Бужска на западе Руси [7, С. 28–34; 33, С. 27].

В настоящее время найдено свидетельство того, что христианские общины крупных древнерусских городов уже во второй половине X в. осуществляли обучение кириллической грамоте русских детей. Так, единственная дошедшая до нашего времени древнерусская книга X в. – Новгородская псалтырь, оказалась славянским переводом греческого евангелия, используемого в раннехристианскую эпоху обычно в качестве образца для обучения детей грамоте. Артефакт оказался одновременно учебником и функциональным аналогом грифельной доски. Автор, показав ученикам написанный текст, затирает его, а затем на «зачищенном» месте писал новый текст [34, С. 119–120].

Филологическая экспертиза установила, что все записи в древнейшей восточнославянской книге вел один и тот же человек, мастер своего дела, русский по происхождению. По мнению А. А. Зализняка, автор древнейшей восточнославянской книги был из числа тех детей, которых князь Владимир отправил учиться грамоте [15, С. 205].

Вместе с тем, элементарные подсчеты указывают на тот факт, что автор Новгородской псалтыри никак не мог получить образование после 988 г. Так, если предположить, что в начале XI в. первая из дошедших до нас древнерусских книг

попала в мусорную кучу, значит, самый поздний период ее функционирования пришелся на конец X в., то есть как раз то время, когда Владимир отправил первых детей учиться. Учебу в Древней Руси XI–XII вв. начинали в возрасте 7 лет. В таком случае, по мнению А. А. Зализняка, автором Новгородской псалтыри был подросток! Между тем, по мнению филологов, все записи в Новгородской псалтыри вел мастер письма. Сейчас можно с уверенностью утверждать, что автор первой дошедшей до нас древнерусской книги писал на восковых табличках своей церы во второй половине X в., и образование свое получил задолго до крещения Киева.

Таким образом, можно предположить, что в древнем Новгороде еще до образования князем Владимиром христианской школы существовал образовательный центр, в котором неизвестный древнерусский писец-мастер обучал грамоте детей.

Обучение в христианских школах X в., скорее всего, было подобным тому, что существовало в школе древнего Ростова, организованной святым Леонтием Ростовским в середине XI в. Так, и школа Леонтия Ростовского, и первые восточнославянские христианские школы функционировали в среде язычников и имели общую цель – обращение как можно большего количества молодых людей в христианскую веру.

Из текста Жития Леонтия Ростовского мы узнаем о том, что святой обучал своих маленьких учеников грамоте (вероятно имеется ввиду умение читать, писать и считать), а также русскому, мерьскому и греческому языкам [35, С. 7]. Епископ Леонтий проводил свои занятия первоначально в самом Ростове при соборной церкви Успения Богородицы, а затем недалеко от города на потоке Брутовщина при церкви Михаила-Архангела. Обучение было групповым (в источнике говорится, что ростовский епископ обучал «детей младых»).

Система обучения в древнерусских школах дохристианской эпохи, очевидно, была аналогичной той, что существовала в восточнославянских христианских школах XI–XIII вв. Так, согласно берестяным грамотам, написанных мальчиком Онфимом, дети обычно заучивали буквы кириллического письма и фиксировали их на глиняных табличках, покрытых воском, или бересте. Из этих букв составляли слова и цифры [6, С. 155–158].

Существование определенных правил написания цифр (с помощью сочетания букв) подразумевало изучение в христианских школах простейших арифметических действий.

Стремясь обратить в христианство как можно большее количество людей, первые христианские школы принимали в обучение не только отпрысков восточнославянской дружинной элиты, но и детей из других сословий. Об этом свидетельствуют надписи на восточнославянских памятниках материальной культуры X в., принадлежащих некогда ремесленникам, горожанам или крестьянам и т. д.

Так, неизвестная женщина, горожанка или крестьянка нацарапала в середине X в. на глиняном горошке «горушка», вероятно, помечая горшки, наполненные пряностями, чтобы облегчить себе приготовление пищи [36, С. 47–52]. Мастер-оружейник, закончив очередной меч во второй половине X в., гордо поставил на

нем свое клеймо «Ковал Людоша» [37, С. 109]. О том, что ростовский епископ Леонтий охотно принимал в обучение всех приходящих к нему детей независимо от их социального происхождения, сообщает нам и Житие Леонтия Ростовского.

Воспитанники святого Леонтия жили при церкви и, вероятно, содержались за счет своего учителя. Так, в третьей редакции Жития говорится о том, что после изгнания Леонтия из Ростова он набирал себе новых учеников из числа детей-бродяжек, страдающих от голода [38, С. 25]. Сам же Леонтий должен был получать материальную поддержку от православной церкви и местных князей.

Атмосфера в первых древнерусских христианских школах, очевидно, была доброжелательной и вполне соответствовала рисунку, нацарапанному на одной из берестяных грамот (№26) маленьким новгородцем Онфимом, проходившим обучение в древнерусской школе XIII в. Так, на рисунке мальчика были изображены семь человечков: один с краю – побольше (учитель), а остальные шестеро – поменьше (ученики). Все изображённые на рисунке держатся за руки и выглядят веселыми [6, С. 156].

Вместе с тем, первые ученики христианских школ и их учителя постоянно подвергались опасности физической расправы со стороны соотечественников-язычников. Так, согласно «Посланию епископа Симона Владимирского и Суздальского к Поликарпу, черноризцу Печерскому» святого Леонтия Ростовского во время очередного антихристианского выступления жители Ростова сильно избили и изгнали из города: «много мучивше бивше» [39, С. 102]. В третьей редакции жития говорится о том, что ростовский епископ, изгнанный из города, набирал себе новых учеников [38, С. 25].

Судьбу первых учеников Леонтия Ростовского неожиданно прояснили археологические раскопки Успенского собора города Ростова. Так, в 2015 г., здесь в раскопе у Воскресенских ворот были найдены детские захоронения второй половины XI в., совершенные по христианскому обряду. Останки имеют явные признаки насильственной смерти. Примечательно, что данные детские захоронения не положили начала кладбищу, и оказались перекрыты в будущем языческими захоронениями [40, С. 47].

О том, что преподаватели первых христианских школ в крупных древнерусских городах дохристианской эпохи вели жесткую бескомпромиссную борьбу с язычниками, свидетельствует текст уникальной клятвы, нацарапанной на одной из табличек Новгородской псалтыри: «Да будем работниками ему (Иисусу Христу), а не идольскому служению. От идольского обмана отвращаюсь. Да не изберем пути погибели. Всех людей избавителя Иисуса Христа, над всеми людьми приявшего суд, идольский обман разбившего и на земле святое свое имя украсившего, достойны да будем» [15, С. 208].

Таким образом, научная гипотеза о том, что первые школы в восточнославянских землях возникли после 988 г., утратила научную актуальность. Уже во второй половине X в. в Древней Руси существовали центры образования при языческих святилищах и христианских церквях. Существование в восточнославянских землях в указанный период письменности и нескольких систем

образования предопределили культурный бум в крупных городских центрах Древней Руси XI-XIII вв.

Список литературы

1. Повесть временных лет / под ред. и с пред. В. П. Адриановой-Перетц. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 239 с.
2. Лавровский Н. Рассуждение, представленное в Историко-филологический факультет Императорского Харьковского университета для получения степени доктора славяно-русской филологии. / Н. Лавровский. – Харьков: Изд-во типографии Харьковского университета, 1854. – 180 с.
3. Иловайский Д. История России. В 5 томах. – Том 1. Становление Руси. – М.: Типография Кушнарева, 1905. – 860 с.
4. Тихомиров М. Н. Древняя Русь / М. Н. Тихомиров. – М.: Наука, 1975. – 427 с.
5. Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. В 3-х томах. – Т. 2. – СПб: Типография И. Н. Скороходова, 1897. – 365 с.
6. Иванов Е. В. О педагогическом содержании новгородских берестяных грамот // Вестник новгородского государственного университета. – 2015. – № 84. – С. 155–158.
7. Гуревич Ф. Д. Грамотность горожан древнерусского Понеманья // Краткие сообщения Института археологии. – М.: Наука, 1973. – Вып. – 135. – С. 28–34.
8. Овчинникова Б. Б. Писала-стилосы древнего Новгорода X-XV вв. (свод археологического источника) // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. – С. 45-105
9. Кузьмин А. К. Крещение Руси / А. К. Кузьмин. – М.: Алгоритм, 2004. – 416 с.
10. Гиппиус А. А. Кирилло-мефодиевская традиция на Руси и берестяные грамоты // Славянский альманах. – 2010. – С.10-31.
11. Колпачева О. Ю. Школа и образование Древней Руси // Историко-педагогический журнал. – 2004. – № 4. – С. 85-94.
12. Долгов В. В. «Учение книжное»: уровни и формы образования в Древней Руси XI – XIII вв. // Восточноевропейский научный вестник. – 2016. – № 4. – С. 26–32.
13. Иванов А. Е. Педагогические идеи в новгородском письменном и фольклорном наследии X–XVI веков / А. И. Иванов, Е. В. Иванов. – Великий Новгород: Изд-во Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, 2012. – 168 с.
14. Вопросы истории образования / В. А. Гришин, Л. А. Зятева, И. Л. Петрова [и др.]. – Брянск: Издательство БГПУ, 1999. – 135 с.
15. Зализняк А. А. Янин В. Л. Новгородская псалтырь начала XI века – древнейшая книга Руси // Вестник российской академии наук. – 2001. – Том 71. – № 3. – С. 202-209.
16. Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода / В. Л. Янин. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 400 с.
17. Русанова И. П. Языческое святилище на р. Гнилопять под Житомиром // Культура древней Руси. – М.: Наука, 1966. – С. 233–237.
18. Михайлов К. А. Языческий некрополь и церковь Богородицы Десятинная // Российская археология. – 2004. – № 1. – С. 35–46.
19. Ибн-Фадлан. Записки путешественника // Сказания мусульманских писателей о славянах и русских с половины VII до конца X в. / собрание, перевод и объяснения Гаркави А. Я. – СПб.: Университетская типография, 1870. – С. 82–116.
20. Макарий (архиепископ Харьковский). История русской церкви / Макарий (архиепископ Харьковский). – СПб.: Типография Бокрама, 1868. – Т. 2. – 324 с.
21. Житие Михаила первого митрополита Киевского // Жития святых в XII книгах. – Киев: Изд-во Киево-Печерской Лавры, 1855. – Книга 11. – С.270–278.
22. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. – Том III. Восточные источники. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. – 264 с.

23. Сказания о начале славянской письменности / под общей редакцией З. В. Удальцовой. – М.: Наука, 1981. – 197 с.
24. Классен Е. Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-русов до рюриковского времени в особенности с легким очерком истории руссов до Рождества Христова Е. Классен. – Выпуски 1–3. – М.: Книга по требованию, 1854. – 548 с.
25. Истрин В. А. Дохристианская письменность славян // Возникновение и развитие письма. – М.: Наука, 1965. – С. 442–466.
26. Беляшевский Н. Ф. Случайные находки на Княжей горе в 1893 г. Н. Ф. Беляшевский. – Киев: Типография Г. Т. Корчак-Новицкого, 1894. – 314 с.
27. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1987. – 783 с.
28. Пропп В. Я. Русский героический эпос / В. Я. Пропп. – Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1955. – 552 с.
29. Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым. – М.: Наука, 1977. – 735 с.
30. Былины / под редакцией В. И. Калугина. – М.: Наука, 1989. – 560 с.
31. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. – 365 с.
32. Медведев А. Ф. Древнерусские писала X–XV вв. // Советская археология. – 1960. – № 2. – С. 63–88.
33. Довгань П. М. Особливості північно-східної площадки городища літописного Бужська // Вісник інституту археології. – 2009. – Вип. 4. – С. 22–45.
34. Конявская Е. Л., Конявская С. В. Новгородские открытия 2000 года. Редакционный отчет о поездке в Новгород 4–6 августа 2000 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2000. – №1 (1). – С. 119–124.
35. Титов А. А. Житие св. Леонтия епископа Ростовского. Со списка, сделанного О. М. Бодянским из рукописи XV века, принадлежащей Кириллову Новоозерскому монастырю. – Ярославль: Типография Я. Строева, 1892. – 121 с.
36. Львов А. С. Еще раз о древнейшей русской надписи из Гнездова // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – 1971. – Т. 30. – Вып. 1. – С. 47–52.
37. Дубов И. В. Новые источники по истории Древней Руси. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1990. – 176 с.
38. Воронин Н. Н. «Житие Леонтия Ростовского» и византийско-русские отношения второй половины XII в. // Византийский временник. – Т. XXIII. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1964. – С. 23–44.
39. Киево-Печерський патерик / під ред. Д. І. Абрамовича. – Київ: Час, 1991. – 230 с.
40. Леонтьев А. Е., Археологические данные к истории Ростовской епархии // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура. – Москва-Вологда: Древности Севера, 2015. – С. 45–52.

Kozlov M. N. The first schools of ancient Russia // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 3. – P. 99–112.

The subject of this historical and cultural research was the first ancient Russian educational centers operating in the second half of the tenth century under Christian churches and pagan shrines. The article showed a phased evolution of the ideas of domestic scientists about the time of writing and education in the East Slavic lands, as well as various points of view of modern scholars regarding the significance of archaeological monuments of the pre-Christian era, containing signs of priestly writing or inscriptions in Cyrillic. Relying on the monuments of ancient Russian literature, materials of recent archaeological research, reports by Arab authors and folklore sources, the author showed the historical background of the educational system in the priestly environment and the ancient Russian Christian communities, gradually analyzed the features of the traditional education system in pagan shrines and Christian schools in the second half of X century. According to the author, the scientific hypothesis that the first schools in the Eastern Slavic lands arose after the year 988 has now lost its scientific relevance. Already in the second half of X century in ancient Russia there were centers of education in Christian communities and pagan shrines. The existence of written language and several educational systems in the Eastern Slavic lands during this period predetermined a cultural boom in the large urban centers of Ancient Russia of the XI–XIII centuries.

Keywords: writing, education, teaching, Christian churches, Christian communities, pagan shrines.

References

1. Povest' vremennyh let [Tale of Bygone Years]. Moscow-Leningrad, Academy of science USSR Publ, 1950, 239 p.
2. Lavrovskij N. Rassuzhdenie, predstavlennoe v istoriko-filologicheskij fakul'tet Imperatorskogo Har'kovskogo universiteta dlya polucheniya stepeni doktora slavyano-russkoj filologii [The Reasoning Presented in the Historical-philological Faculty of the Imperial Kharkov University for the Degree of Doctor of Slavic-Russian Philology]. Har'kov, Izd-vo tipografii Har'kovskogo universiteta, 1854, 180 p.
3. Ilovajskij D. Istoriya Rossii. V 5 tomah. T. 1. Stanovlenie Rusi [Russian History. In 5 volumes. vol. 1. The Formation of Russia]. Moscow, Tipografiya Kushnareva Publ, 1905, 860 p.
4. Tihomirov M. Drevnyaya Rus' [Ancient Russia]. Moscow, Nauka Publ, 1975, 427 p.
5. Miljukov P. N. Oчерки по истории русской культуры. V 3-h tomah [Essays on the History of Russian Culture. In 3 volumes]. St. Petersburg, Vol. 2, Tipografiya Skorohodova Publ, 1897, 365 p.
6. Ivanov E. O pedagogicheskom soderzhanii novgorodskih berestyanyh gramot [On the Pedagogical Content of Novgorod Birchbark Credentials]. Vestnik novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Novgorod State University], 2015, vol. 84, P.155–158.
7. Gurevich F. Gramotnost' gorozhan drevnerusskogo Poneman'ya [Literacy of the Townspeople of the Ancient Russian Ponemanya]. Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii [Brief Communications Institute of Archeology], Moscow, Nauka Publ, 1973, vol. 135, P. 28–34.
8. Ovchinnikova B. Pisala-stilosy drevnego Novgoroda X–XV vv. [She Wrote - Stylos of Ancient Novgorod X–XV Centuries]. Novgorodskaya Rus': istoricheskoe prostranstvo i kul'turnoe nasledie [Novgorod Russia. Historical Space and Cultural Heritage], Ekaterinburg, Bank kul'turnoj informacii Publ, 2000, P. 45–105.
9. Kuz'min A. Kreshchenie Rusi [Epiphany of Russia]. Moscow, Algoritm Publ, 2004, 416 p.
10. Gippius A. Kirillo-Mefodievskaya tradiciya na Rusi i berestyanye gramoty [Cyril and Methodius Tradition in Russia and Birch-bark Letters]. Slavyanskij al'manah [Slavic Almanac], 2010, P. 10–31.
11. Kolpacheva O. Shkola i obrazovanie Drevnej Rusi [School and Education of Ancient Rus]. Istoriko-pedagogicheskij zhurnal [Historical and Educational Journal], 2004, vol. 4, P. 85–94.
12. Dolgov V. Uchenie knizhnoe: urovni i formy obrazovaniya v Drevnej Rusi XI – XIII vv. [Teaching Book. Levels and Forms of Education in Ancient Russia XI - XIII Centuries]. Vostochnoevropejskij nauchnyj vestnik [East European Scientific Herald], 2016, vol.4, P. 26–32.
13. Ivanov A. Pedagogicheskie idei v novgorodskom pis'mennom i fol'klornom nasledii X–XVI vekov. [Pedagogical Ideas in Novgorod's Written and Folklore Heritage of the X–XVI Centuries]. Velikij Novgorod, Nov SU Publ, 2012, 168 p.
14. Grishin V. Voprosy istorii obrazovaniya [Questions of the history of education]. Bryansk, Izdatel'stvo BGPU Publ, 1999, 135 p.
15. Zaliznyak A., Yanin V. Novgorodskaya psal'tyr' nachala XI veka – drevnejshaya kniga Rusi [Novgorod psalter of the beginning of the XI century – the oldest book of Russia]. Vestnik rossijskoj akademii nauk [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2001. vol. 71, no. 3, P. 202–209.
16. Yanin V. Oчерки истории средневекового Novgoroda [Essays on the history of medieval Novgorod]. Moscow, Yazyki slavyanskih kul'tur Publ, 2008. 400 p.
17. Rusanova I. Yazycheskoe svyatilishche na r. Gnilopyat' pod Zhitomirom [The Pagan Sanctuary on Rotten Near Zhytomyr]. Kul'tura drevnej Rusi [Culture of Ancient Russia], Moscow, Nauka Publ, 1966, P. 233–237.
18. Mihajlov K. Yazycheskij nekropol' i cerkov' Bogorodicy Desyatinnaya [Pagan Necropolis and the Church of the Virgin Tithes]. Rossijskaya arheologiya [Russian Archeology], 2004, vol. 1, P. 35–46.
19. Ibn-Fadlan. Zapiski puteshestvennika [Traveler's Notes]. Skazaniya musul'manskih pisatelej o slavyanah i russkikh s poloviny VII do konca X v. [Legends of Muslim Writers about Slavs and Russians From Half of VII Until the end of X Century]. St. Petersburg, Universitetskaya tipografiya Publ, 1870, P. 82–116.
20. Makarij (arhiepiskop Har'kovskij). Istoriya russkoj cerkvi [History of the Russian Church], St. Petersburg, Tipografiya Bokrama Publ, vol. 2, 1868, 324 p.

21. Zhitie Mihaila pervogo mitropolita Kievskogo [Life of Michael the First Metropolitan of Kiev]. Zhitiya svyatyh v XII knigah [The Lives of the Saints in XII Books]. Kiev, Izd-vo Kiev-Pecherskoj Lavry Publ, 1855, vol. 11, P. 270–278.
22. Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov: Hrestomatiya. Tom III. Vostochnye istochniki [Ancient Russia in the Light of Foreign Sources: Reader. V.3. Eastern Sources]. Moscow, Russkij Fond Sodejstviya Obrazovaniyu i Nauke Publ, 2009, 264 p.
23. Skazaniya o nachale slavyanskoj pis'mennosti [The legend of the beginning of the Slavic writing]. Moscow, Nauka Publ, 1981, 197 p.
24. Klassen E. Novye materialy dlya drevnejšej istorii slavyan voobshche i slavyano-russov do ryurikovskogo vremeni v osobennosti s legkim ocherkom istorii russov do Rozhdestva Hristova [New Materials for the Ancient History of the Slavs in General and the Slavonic-Rousses up to the Rurik Era, Especially With an Easy Sketch of the History of the Russes Before Christ], vol. 1-3, Moscow, Kniga po trebovaniyu Publ, 1854, 548 p.
25. Istrin V. Dohristianskaya pis'mennost' slavyan [The Pre-Christian Writing of the Slavs]. Vozniknovenie i razvitie pis'ma [The Origin and Development of the Letter]. Moscow, Nauka Publ, 1965, P. 442–466.
26. Belyashevskij N. Sluchajnye nahodki na Knyazhej gore v 1893 g. [Accidental Finds on the Princes of the Mountain in 1893 p.], Kiev, Tipografiya Korchak-Novickogo, 1894, 314 p.
27. Rybakov B. Yazychestvo Drevnej Rusi [Paganism of Ancient Russia]. Moscow, Academy of science SSSR Publ, 1987, 783 p.
28. Propp V. Russkij geroicheskij ehpos [Russian Heroic Epic]. Leningrad, Leningrad University' Publ., 1955, 552 p.
29. Drevnie rossijskie stihotvoreniya, sobrannye Kirshej Danilovym [Ancient Russian Poems Collected by Kirshah Danilov]. Moscow, Nauka Publ, 1977, 735 p.
30. Byliny [Byliny], edited by V.I. Kalugin. Moscow, Nauka Publ, 1989, 560 p.
31. Propp V. Istoricheskie korni volshebnaj skazki [Historical Roots of a Fairy Tale]. Leningrad, Leningrad University' Publ, 1986, 365 p.
32. Medvedev A. Drevnerusskie pisala X–XV vv. [Old Russian Wrote X-XV Centuries]. Sovetskaya arheologiya [Soviet Archeology], 1960, vol. 2, P. 63–88.
33. Dovgan' P. Osoblivosti pivnichno-skhidnoï ploshchadki gorodishcha litopisnogo Buzhs'ka [Features of North-eastern Ground of Site of Ancient Settlement of Annalistic Buzhska]. Visnik in-tu arheologii [Bulletin of the Institute of Archeology], 2009, vol. 4, P. 22–45.
34. Konyavskaya E., Konyavskaya S. Novgorodskie otkrytiya 2000 goda. Redakcionnyj otchet o poezdke v Novgorod 4 – 6 avgusta 2000 g. [Novgorod Discoveries of the Year 2000. Editorial Report on the Trip to Novgorod on August 4 - 6, 2000]. Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki [Ancient Russia. Questions of medieval studies], 2000, vol. 1 (1), P.119–124
35. Titov A.A. Zhitie sv. Leontiya episkopa Rostovskogo. So spiska, sdellanogo O. M. Bodyanskim iz rukopisi XV veka, prinadlezhashchej Kirillovu Novoozerskomu monastyryu [Life of sv. Leonty Bishop of Rostov. From the List Made by OM Bodyansky from the Manuscript of the XV Century, Belonging to Kirillov Novoozersk Monastery], Yaroslavl', Tipografiya Y. Stroeva, 1892, 121 p.
36. L'vov A. Eshche raz o drevnejšej russkoj nadpisi iz Gnezdova [Once Again About the Oldest Russian Inscription from Gnezdov]. Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka [News of the Academy of Sciences of the USSR. Department of Literature and Language], vol. 30, no. 1. Moscow, Nauka Publ, 1971, P. 47–52.
37. Dubov I. Novye istochniki po istorii Drevnej Rusi [New Sources on the History of Ancient Rus]. Leningrad, LSU Publ., 1990, 176 p.
38. Voronin N.N. Zhitie Leontiya Rostovskogo i vizantijsko-russkie otnosheniya vtoroj poloviny XII v. [The Life of Leonty Rostovsky and the Byzantine-Russian Relations of the Second Half of the XII Century]. Vizantijskij vremennik [Byzantine Temporary], 1964, vol. 23, P. 23–44.
39. Kiev-Pecherskij paterik [Kiev-Pechersk Paterik]. Kiïv, CHas Publ, 1991, 230 p.
40. Leont'ev A. Arheologicheskie dannye k istorii Rostovskoj eparhii [Archaeological Data on the History of the Rostov Diocese]. Goroda i vesi srednevekovoj Rusi: arheologiya, istoriya, kul'tura [Cities and Villages of Medieval Russia: Archeology, History, Culture]. Moskva-Vologda, Drevnosti Severa Publ, 2015, P. 45–52.

УДК 130.2+18+792

ВИЗУАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА СИНТЕЗА ИСКУССТВ

Смолина М. Г.

*Сибирский федеральный университет, Красноярский государственный университет им.
В. П. Астафьева, г. Красноярск, Российская Федерация*

E-mail: smomg@yandex.ru

Предметом исследования являются визуальные средства синтеза искусств. Технологии делают синтетические произведения искусства привлекательнее с визуально-зрелищной стороны (концерты сопровождаются слайд-шоу, спектакли используют видео). Визуальное восприятие синтеза искусств является первичной фазой репрезентации художественного образа (например, архитектурного, театрального, кинематографического, книгоиздательского образов) в целом, и поддерживает его на протяжении всего процесса эстетического опыта. Визуальные средства, переводя знаковую систему произведения на наглядно-образный язык, способствуют интенсификации эстетического опыта, освоению сложных произведений. Являясь доминирующим, визуальное начало вынуждает редуцировать содержание синтеза к визуальному ряду. В статье выделяются два основных вида визуальных средств синтеза искусств – это «зрелищные» и «эмпатические» средства. Визуальный язык в эмпатическом подходе является универсальным переводчиком, объединяющим языки разных видов искусств в единое целое. Визуальные средства создания образа – композиция, ритм линий и пятен, колористическая трактовка, масштабирование, костюмы и другие, – призваны быть конгениальными движению музыки, персонажей на сцене, литературному источнику. Рассматриваются модели конгениальной визуализации: конструирования, реконструкции, деконструкции ценностей.

Ключевые слова: визуальные средства, визуальное восприятие, визуализация, синтез искусств, зрелищность, художественный образ, конгениальность, эстетический опыт.

Визуальная информация считается быстрее и доступнее, доходчивее информации другого рода (вербальной, аудиальной). Рудольф Арнхейм [1] связывал визуальное восприятие с воображением и мышлением. Исследованием визуального мышления как основы теории изобразительного искусства занимались сибирские ученые В. И. Жуковский, Н. П. Копцева [2; 3; 4; 5] и их последователи. Согласно их трудам, художественный образ является в результате и процессе отношений художника и художественного материала как двух субъектов творчества. Зрелищность – это способ привлечения зрителей к произведению искусства. Согласно Н. А. Хренову, зрелище есть демонстрация чего-то необычного, не всегда связанного с сюжетом (главной идеей). При этом, важно, что восприятие осуществляется от лица коллективного – «мы» стали свидетелями этого [Хренов]. Вероятно, можно считать, что зрелищность организуется с помощью визуальных средств, таких как броскость внешнего вида, яркость цветов, огромные размеры, поражающие необычные формы. Кроме зрелищных визуальных средств есть и

другие, связанные с глубинным эмпатическим сопереживанием героям произведений, эмоциональному строю произведения. Эмпатией в психологии называют осознанное сопереживание эмоциям человека, но в данном случае это слово используется в контексте синтеза искусств, когда визуальные средства сопереживают главной идее произведения искусства. Таким образом, можно разделить визуальные средства на «зрелищные» и «эмпатические».

Современное искусство также часто обращается именно к синтезу искусств. Вместе с тем, отсутствует практика выявления разных вариантов визуальной составляющей в современных произведениях. Отсутствует как таковая методологическая проработка визуальной критики «синтетических» произведений. Именно поэтому требуется определять и анализировать визуальные средства в синтезе искусств, обобщение которых может потенциально способствовать данной разработке. Проблема заключается в том, что, анализируя произведение, в котором синтезируются виды искусства, мы сталкиваемся с целостным и живым, сложным организмом, в котором один вид может брать на себя роль другого. Например, когда реципиент взаимодействует с книгой с иллюстрациями, возможно, он ощущает, что иллюстрации тоже что-то рассказывают, таким образом, они берут на себя роль рассказчика. В архитектурно-скульптурном синтезе статуя, возможно, берет на себя конструктивную роль опоры для архитектурной балки, в то время как архитектура выглядит как монументальный «скульптурный» памятник. В концертном зале чувствуется, что освещение и декор сцены несут в себе музыкальные ритмы и интонации.

В связи с вышесказанным следует обратить внимание на такое явление, как синестезия. Под синестезией В. А. Маслова понимает «феномен восприятия, при котором раздражение одного органа чувств наряду со специфическими для него ощущениями вызывает ощущения, присущие раздражению другого органа чувств» [6, С. 84]. Связь синтеза искусств с синестезией уже отмечалась современными учеными при рассмотрении французского символизма, в котором активно взаимодействовали друг с другом музыкальное и поэтическое. В результате синтеза искусств возникает специальным образом организованное пространство для многоканального восприятия (визуального, вербального, тактильного, кинестетического). Специальное архитектурное пространство в органичной связи с декоративным украшением всех его частей, музыкальным сопровождением, особой постановкой света и колоритом, проработкой действием (театральная ритуализация действия), визуализацией смысла таинства в виде скульптуры, живописи или графики, – все это, возможно, развивает синестезию реципиента, и в итоге воздействует на отношение человека к тем или иным ценностям. Например, композитор А. Н. Скрябин мечтал о создании такой мистерии с помощью синтеза искусств, с последним аккордом которой преобразится весь мир. С помощью синтеза искусств возможно многостороннее и глубокое воздействие на реципиента, им обуславливается катарсис.

В случае произведения, построенного на синтезе искусств, субъектом творчества является определенное содружество творческих личностей с разными видениями мира, субъект-языками (следует отметить, что «субъект-язык»

искусства – это термин исследователя В. И. Жуковского, обозначающий выработку собственного художественного языка на основе переработки и изменения существующих традиций). В данном сотворческом союзе нашли преломление и видовые особенности искусства (его темпоральность, ведущий канал восприятия и др.). Возможность взаимопонимания, солидарности представителей разных видов искусств, сама по себе является ценностью, неся вдохновение и обновление сотрудничества. Именно глубокое понимание друг другом членов команды, работающей над единым произведением, создает возможность появления «эмпатических» визуальных средств.

Обратимся в связи с этим к синтетическим произведениям, в которых есть первоначальный текст как основа для организации синестезии, а также «эмпатического» типа сотворчества представителей разных видов искусств. Выбраны произведения, построенные на синтезе видов искусств и сочетающие разные модусы восприятия: это концерт «Прелюдии ушедшего времени» (Новосибирск, 2018), иллюстрации А. А. Зыкиной к прозе Л. Н. Андреева, театральная постановка «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» Красноярского драматического театра им. А. С. Пушкина.

1. «Прелюдии ушедшего времени» – это название концерта V Транссибирского Арт-фестиваля в Новосибирске, состоявшегося 20 марта 2018 года в Государственном концертном зале имени А. М. Каца. Прозвучали сочинения советских композиторов Мечислава Вайнберга и Альфреда Шнитке.

Гидон Кремер, известный латвийский музыкант, переложил 24 прелюдии Мечислава Вайнберга, предназначавшиеся изначально для виолончели (соч. 100). Вероятно, благодаря скрипке эти прелюдии зазвучали более тонко, беспокойно, пронзительно. Исполнение прелюдий сопровождалось видеоинсталляцией с черно-белыми фотографиями на тему советского прошлого. Фотографии апеллируют к культурной памяти реципиентов. Визуальное сопровождение создает историко-культурный контекст, соответствующий музыке композиторов, передавая дух и атмосферу советского времени. Используются возможности мультимедийных проекторов и цифровых программ: крупный формат портретов-«лиц», увеличенные изображения носителей живых непосредственных эмоций, заполняющих пространство сцены, «усиливающих» звуки музыки. В смене слайдов «слышны» (визуально) ритмы сердцебиения. Черно-белые фотографии Антанаса Суткуса (классика советской и литовской фотографии), возникающие и исчезающие на большом экране, соответствовали внутреннему пульсу скрипичной игры и динамике музыки. Все это синтезировало образ бессонных ночей человека, терзаемого воспоминаниями о чем-то, возможно об ушедшем прошлом. Призраки прошлого, отраженные в работах фотохудожника, были то статичны, по динамичны. Персонажи, прыгающие через лужи, или стремительно идущие куда-то против ветра, или вдруг возникающие детские лица – то задумчивые, то радостные. Паузами «звучат» фотографии рук матерей, лица героев крупным планом «глядят» в объектив, вызывая зрительный контакт с реципиентами, побуждая понять культуру прошлого.

Фотографии, содержащие напряженно-беспокойные и тревожные мотивы, под воздействием звуков скрипки приобретают даже плачущие интонации, но все же сами по себе они не являются концептами несчастного прошлого. В пространстве аудиовизуального целого это некие точки, вспышки в темноте, которые сопровождают звуки стаккато, напоминающего одновременно стук сердца и звуки шагов. Эта динамика может быть понята как движение вглубь своего сознания. Ритм гаснущих и вспыхивающих черно-белых фотографий может быть интерпретирован как ритм времени – «день» и «ночь». Здесь следует обозначить «ночь» в значении индивидуального, а «день» в значении социального существования. «Ночью» в данном контексте можно назвать пространство индивидуального осмысления дневной (социальной, исторической) жизни. Благодаря этому в концертном пространстве конструируется ценность индивидуально осмысленной и личностно интерпретированной истории, гармонии субъективного и объективного начал. Концептуально явлены «прыжки» по островкам воспоминаний. Через эмпатию к прошлому, реципиент способен экстраполировать ее и на музыку Мечислава Вайнберга. Если слушатель относится к поколению, который не может иметь собственные воспоминания о советском прошлом, что может помешать ему познакомиться с эмоциональной историей через эти насыщенные аудиовизуальные образы? Из вербального сопровождения концерта (текстовой программки) извлекается взаимосвязь в историях польско-советского композитора и латвийско-советского художника. «Войти в ушедший мир и тем самым оживить его», – так описал свое стремление Гидон Кремер в своих комментариях к программе концерта. Судя по фотографиям Анастаса Суткуса, визуальная составляющая данного проекта является ответственной за этот «вход» в ушедший мир. Но и «оживление» ушедшего мира осуществляется благодаря фотографиям, поскольку они наполнены эмоциональным содержанием. Музыка в таком случае создает отношение к прошлому, фиксируя его неоднозначность, внося больше ламентации, становясь ностальгической рамкой для визуальных произведений. Таким образом, этот пример показывает, что зрелищные визуальные средства представлены только в форме технически транслируемых слайд-шоу, крупных планов, а в основном представлена взаимодополняемость музыки и изображений, когда музыка обогащает эмоциональную атмосферу ностальгии черно-белых фотографий, а изображения демонстрируются в едином ритме с музыкой.

2. Обратимся к примеру синтеза искусств на основе вербально-визуального восприятия. Подарочное издание книги русского классика, родоначальника русского экспрессионизма Л. Н. Андреева выпущено издательством «Вита-Нова», имеет название «Иуда Искариот и другие. Повести и рассказы» (2009) [7]. Книга содержит папку с офортной сюитой, исполненной петербургским художником-графиком Анастасией Зыкиной. Открыв книгу, можно видеть не только портрет писателя и персонажей его прозы, но и автопортреты художника-иллюстратора, петербургского графика Анастасии Зыкиной. Точнее сказать, это даже не ее автопортреты, а автопортретные черты, органично вписанные в персонажей Андреева. Художник-иллюстратор говорит в своем интервью о том, что два года

«жила» с Андреевым «как с мужем», т. е. работая над книгой, она была глубоко погружена в мир писателя настолько, что даже выходить из этого состояния было не просто. График А. Зыкина использует собственные автопортретные черты как выразительный прием, позволяющий пробраться ближе к современнику.

Формула творчества петербургского графика Анастасии Зыкиной включает в себя, во-первых, самоотверженность: она идет след в след за иллюстрируемым автором до слияния с ним на уровне душевном и даже духовном (формула «муж и жена» работала не только с прозой, но и ранее с романами Ф. Достоевского, и позднее с произведениями писателя и супруга Д. Северюхина); во-вторых, это напряженные интеллектуальные и чувственные поиски своего «я» как самый ответ на вопрос, как «я» понимаю произведения литературы. Это предложение субъективно-произвольного прочтения классической литературы. Любое прочтение произведения литературы – это уже сотворчество, это одевание своего «я» в одежды, а затем и душевный строй персонажа, и духовную ауру писательского мира. Например, обратимся к иллюстрации рассказа Леонида Андреева «Тьма». Анастасия Зыкина представила себя в роли главной героини Любаши. Автопортрет, включенный в иллюстрации книг Леонида Андреева, – это конструктивный прием, служащий формированию ценности идеального сотрудничества с литературным текстом, ценности глубокого чтения с воображением. Зафиксирован тот момент, когда героиня Любаша, проститутка, сидит на полу с отуманенными алкоголем очами, курит и вглядывается в спящего незнакомца, как в некую тьму. Это момент ее смятенного состояния, в котором есть и встреча с доселе неизвестным, Неизвестностью, и еще неразвитые, но уже зачатые чувства – и ненависти, и безумной любви, и ростки будущего предательства и раскаяния одновременно. Это ключевой момент рассказа, развилка дорог сюжета, и это Анастасия Зыкина подчеркивает в визуализации, и у нее в этот момент героиня глядит в непроглядную тьму (взгляд в никуда), в ней зреют догадки, и совсем как в известном ницшеанском афоризме – «не стоит вглядываться в бездну, иначе бездна будет вглядываться в тебя», – вот этот момент, когда Тьма вошла в эту женщину, и сама женщина стала этой Тьмою. Поскольку, читая Андреева, можно убедиться – Люба (противоречивая, жестокая и любящая, верная и предательская, чистая и грешная), – это не просто героиня, а и есть жизнь во всех ее противоречиях. Особое притяжение графической работы выражается в том, что Любаша, имеющая портретное сходство с Анастасией, – это выражение напряженного усилия вглядывания художника-графика в Андреева, в его мир, в его душевно-духовный строй, а вовсе не просто ее желание пошутить, внести нотку разнообразия. Метод творчества А. А. Зыкиной построен на принципе эмпатии к персонажу: вглядываясь в Любашу, андреевскую героиню, проникнуть в ее эмоциональное и душевное состояние. Вероятно, напряженно-расслабленная, сосредоточенно-погруженная, вызывающая и подавленная одновременно, поза героини офорта А. А. Зыкиной берет истоки в искусстве модерна: можно сравнить с «Демоном сидящим» М. А. Врубеля, современника Л. Н. Андреева. Иллюстративная работа Врубеля к поэме М. Лермонтова стала высшим образцом традиции глубинного («эмпатического») иллюстрирования литературных произведений. В этом же ряду авторских

«эмпатических» примеров иллюстрации, Марк Шагал, иллюстрировавший «Мертвые души» Н. В. Гоголя, Библию, «Басни» Лафонтена, и неизменно пропускавший гоголевский, библейский или лафонтеновский миры через образность шагаловского стиля, через свое «я». Это его отличало от многих других иллюстраторов, которым были важны внешние эффекты совпадения с текстом.

Искусствоведы не даром ставят высочайшую оценку именно таким работам в области иллюстрации книг, которые не просто подробно-реалистически воспроизводят узнаваемый быт и атрибутику писательского мира, но создают пространство душевного, и даже – духовного откровения. Таким образом, конструируемые ценности в синтезе искусств вербального и визуального направления – это прежде всего ценности индивидуального видения мира. Конструируемые идеалы А. А. Зыкиной отличаются от андреевских, они являются собой личностное прочтение, хотя и глубоко проживаемые иллюстратором. Поэтому здесь следует фиксировать скорее гармонию между конструируемым и реконструируемым.

3. Синтез искусств, явленный в театральном спектакле, работает в направлении сложноорганизованного эстетического восприятия, синтезирующего вербальный, визуальный, аудиальный, кинестетический модусы. В отличие от кино, театр имеет прекрасную возможность непосредственного подключения кинэстетики: например, в постановке «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» Красноярского драматического театра им. А. С. Пушкина, зрителей приглашают на сцену в первой части спектакля, во второй части зрители занимают места в зрительном зале, а в третьей – снова оказываются на сцене. Границы «зрительного зала» и «сцены» в театральной практике с начала 20 века расплываются различными интерактивными экспериментами (в жанре перформанс, хеппенинг). В спектаклях того же красноярского театра можно заметить и другую интерактивность: в постановке по сочинениям московского концептуалиста Д. А. Пригова «Я. Другой. Такой. Страны», разрушающей данную границу между залом и сценой. Поэтому появляется актер, бегающий между рядами зрительного зала, настойчиво выкрикивающий разные слова и делающий это и среди зрителей бельэтажа, и среди зрителей партера. Герой словно «прочесал» весь зал, словно «очертил» своими движениями и голосом единство и равноправие всех «соучастников» процесса. Однако огромную роль играют и визуальные приемы. Активное использование мультимедиа-техники в современном театре и проекция огромных изображений на различные фактурные экраны в отличие от того, как это делается с обычным белым экраном в кинозалах, мы видим, например, проекцию лиц персонажей на сегчатую поверхность в постановке «Розенкранц и Гильденстерн мертвы». Это также распространенная практика, которая создает кинодраматургическое напряжение, эксплуатируя визуально-зрелищные средства кино.

Акцент на визуальной игре с масштабами (огромный король Клавдий и миниатюрная королева) обнаруживает ценности гротесковой эстетики. Визуально даны вычурные грим и прически, костюмы разных эпох, что соответствует аудиальному плану: различным музыкальным «осколкам», – все это ниспровергает

ценности классики и преподносится именно в таком разрушительном, деконструктивном аспекте.

Мизансцена с ваннами, наполненными мыльной пеной, это игра на границе визуального и тактильного. Две ванны расположены симметрично, близко к краю сцены, пена в них льется через края, в итоге – картина, искушающая зрителя гармонией, и в то же время, рокайльная по духу. Таким образом, визуализация говорит о парадоксальных сочетаниях, эклектике.

Вывернутые («вывихнутые») подобно «суставу времени» по В. Шекспиру) «перспективы» на зрителя можно заметить и в трех удочках, закинутых прямо в зрительный зал во время эпизода с рыбалкой. Перспектива – это, как и симметрия, визуальный язык классического искусства эпохи Ренессанса. Но обратная перспектива в истории изобразительного искусства в приоритете у искусства стиля Барокко и искусства эпохи Средневековья. Собственно, произведение Шекспира – это действительно и Ренессанс (поздний), и Барокко (раннее), и Средние века (в плане того, что ценности призрака отца Гамлета – все же рыцарские).

Визуальный прием пьесы «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» в постановке Красноярского драматического театра – это костюм эпохи Возрождения у Главного актера, речь которого была посвящена зависимости театральных деятелей и их деятельности от вкусов публики, и в целом в ней содержался вывод о жестокости современных нравов и безжалостности механизма трагедии. В противоречии визуального облика и вербального выступления от лица современности ощущается карнавальная ирония. Яркие картинки и эффекты «интерактивности», ориентация на широкие эстетические вкусы современного поколения зрителей (поп, рок, фолк и др.), – вполне адекватное выражение данного спектакля. Философия театра, философия искусства и публики выражена в данном синтезе искусств, деконструирует ценности классического театра, иронично являя нам режиссуру наизнанку. Деконструкция иронична и является мощным средством постижения смысла. В понимании Ж. Деррида [8] деконструкция – это игра текста против смысла, в которой текст обретает смысл. Текстом в данном случае является сама театральная постановка. Внутри нее постоянно возникает размышление о том, что такое театр, кто такой режиссер, для чего нужно театральное действо. Прием «театра в театре» из шекспировской пьесы конгениален данной идее.

Очевидно, что речь идет о снижении значения классического театра, с его устойчивой структурой и иерархией, и фиксации ценности многоканальности, подключения всех органов чувств с помощью всевозможной богатой технической оснащенности. Таким образом, это прежде всего, инструментальные ценности, однако драма как словесное и театральное произведение способна доносить те вечные ценности, которые представляет пьеса. Пьеса, абсурдистская трагикомедия, Тома Стоппарда «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» представляет «спин-офф» пьесы У. Шекспира «Гамлет, принц датский». Фактически, пьеса построена на инверсии сюжета. Шекспир создал свою знаменитую трагедию в начале XVII века, когда заканчивался век Ренессанса и начиналась волна барокко. Такого рода жанр – спин-офф – отличается карнавальной вывернутостью конструкции, когда второстепенные персонажи «раскрученного» произведения оказываются на

переднем плане, в главных ролях. Популярность спин-оффов в том, что они дают вторую жизнь любимейшему персонажу второго плана, например, в сериалах. Однако ценность данного приема состоит в том, что мы представляем важность малозаметного, эфемерного и естественного. Образно говоря, обращаем внимание на красоту полевого цветка, который погибнет под колесами театрального производства. Такая деконструкция отличается инокультурным взглядом, буддийским восприятием мира, недаром в постановке использованы элементы театра Но.

Визуальные эффекты постановки карнавально-гротескны, например, гротескна «кровь», напоминающая детскую игрушку-слизь на лице Гамлета. В этой визуальной детали содержится традиция средневекового народного фарса.

Большую роль играет и визуальное уподобление друг другу двух главных персонажей. Двойные персонажи комичны, подобно близнецам в кэрролловской «Алисе» или гоголевским Добчинскому и Бобчинскому, к тому же в этой постановке они настолько испуганы, что сами путают свои имена, потеряв идентичность, и их путают, словно они близнецы. Только Гамлет отчетливо помнит и ясно понимает, кто из них кто, что является признаком ясного сознания Гамлета. Удвоение главных героев есть символ их психологического раздвоения – желания услужить и желания жить. Смерть комических персонажей создает диссонанс и усиливает чувство тяготеющего абсурда.

Таким образом, в ходе исследования рассмотрены примеры синтеза искусств, основанных на оригинальных произведениях, исполненных в союзе творцов из разных видов искусств, изучена взаимосвязь визуализации с основным содержанием произведений. В результате следует зафиксировать, что модели визуальной составляющей в синтезе искусств таковы: 1) авторская визуализация чужого текста, 2) реконструкция прошлого с опорой на визуальную память реципиента, 3) деконструкция ценностной системы методом визуальных «осколков», т.е. внедрение инновационных культурных кодов.

Разумеется, во всех моделях есть опосредованная визуализацией реконструкция изначальной идеи автора (писателя, композитора, драматурга), но при этом есть различие в качестве реконструкции: так, в разобранном случае с вербально-визуальным единством литературы и графики речь идет не столько о реконструкции, сколько о создании «параллельного» художественного мира. Таким образом, следует назвать данную графику в большей степени оригинальной авторской визуальной интерпретацией чужого текста. В случае с иллюстрированием книги художник-график предложил скорее альтернативную конструкцию ценностей, связанную с личным прочтением и вживанием в роль. Он прежде всего эмпатичен по отношению к персонажу и миру писателя.

Вторая модель дает нам погружение в историю посредством визуального ряда. Визуальные эффекты служат интенсификации синтеза искусств, выступая «подсказывающим» средством при восприятии «сложной», «непопулярной» музыки. Визуальный ряд на концерте аккумулирует воспоминания, пробуждает чувства по отношению к прошлому и вместе с соответствующей музыкой воздействует на сознание реципиента. Речь идет о расширении аудитории и

демократизации содержания посредством визуальных средств. В этой модели делается интенсивным, но менее свободным само восприятие. Визуальное стало способом пробуждения памяти и ностальгического чувства, придавая музыкальному произведению определенность, и в тоже время несколько привязывая музыку к конкретным визуальным образам. Данная привязка основана на исполнительской эмпатии по отношению как к музыке, так и фотографии.

В идее драматурга (Т. Стоппарда) уже было заложена деконструкция композиции У. Шекспира, сама пьеса была построена как диалог культур. В постановке театра представлена мозаика культурных кодов и стереотипов театрално-синтетического пространства через смешение видимых признаков разных стилей, что дает конструктивные отступы от замысла даже современного драматурга. Визуальные приемы подчеркивали дух пьесы, ее игровое свойство, которое снимает обязательность и навязчивость, позволяет активно смешивать и карнавално искажать визуальные нормы и идеалы. Деконструкция ценностной системы методом визуальных «осколков», т. е. внедрение инновационных культурных кодов делается с целью иронической, а, следовательно, – познавательной.

Визуальная составляющая синтеза искусств является наиважнейшим средством интенсивного воздействия на зрителя, а именно оказывает влияние на образную поддержку исторической памяти реципиента, стимулирует личностное осмысление через наглядное представление индивидуального стиля прочтения текста, дает возможность интеллектуального познания посредством игры. Визуальные средства могут быть конгениальными другим языкам синтезируемых искусств, а могут быть самостоятельными, играя роль зрелищной привлекательности произведения.

Список литературы

1. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. – Москва: Архитектура-С, 2007. – 392 с.
2. Жуковский В. И. Пропозиции теории изобразительного искусства / В. И. Жуковский, Н. П. Копцева. – Красноярск: Красноярский государственный университет, 2004. – 265 с.
3. Жуковский В. И. Интеллектуальная визуализация сущности: учебное пособие / В. И. Жуковский; Краснояр. гос. ун-т. Психолог-пед. фак. – 1998. – 222 с.
4. Жуковский В. И. Чувственное явление сущности: визуальное мышление и логические основания языка изобразительного искусства: автореф. дисс... доктора философских наук / Уральский университет им. А. М. Горького [УрГУ]; Уральский университет им. А. М. Горького [УрГУ]. – 1990. – 43 с.
5. Жуковский В. И. Визуальное мышление в структуре научного познания: [монография] / В. И. Жуковский, Д. В. Пивоваров, Р. Ю. Рахматуллин; [науч. ред. Л. П. Туркин]. – Красноярск: Красноярский государственный университет, 1988. – 180 с.
6. Маслова В. А. Проблема синтеза искусств и синестезии в эстетике французского символизма // Философские науки. – 2013. – № 5. – С. 80–86.
7. Андреев Л. Н. Иуда Искариот и другие. Повести и рассказы / Л. Н. Андреев. Санкт-Петербург: Вита-Нова, 2009. – 592 с.
8. Деррида Ж. О грамматологии. – М.: Ad Marginem, 1990. – 512 с.

Smolina M. G. Visual Means in Synthesis of Arts // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 3. – P. 113–122.

The subject of the study is the visual synthesis. The technologies make synthetic works of art more attractive from the visual and spectacular side (concerts are accompanied by slide shows, performances use video). The visual perception of the synthesis of arts is the primary phase of representing an artistic image (for example, architectural, theatrical, cinematic, publishing images) in general, and supports it throughout the process of aesthetic experience. Visual means, translating the symbolic system of a work into a visual-figurative language, contribute to the intensification of aesthetic experience, the development of complex works. Being dominant, the visual principle forces to reduce the content of the synthesis to the visual series. The article distinguishes two main types of visual means of synthesizing arts - these are "spectacular" and "empathic" means. The visual language in an empathic approach is a universal translator, combining languages of different types of art into a single whole. Visual means of creating an image - composition, the rhythm of lines and spots, color interpretation, scaling, costumes and others - are designed to be congenial to the movement of music, characters on stage, a literary source. The models of congenial visualization are considered: construction, reconstruction, deconstruction of values.

Keywords: visual means, visual perception, visualization, synthesis of arts, entertainment, artistic image, congeniality, aesthetic experience.

References

1. Arnxejm R. Iskusstvo i vizual'noe vospriyatie [Art and Visual Perception]. Moscow, Arxitektura-S, 2007, 392 p.
2. Zhukovskij V. I. Propozicii teorii izobrazitel'nogo iskusstva [Propositions of the Theory of Fine Art]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State University, 2004, 265 p.
3. Zhukovskij V. I. Intellektual'naya vizualizaciya sushhnosti [Intellectual Visualization of the Essence]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State University, 1998, 222 p.
4. Zhukovskij V. I. Chuvstvennoe yavlenie sushhnosti: vizual'noe myshlenie i logicheskie osnovaniya yazyka izobrazitel'nogo iskusstva [Sensual Phenomenon of Essence: Visual Thinking and the Logical Foundations of the Language of Fine Art]: Extended abstract of doctor's thesis, 1990, 43 p.
5. Zhukovskij V. I. Vizual'noe myshlenie v strukture nauchnogo poznaniya [Visual Thinking in the Structure of Scientific Knowledge]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State University, 1988, 180 p.
6. Maslova V. A. Problema sinteza iskusstv i sinestezii v e'stetike francuzskogo simvolizma [The Problem of the Synthesis of Arts and Synesthesia in the Aesthetics of French Symbolism]. Filosofskie nauki [Philosophical Sciences], 2013, № 5, P. 80–86.
7. Andreev L. N. Iuda Iskariot i drugie. Povesti i rasskazy [Judas Iscariot and Others. Tales and Stories.]. St. Petersburg, Vita-Nova, 2009, 592 p.
8. Derrida Zh. O grammatologii [About Grammatology.]. Moscow, Ad Marginem, 1990, 512 p.

УДК 316.723

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ МОЛОДЁЖНОЙ КУЛЬТУРЫ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ

Шонус И. Х.

Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: ih.shonus@mpgu.edu

Трансформационные процессы современного российского общества довольно остро ставят вопрос о месте молодёжи в социальной системе, а также её роли в реализации механизмов культурной преемственности и развития. В связи с этим молодёжная культура становится актуальной темой научных исследований последних десятилетий в рамках таких предметно-содержательных сфер социально-гуманитарного знания, как социология, психология, культурология, социальная философия и философия культуры. Состояние молодёжной культуры, вызревание которой происходит на стыке традиционной и современной культур как таковых, приобретает сегодня важнейшую социальную значимость. Именно на ней лежит историческая ответственность за сохранение и трансляцию традиционных норм и ценностей, а также за порождение современных конструктивных смыслов в целях культурного воспроизводства и развития. Молодёжная культура представляет собой многозначный социокультурный феномен, формирование которого исследователи связывают с развитием индустриальных и становлением постиндустриальных обществ. Несмотря на признание в современных философских и социальных концепциях растущего значения молодёжи не только как объекта социальной и культурной динамики, но и как активного исторического субъекта, исследования молодёжной культуры как отдельного культурного феномена до сих пор немногочисленны. Для организации подобного исследования необходимо, прежде всего, систематизировать популярные в среде исследователей различных областей социально-гуманитарного знания, точки зрения на молодёжную культуру. Также следует выработать определение данного концепта. В соответствии с этими исследовательскими задачами, в предлагаемой статье изучается феномен молодёжи в контексте современного социального познания, осуществляется экспликация понятий «молодёжная культура», «молодёжная субкультура» и «молодёжная контркультура», проводится теоретико-методологический анализ основных подходов к изучению молодёжной культуры, даётся авторское определение данному понятию.

Ключевые слова: молодёжь, культура, молодёжная культура, субкультура, контркультура.

Молодёжная культура приобрела статус разнопланового исследовательского объекта в области современных социально-гуманитарных наук не так давно – в прошлом веке. За это короткое с точки зрения развития науки и общества время сущность молодёжной культуры как целостного социокультурного феномена не была изучена достаточно глубоко и системно. Основное исследовательское внимание уделялось молодёжи как социальной группе, анализируемой в половозрастном, социальном и социально-психологическом аспектах в работах учёных-социологов и психологов (И. В. Бестужев-Лада, Л. С. Выготский,

С. Н. Иконникова, И. С. Кон, В. Т. Лисовский, П. А. Сорокин, О. В. Степанищенко, Н. А. Чистякова и др.). Осознание уникальности и остроты современных социокультурных трансформаций, а также понимание особой роли молодого поколения в данных процессах, способствовало распространению в последние десятилетия исследований по проблемам молодёжи [1, С. 7]. Наибольшую популярность среди них приобрели исследования места молодёжи в социальной структуре общества и её ценностных ориентаций в социологическом и социально-философском ракурсах (М. Брейк, Ю. Г. Волков, В. И. Добренёв, М. В. Грядун, Ю. Н. Давыдов, Е. В. Давыдова, С. И. Левинова, А. С. Панарин, Т. Парсонс, В. П. Степанов, Т. В. Хриенко, В. В. Чернышенко и др.), проблемам взаимоотношений молодёжи и власти в политологическом и юридическом аспектах (Н. С. Бурова, И. М. Ильинский, В. М. Левин, В. К. Криворученко, В. А. Крикунова, В. В. Нехаев, Т. Г. Нехаева, С. И. Никулина, В. В. Павловский, В. Я. Суртаев и др.), молодёжи и её роли в культуре – в культурологическом измерении (Т. Вулф, А. С. Запесоцкий, Г. Маркузе, Т. Роззак, В. Я. Суртаев, Д. Сэвидж, Н. Ф. Хилько и др.) духовно-нравственного воспитания молодого поколения – в современных и классических педагогических концепциях (А. М. Виноградова, К. Гирц, Л. П. Гладких, В. А. Сухомлинский, К. Д. Ушинский и др.). Однако имеющиеся исследования молодёжной культуры как отдельного культурного феномена до сих пор немногочисленны, несмотря на очевидное признание в философских и социальных концепциях современности растущего значения молодёжи не только как объекта социальной и культурной динамики, но и как активного исторического субъекта (В. Н. Боряз, О. А. Габриелян, А. М. Гендин, Г. Г. Гольдин, С. Н. Иконникова, Е. Б. Ильянович, И. С. Кон, В. А. Луков, Т. А. Нигматуллина, Л. О. Терновая, А. Ф. Поломошнов, Э. Саар, Х. Титма, и др.). Проблемное поле, объединяющее разноплановые тематические линии исследования молодёжной культуры, требует более тщательной теоретической разработки. Учитывая это обстоятельство, **целью** данной статьи является систематизация и анализ теоретико-методологических подходов к исследованию указанного феномена как самостоятельного социокультурного явления. В соответствии с этой целевой установкой в **задачи** настоящего исследования входит изучение молодёжной культуры в контексте современного социального познания, что предполагает экспликацию понятий «молодёжная культура», «молодёжная субкультура» и «молодёжная контркультура».

Наибольшую популярность исследования молодёжной проблематики получают в середине прошлого столетия, в период активности западных молодёжных движений конца 60-х годов. В результате, в рамках предметного поля социологии закрепляется статус молодёжи как самостоятельной социальной группы [2]. Несколько позднее – ближе к концу XX века – начинают появляться исследования молодёжных субкультур (И. Н. Андреева, М. В. Блохина, Л. Г. Григорьев, А. И. Ковалёва, С. И. Левинова, В. Ф. Левичева, Е. Л. Омельченко, К. Б. Соколов, А. Н. Тарасов, Т. Б. Щепанская и др.), которые характеризуются в качестве первичной основы для формирования субъектности молодёжи, рассматриваемой, в свою очередь, как важнейший результат социализации личности, формирования

индивидуальных и общественных ценностей, определяемых социокультурной средой и закрепляемых жизненной практикой.

Пристальный исследовательский интерес к субкультурам молодого поколения, безусловно, детерминирован особенностями социальных и культурных трансформаций – становлением постиндустриального общества, процессами глобализации, политической и экономической либерализации, распространением массовой культуры, развитием технологий и коммуникаций. В данном контексте очевидное расширение проблемного поля молодёжной тематики нашло своё отражение в работах М. М. Белоусовой, С. А. Ворониной, В. В. Криницкого, Е. М. Лысенко, А. С. Магранова, Л. В. Мосиенко, В. П. Степанова, В. В. Чернышенко и многих других исследователей.

Выражение вышеупомянутого интереса имело также и важные методологические особенности. Стоит отметить, что именно на фоне изучения молодёжных субкультур происходило постепенное выделение проблематики молодёжной культуры как таковой в самостоятельную целостную тематическую линию. В связи с этим, в целом, можно выделить три основных исследовательских методологических подхода к пониманию молодёжной культуры. Первый подход мыслит молодёжную культуру как одну из относительно самостоятельных частей всеобщей (базовой) культуры, отождествляя первую с субкультурой (М. Мид, А. Кoen, З. Н. Орлова, К. Манхейм, Ф. Тенбрук, С. Эйзенштадт.); второй – трактует молодёжную культуру как контркультурное образование, т.е. противостоящее традиционной культуре (Ю. Н. Давыдов, И. Б. Роднянская, Ч. Рейч, Г. Маркузе, Т. Роззак, М. Маффесоли, Дж. Катц, К. М. Хоруженко); третий – определяет молодёжную культуру как особый культурный феномен, сформированный в лоне всеобщей культуры на пересечении её традиционных и современных форм (М. М. Белоусова, С. А. Воронина, С. И. Левикова, Е. М. Лысенко, Е. Л. Омельченко, С. П. Цаплина, Р. Э. Шпранге, Ю. В. Юхлин и др.). Именно такого методологического подхода мы будем придерживаться в нашей последующей исследовательской практике.

Таким образом, понятие молодёжной культуры значительно шире понятий молодёжной субкультуры и контркультуры и является родовым по отношению к ним. В связи с этим нельзя не согласиться с тезисом современных исследователей феномена молодёжной культуры М. М. Белоусовой, Ю. М. Мельника, О. Н. Римской и В. П. Римского о том, что «понятие «субкультура» вмещает в себя все многообразие системных формообразований в современной культуре (прежде всего, в отечественной) – базовых, креативных, маргинальных, деструктивных, антисистемных (контркультурных) и т. д.» [3, С. 40].

В современной научной литературе понятия «молодежная культура» и «молодежная субкультура» часто употребляются как синонимы. Возможно, это связано с тем, что сам термин «субкультура» утвердился в науке в середине прошлого века в связи с ростом интереса к молодёжным движениям, т.е. изначально был связан с молодёжью как таковой. Несмотря на то, что его трактовка претерпела серьёзную эволюцию и теперь он используется для обозначения всякой «подсистемы» культуры (Н. Г. Багдасарян, И. А. Беляев, и Н. А. Беляева и др.) само

понятие «молодёжной субкультуры» зачастую отождествляется с понятием «молодёжной культуры». Так, к примеру, рассуждает О. М. Глушакова: «Единое поле современной культуры распадается на множество ценностно-нормативных подсистем благодаря все большему усложнению социальной структуры... Субкультура – это особая сфера культуры, суверенное целостное образование внутри господствующей культуры, отличающееся собственной системой ценностей, обычаями, нормами, традициями. Особое место среди разнообразных субкультур современного общества принадлежит молодёжной субкультуре как специфическому, характерному только для этой социальной группы, способу поведения, общения, проведения досуга, представления о мире, воплощаемом в особом молодёжном образе жизни... Сама молодёжь не рассматривает себя как однородную группу (ни по взглядам, ни по стилю жизни, ни по возрасту). Вся эта масса людей дробится на свои субкультуры. Они создают свои стили и свою моду, свою культуру» [4].

Это отождествление приводит к значительному сужению проблематики, в связи с чем от внимания исследователей ускользает комплексный исследовательский объект – молодёжная культура, понимаемая в широком философском смысле слова, которая нередко сводится к конкретным субкультурным феноменам. С целью выработки системного анализа молодёжной культуры, следует развести данные понятия. Прежде всего, необходимо дать собственное определение концепту молодёжной культуры, выступающему базовым в нашем исследовании, а также осуществить его соотношение с понятиями молодёжной субкультуры и контркультуры.

Системное понимание культуры, которое получило своё обоснование в трудах основоположников культурной антропологии Л. Уайта, Э. Б. Тайлора, Б. К. Малиновского, а также таких отечественных учёных, как М. С. Каган, Э. С. Маркарян, А. Я. Флиер и многих других, ставшее уже традиционным для современной культурологии и философии культуры, позволяет нам эксплицировать понятия «молодёжной культуры», «молодёжной субкультуры» и «молодёжной контркультуры». Любая система как таковая предполагает подсистемную стратификацию, т.е. наличие подсистем (субсистем) и субэлементов. В контексте нашего исследования молодёжная культура может быть представлена как одна из относительно обособленных по отношению к доминирующей (всеобщей, базовой) культуре её подсистем. Молодёжную субкультуру можно рассматривать как самостоятельную субсистему молодёжной культуры, а молодёжную контркультуру – как один из субэлементов самой молодёжной субкультуры.

Следует обратить внимание на тот факт, что в современной социологии, культурологии и социальной философии уже сложилось разделение понятий «молодёжной культуры», «молодёжной субкультуры» и «молодёжной контркультуры». К примеру, М. М. Белоусова утверждает, что «молодёжная культура – это система ценностей и знаний молодых людей, связанных с определенным статусным положением в системе социокультурного воспроизводства. Она формируется как результат сложной системы взаимодействия разнообразных молодёжных субкультур, контркультур, социокультурных

гомогенных сред и «культуры для молодых», распространяемой в их среде» [5, С. 220]. В. Т. Лисовский разделяет данные понятия так: «молодежная культура» – это создаваемая старшим поколением «культура для молодых», имеющая массовый характер, нацеленная на молодежного потребителя, а субкультура – это «...культура определенного молодого поколения, обладающего общностью стиля жизни, поведения, групповых норм, ценностей и стереотипов» [6, С. 335]. С. И. Лёвикова приводит несколько различий этих понятий, противопоставляя, вслед за социологами, молодёжную культуру как массовое явление, характерное и открытое для всех, как «культуру для молодых», созданную «отцами» для «детей» и «молодежную субкультуру» – как явление элитарное, закрытое, как «культуру молодых», создаваемую молодёжью для самой себя [7]. Классическая трактовка понятия молодёжной контркультуры, основы которой были заложены Теодором Роззаком и обозначены в качестве способа протестного мирозерцания молодёжи начала XX века [8], дополнилась новым смысловым содержанием в виде различных типов конфликтного мировосприятия современного молодого поколения. В современной культурологии и философии культуры молодёжная контркультура выступает одной из разновидностей молодёжной субкультуры, отрицающей ценности и нормы базовой доминирующей культуры.

Для более чёткого разделения указанных понятий можно использовать методологию демаркации понятий культуры, субкультуры и контркультуры, популярную в современной культурологии. Она хорошо представлена в трудах И. А. Беляева и Н. А. Беляевой, которые отмечают: «Зрелая, доминирующая здесь и сейчас, сопряженная с социальными реалиями, то есть встроенная в социокультурную действительность традиционная культура конкретной этносоциальной общности с некоторой мерой условности может быть названа официальной или базовой... В становлении базовой культуры можно выделить субкультурные и контркультурные составляющие, которые являют собой разнонаправленные пути генерирования культурных инноваций. Первые из них отражают и определяют процесс позитивного, вторые – негативного развития культурного организма... Субкультура – компонент целостной системы культуры, являющий собой “суверенное целостное образование внутри господствующей культуры”, частный случай ее саморепрезентации, обладающий большим или меньшим индивидуальным своеобразием... Контркультуру, в отличие от субкультуры, характеризует изначально-сущностная оппозиционность относительно базовой культуры, неприятие ее идеалов и, как следствие, противостояние ей» [9, С. 9–10].

Экспликация понятий культуры субкультуры и молодёжной контркультуры дана в рамках синергетического осмысления динамики культуры как таковой Е. М. Лысенко, схожей по своей методологической структуре на диалектическую. Автор концепции соотносит эти понятия с понятием культуры посредством тернарной системы «симметрия – дисимметрия – асимметрия» (по аналогии с гегелевской триадой «тезис – антитезис – синтез»). Культура как совокупность устойчивых традиций и кодов, а также определённых институтов, существует в равновесном состоянии и отражает симметрию. Однако, для культурного развития

требуется обновление, которое предполагает выход из равновесия и переход к асимметрии в форме контркультуры. Наибольшую роль в этом процессе, по мнению исследователя, играет чувствительная в социально-психологическом плане молодёжь, которая чаще подвержена различного рода «деформациям сознания» и поведения – правового, ценностного, нравственного. В неблагоприятной среде «синергетический эффект» усиливается – происходит обострение недостатков личностного развития и воспитания молодёжи, что приводит к замыканию контркультуры на себя по жёсткому тоталитарному типу. Так система культуры переходит в своё отрицание – контркультуру. Однако и данное неравновесное состояние не существует бесконечно, и в какой-то момент для отрицания контркультуры появляется субкультура, представляющая собой явление дисимметрии. Она и порождает новую культуру. В этом процессе одним из главных субъектов выступает молодёжь [10, С. 155].

Изучение особенностей молодёжной культуры в интересующем нас ракурсе предполагает также анализ имеющихся в отечественной и зарубежной социальной науке ключевых теоретических подходов к её исследованию. Следует отметить, что российский исследовательский опыт обсуждаемой проблематики значительно моложе, чем иностранный. Данное обстоятельство связано со спецификой советского периода социально-исторического развития и политического устройства нашего государства, установившего жёсткие идеологические рамки во всех сферах жизни общества. В таких условиях любые формы социальной и культурной активности молодёжи были под чутким государственным контролем, а единственной официальной молодёжной организацией был комсомол. Естественно, это отразилось и на характере исследовательской практики, посвящённой молодёжной тематике. На западе к середине прошлого столетия уже сложилось целое направление научного поиска – социология молодёжи [11], в рамках которого, как уже писалось выше, получают разработку различные аспекты феномена молодёжных субкультур. В отечественной науке интерес исследователей к этой проблеме начинает уверенно заявлять о себе лишь к началу 90-х годов на фоне перестроечных реформ советского общества, нацеленных на демократизацию и либерализацию его социальной, политической и экономической сфер [12].

Довольно распространённой исследовательской позицией при анализе молодёжной культуры является противопоставление её доминирующей культуре. В её рамках довольно сложно провести демаркацию между культурными, субкультурными и контркультурными явлениями. Эта позиция исходит из традиционной проблемы «отцов и детей», развиваемой в рамках социологической теории конфликта поколений, концептуальные основы которой были заложены К. Гроссом, Ж. Манделем, Г. Маркузе, Л. Фойером, Ж. Эллюлем, и др. Данная тематика и сегодня не утрачивает свою социальную остроту, однако, конфликтологический подход к изучению молодёжной культуры является одним из множества теоретико-методологических инструментов, абсолютизация эвристической роли которого может привести к избыточной одноаспектности научных результатов. Чтобы избежать подобной исследовательской

ограниченности, следует провести анализ комплекса имеющихся в современном социогуманитарном знании теоретических подходов к молодёжной культуре.

Традиции исследования молодёжной культуры имеют наибольшую теоретическую представленность в рамках социологического дискурса. Как справедливо подчёркивает Омельченко Е., провести чёткие границы подходов к исследованию молодёжной проблематики в контексте западной социологии молодёжи довольно непросто. Гораздо проще дело обстоит с советской научной литературой, выражавшей идеологизированную позицию по отношению к молодёжной культуре, которая была представлена в связи с этим крайне односторонне. Феномены молодёжной культуры, существовавшие за рамками установленной социально-идеологической «нормы», объявлялись «неформальными субкультурами», признавались девиантными или криминогенными и практически не изучались. Не попадали под научный анализ и представители обычной молодёжи, не входившей в комсомольские и пионерские организации, не имевшие отношения к «строительству коммунизма» [13, С. 10].

Междисциплинарный характер феномена молодёжной культуры, с одной стороны, а также наличие различных теоретических дискурсов его исследования, породило достаточно широкий и разнородный спектр научной литературы по данной проблематике. Её систематизация и анализ представляют собой непростую задачу. Несмотря на это, можно с определённой долей условности выделить такие ключевые подходы к изучению молодёжной культуры, сформулированные на основе учений отдельных школ и направлений различных социально-гуманитарных дискурсов, как: социологический, идеологический, культурологический, культурно-антропологический, социально-философский, междисциплинарный подходы.

Социологический подход к молодёжной культуре включает исследования функционализма, Чикагской школы, классовой и гендерной теорий. Функционалистский взгляд на молодёжную культуру развивает Толкотт Парсонс, одним из первых употребивший сам термин, который он отождествил с понятием молодёжной субкультуры. Рассматривая молодёжь как отдельную социальную группу, существующую в обществе на пересечении двух ценностно-мировоззренческих систем – традиционной и современной, он утверждал, что молодёжная культура выполняет важнейшую функцию в процессе социализации, – поддержки общественной системы в сбалансированном состоянии. Опыт старшего поколения в деле получения детьми новых «взрослых» статусов и ролей уже не актуален. Это обстоятельство может угрожать социальной стабильности, считал учёный. Молодёжная культура в таком качестве выступает неким адаптационным механизмом для молодого поколения, и стабилизационным инструментом – для общественной системы.

Традицию функционализма в исследовании культуры молодого поколения продолжил Шмуэль Эйзенштадт. Социолог развивал мысль о том, что посредством молодёжных культурных практик они готовятся к будущей жизни вне семьи, примеряют на себя новые социальные роли. Молодёжная культура, по словам Эйзенштадта, представляет собой особое пространство, в котором молодёжь обретает себя и своё место в социальной реальности. Исследователь рассматривал

молодёжные субкультуры в качестве «возрастных групп» и их интересов, подчеркивая, что все они имеют общую социально-психологическую природу, являются инструментами перехода в мир взрослых [14, С. 325]. В связи с этим он, как и все функционалисты, не видели необходимости выделять какие-либо субкультуры по любым основаниям, считая их равноправными составляющими молодёжной культуры в целом, выполняющими одни и те же функции в обществе – интегрирующую, адаптационную. Таким образом, с позиций функционалистского подхода молодёжная культура – это явление социально значимое и позитивное.

Классовая теория в исследовании молодёжной культуры распространялась как в отечественной, так и зарубежной социальной науке. Представители Бирмингемской школы Т. Джефферсон, Ф. Коэн, Дж. Мангэм, Дж. Пирсон, П. Уиллис, С. Холл, Д. Хэбдидж изучали молодёжную культуру как форму выражения культуры определенного социального класса [15].

Чикагская школа социологии (Р. Гиллис, Д. Макгуиган, Р. Парк) исследовала популярные в начале прошлого века в Великобритании и США молодёжные урбанистические субкультуры, сформировавшиеся на базе преступных группировок.

Гендерная теория молодёжной культуры развивалась в работах таких социологов, как А. МакРобби и Д. Гардер, которые анализировали исключительно женские подростковые субкультурные практики. Б. Худсон обосновывала данную исследовательскую позицию ограниченностью мужского подхода к анализу молодёжной культуры [см. 13].

Идеологический подход развивался на базе марксистско-ленинской коммунистической идеологии и отражал культурную деятельность комсомольских организаций.

Культурологический подход основывается на современных исследованиях молодёжной культуры в её соотношении с традиционной, т.е. доминирующей культурой. Он хорошо представлен в работах отечественных ученых: И.В. Бестужева-Лады, Ю.Г. Волкова, П.С. Гуревича, Ю.Н. Давыдова, Б.С. Ерасова, С.Н. Иконниковой, Е.М. Лысенко, В.Я. Суртаева, С.П. Цаплиной, Т. Б. Щепанской, Ю.В. Юхлина и мн. др.; зарубежных учёных: Д. Сэвиджа, Т. Розака и др.)

Культурно-антропологический подход исследует молодёжную культуру в контексте анализа культурных моделей и образцов (Р. Бенедикт, Ф. Боас, К. Гирц, А. Кребер, М. Мид и др.).

Социально-философский подход рассматривает молодёжную культуру в контексте становления индустриального и постиндустриального социальных порядков (Д. Колеман, В. Коллинз, К. Манхейм, Г. Маркузе, Ч. Рейч, Ф. Тенбрук, Е. Фостер др., современные отечественные авторы: М. М. Белоусова, С. А. Воронина, А. С. Запесоцкий, С.П. Цаплина и др.). Молодежную культуру как социальный феномен индустриальных обществ, эволюция которых объясняется переходом общественных систем от статического к динамическому состоянию, изучал К. Манхейм. В работе «Диагноз нашего времени» он писал, что статичные общества опираются в основном на опыт старших поколений, пренебрегая потенциалом молодежи. Динамичные системы же взаимодействуют с молодёжной

культурой, воплощающей смешанные ценности, и в значительной степени соответствующей быстрым социальным изменениям.

Междисциплинарный подход объединяет различные дискурсы в исследовании молодёжной культуры – социологический, криминологический, политологический, культурологический, психологический, культурно-антропологический, философский.

Например, на стыке социологии культуры и криминологии развивается делинквентный междисциплинарный подход, который рассматривает молодёжную культуру через призму анализа молодёжных субкультур как девиантных социальных явлений (М. Брейк, В. Калхов, Р. Кловард, Д. Матца, Л. Олин, Ф. Г. Сайкс, Л. Смит-Ловин, Ф. Трэшер и др.) [16].

Майкл Брейк указывает на то, что сам феномен молодёжных субкультур, опирающихся на ценности и нормы, детерминирующие преступное поведение, связан с попытками разрешения молодёжью острых социальных проблем, являющихся результатом противоречий в самой структуре общества [см. 17].

На пересечении социально-философского, социологического и культурологического подходов была разработана постмодернистская трактовка молодёжной культуры. В её рамках изучаются проблемы досуга, потребления, масс-медиа, их роли в формировании субъективности молодого поколения и отражения данных и сопутствующих явлений и процессов в молодёжных культурных практиках (К. Гелдер, Д. Магглтон, С. Майла, У. Руперт и др.). [18].

Выводы.

Популярность молодёжной проблематики в современном социальном познании очевидна и подтверждается разноплановыми исследованиями. В последнее время в исследовательской среде всё чаще предпринимаются попытки изучения феномена молодёжной культуры. С методологической точки зрения можно выделить три основных подхода к её пониманию. Первый подход рассматривает молодёжную культуру как одну из относительно самостоятельных частей всеобщей культуры, отождествляя первую с субкультурой; второй определяет её как контркультурное образование, а третий – трактует молодёжную культуру в качестве особого культурного феномена, зародившегося на пересечении традиционных и современных культурных форм и практик.

Системное понимание культуры как таковой позволило нам эксплицировать понятия «молодёжной культуры», «молодёжной субкультуры» и «молодёжной контркультуры», что оказалось необходимым шагом на пути к комплексному изучению молодёжной культуры в философском смысле слова, т.е. в нередуцированном виде. Молодёжная культура рассматривается нами как одна из относительно обособленных по отношению к доминирующей культуре её подсистем; молодёжная субкультура – как самостоятельная подсистема молодёжной культуры, а молодёжная контркультура – как один из субэлементов самой молодёжной субкультуры.

Выделенные и систематизированные нами теоретические подходы к исследованию молодёжной культуры (социологический, идеологический, культурологический, культурно-антропологический, социально-философский,

междисциплинарный) позволили раскрыть её специфику с различных сторон. Несмотря на это, как видно из проведённого нами анализа внушительного массива научной литературы по данной проблематике, попытки осмыслить молодёжную культуру в качестве целостного и относительно самостоятельного социокультурного феномена, существующего в рамках доминирующей культуры, и испытывающего влияние актуальных трендов современности, всё ещё крайне немногочисленны. Первым и важным методологическим шагом на этом пути, с нашей точки зрения, должно быть системное определение молодёжной культуры, учитывающее, прежде всего, не различные контексты её существования и развёртывания, а саму её сущность. Следующий шаг – это изучение молодёжной культуры в современном социокультурном пространстве, с выявлением основных вызовов и угроз транзитивного общества, а также анализом её потенциала в вопросах противостояния им. Эта задача выходит за рамки данного исследования, в связи с чем, ограничимся формулировкой определения молодёжной культуры. Под молодёжной культурой мы будем мыслить многозначное понятие, раскрывающееся в системе таких существенных признаков, как:

- воплощение молодёжной субъектности;
- принадлежность к доминирующей в обществе культуре в качестве одного из её элементов, существующих на пересечении её традиционных и современных форм;
- совокупность норм, ценностей, смыслов, и основанных на них образцов, институтов и результатов деятельности молодёжи, обеспечивающих её уникальность и устойчивость как отдельной социально-демографической группы, определяющих её роль и место в социуме и мире в целом, оказывающих значительное влияние на динамику общественного развития.

Список литературы

1. Габриелян О. А., Ильянович Е. Б. Молодёжь в динамике культурных и общественных трансформаций / О. А. Габриелян, Е. Б. Ильянович // Молодёжь VS культура: духовно-нравственное воспитание: / [под. ред. О. А. Габриеляна]. – Симферополь: Издательство «ЧП Предприятие Феникс», 2011. – 148 с.
2. Аубакирова Г. Х. Молодежь в капиталистических странах: объективные условия и субъективные факторы политической социализации / Г. Х. Аубакирова. – М.: Изд-во Москов.ун-та, 1988. – 45 с.
3. Белоусова М. М. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках (на примере молодёжной культуры) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Философия. Социология. Право. – № 8 (63). – 2009. – С. 30–41.
4. Глушкова О. М. Теоретические аспекты анализа субкультуры // «Архитектон: известия вузов». – Вологда. – 2014. – № 26. URL: http://book.uraic.ru/project/conf/txt/005/archvuz26_pril/32/template_article-ar=K21-40-k24.htm (Дата обращения 14.11.2018).
5. Белоусова М. М. Молодежная культура в современном обществе // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. – 2007. – №9 (40). – С. 217–221.
6. Лисовский В. Т. Социология молодёжи: учебник [Текст] / В. Т. Лисовский. – СПб.: СПбГУ, 1996. – 460 с.
7. Левикова С. И. Молодежные субкультуры и объединения. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Levikova_Molodezhnie.pd (Дата обращения 14.11.2018).

8. Рошак Т. Истоки контркультуры = The Making of a Counter Culture: Reflections on the Technocratic Society and Its Youthful Opposition (англ.) русск. / Пер. О. А. Мышакова. – М.: АСТ, 2014. – 384 с.
9. Беляев И. А. Культура, субкультура, контркультура / И.А. Беляев, Н.А. Беляева // *Духовность и государственность. Сборник научных статей. Выпуск 3; под ред. И.А. Беляева.* – Оренбург: Филиал УрАГС в г. Оренбурге, 2002. – С. 5-18.
10. Лысенко Е.М. Молодежная субкультура: синергетическое осмысление феноменов / Е.М. Лысенко; под ред. В. Б. Самсонова. – Саратов: Науч. кн., 2006. – 229 с.
11. Волков Ю.Г., Добренков В.И. и др. Социология молодежи: учебное пособие / Волков Ю.Г., Добренков В.И. [и др.]. – Ростов н/Д: Феникс, 2001. – 576 с.
12. Никулина О.В. Молодежная субкультура: за и против / О.В. Никулина. – М., 1985. – 270 с.
13. Омельченко Е. Молодёжные культуры и субкультуры / Е. Омельченко. – М.: Ин-т социологии РАН, 2000. – 262 с.
14. Eisenstadt S.N. From Generation to Generation: Age Groups and Social Structure / S.N. Eisenstadt. – N.Y.: The Free Press, 1966; London: Collier – Macmillan Ltd. – 357 p.
15. Hall S., Jefferson T. Resistance through Rituals: Youth Subcultures in Post-War Britain / Hall S., Jefferson T. – London: Hutchinson, 1975. – 253 p.
16. Cloward R., Lloyd O. Delinquency and Opportunity / R. Cloward, O. Lloyd. – New York: Free Press, 1960. – 157 p.
17. Brake Michael. Comparative Youth Culture: The Sociology of Youth Subcultures in America, Britain and Canada / Michael Brake. – London: Routledge and Kegan Paul. – 228 p.
18. Muggleton D., Rupert W. The Post-subcultures Reader/ D. Muggleton, W. Rupert. – Oxford, UK: Berg, 2003. – 138 p.

Shonus I. Kh. The Concept and Essence of Youth Culture: the Basic Approaches // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 3. – P. 123–134.

The transformation processes of modern Russian society raise the question of the place of youth in the social system, as well as its role in the implementation of mechanisms of cultural continuity and development. In this regard, youth culture has become an actual topic of scientific research of recent decades in the framework of such subject-content areas of social and humanitarian knowledge as sociology, psychology, cultural studies, social philosophy and philosophy of culture. The state of youth culture, the maturation of which takes place at the junction of traditional and modern cultures as such, acquires the most important social significance today. It bears the historic responsibility for the preservation and embodiment of traditional norms and values, as well as for the creation of a modern constructive means of reproduction and development of culture. The historical responsibility for the preservation and transmission of traditional norms and values, as well as for the creation of modern constructive meanings for the purposes of cultural reproduction and development, lies precisely with it. Youth culture is a multi-valued sociocultural phenomenon, the formation of which researchers associate with the development of industrial and the emergence of post-industrial societies. Despite the recognition in modern philosophical and social concepts of the growing importance of youth, not only as an object of social and cultural dynamics, but also as an active historical subject, studies of youth culture as a separate cultural phenomenon are still few. To organize such research, it is necessary, first of all, to systematize the points of view on youth culture, which are popular among researchers in various fields of social and humanitarian knowledge. A definition of the concept should also be developed. In accordance with these objects of research, the article examines the problem of youth in the context of modern social cognition, provides an explanation of the concepts of "youth culture", "youth subculture" and "youth counterculture", conducts theoretical and methodological analysis of the main approaches to the study of youth culture, gives the author's definition of this concept.

Keywords: youth, culture, youth culture, subculture, counterculture.

References

1. Gabrielyan O.A., Il'yanovich E.B. Molodezh' v dinamike kul'turnykh i obshchestvennykh transformatsii [Young People in the Dynamics of Cultural and Social Transformations]. Molodezh' VS kul'tura: dukhovno-nravstvennoe vospitanie; [Youth VS Culture: Spiritual and Moral Education]. Ed. by O.A. Gabrielyan. Simferopol, Publisher PE Enterprise Phoenix, 2011, 148 p.
2. Aubakirova G.Kh. Molodezh' v kapitalisticheskikh stranakh: ob'ektivnye usloviya i sub'ektivnye faktory politicheskoi sotsializatsii [Young People in Capitalist Countries: Objective Conditions and Subjective Factors of Political Socialization]. Moscow, Publishing house of Moscow university, 1988, 45 p.
3. Belousova M.M. Metodologiya issledovaniya subkul'tur v sotsial'no-gumanitarnykh naukakh (na primere molodezhnoi kul'tury) [Methodology of Research of Subcultures in the Social Sciences and Humanities (on the Example of Youth Culture)]. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo. [Scientific Gazette of Belgorod State University. Philosophy. Sociology. Right.], № 8 (63), 2009, p. 30-41.
4. Glushkova, O.M. Teoreticheskie aspekty analiza subkul'tury [Theoretical Aspects of the Analysis of Subcultures]. Arkhitekton: izvestiya vuzov [Architect: news of universities]. Vologda, 2014, № 26. URL: http://book.uraic.ru/project/conf/txt/005/archvuz26_pril/32/template_article-ar=K21-40-k24.htm (Accessed: 14 November 2018).
5. Belousova M.M. Molodezhnaya kul'tura v sovremennom obshchestve [Youth Culture in Modern Society]. Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo [Scientific statements of BelSU. Series: Philosophy. Sociology. Right], 2007, №9 (40), p. 217-221.
6. Lisovskii, V.T. Sotsiologiya molodezhi: uchebnik [Sociology of youth: textbook], SPb, SPbSU Publ., 1996, 460 p.
7. Levikova S.I. Molodezhnye subkul'tury i ob'edineniya [Youth Subcultures and Associations]. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Levikova_Molodezhnie.pd (Accessed: 14 November 2018).
8. Roshak T. Istoki kontrkul'tury. The Making of a Counter Culture: Reflections on the Technocratic Society and Its Youthful Opposition (angl.) russk. [The origins of the counterculture. The Reflections on the Technological Society and the Youthful Opposition]. Moscow, AST, 2014, 384 p.
9. Belyaev I.A., Belyaeva N.A. Kul'tura, subkul'tura, kontrkul'tura [Culture, Subculture, Counterculture]. Dukhovnost' i gosudarstvennost'. Sbornik nauchnykh statei [Spirituality and Statehood. Collection of Academic Articles]. Orenburg, a branch of the UrAHS in Orenburg, №3, 2002, p. 5-18.
10. Lysenko E.M. Molodezhnaya subkul'tura: sinergeticheskoe osmyslenie fenomenov [Youth subculture: a Synergistic Understanding of the Phenomena]. Ed. by Samsonov. Saratov, Scientific book, 2006, 229 p.
11. Volkov Ju.G., Dobren'kov V.I. and other Sotsiologiya molodezhi: uchebnoe posobie [Sociology of Youth: Study, Guide]. Rostov on D, Phoenix, 2001, 576 p.
12. Nikulina O.V. Molodezhnaya subkul'tura: za i protiv [Youth Subculture: Pros and Cons]. M., 1985, 270 p.
13. Omel'chenko E. Molodezhnye kul'tury i subkul'tury [Youth cultures and subcultures]. Moscow, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, 2000, 262 p.
14. Eisenstadt S.N. From Generation to Generation: Age Groups and Social Structure. N.Y., the Free Press, 1966; London, Collier – Macmillan Ltd., 357 p.
15. Hall S., Jefferson T. Resistance through Rituals: Youth Subcultures in Post-War Britain. London, Hutchinson, 1975, 253 p.
16. Cloward R., Lloyd O. Delinquency and Opportunity. New York, Free Press, 1960, 157 p.
17. Brake Michael. Comparative Youth Culture: The Sociology of Youth Subcultures in America, Britain and Canada. London, Routledge and Kegan Paul, 228 p.
18. Muggleton D., Rupert W. The Post-subcultures Reader. Oxford, UK, Berg, 2003, 138 p.

Сведения об авторах

Биялова Л. М. – аспирант кафедры философии, культурологии и гуманитарных дисциплин ГБОУВО РК Крымский университет культуры, искусств и туризма, г. Симферополь. E-mail: lenara_77@mail.ru

Винчковский Е. В. – соискатель кафедры социальной философии Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва. E-mail: vinchkovskiy@gmail.com

Зарапин О. В. – доцент каф. философии социально-гуманитарного профиля, КФУ имени В.И. Вернадского, г. Симферополь. E-mail: zaraoleg@yandex.ru

Ирхин А. А. – д-р полит. н., доцент, заведующий кафедрой политологии и международных отношений Севастопольского государственного университета, г. Севастополь. E-mail: alex.irhin@mail.ru

Казина Н. В. – заслуженный работник культуры Республики Крым, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, соискатель кафедры культурологи, г. Симферополь. E-mail: nika.7710@mail.ru

Козлов М. Н. – д-р ист. н., профессор кафедры истории института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета, г. Севастополь. E-mail: kmn_75@mail.ru

Кудрин С. К. – магистрант кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь. E-mail: ward_93@mail.ru

Максимова Е. Н. – д-р полит. наук, доцент, Севастопольский государственный университет, профессор кафедры политология и международных отношений, г. Севастополь. E-mail: astarta_05@mail.ru

Меджитов М. Э. – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Крымского инженерно-педагогического университета, г. Симферополь. E-mail: marlen1802@rambler.ru

Смолина М. Г. – к. филос. н., докторант, г. Красноярск, Сибирский федеральный университет, доцент кафедры культурологии; доцент, г. Красноярск, Красноярский государственный университет им. В. П. Астафьева, доцент кафедры музыкально-художественного образования, доцент. E-mail: smomg@yandex.ru

Третьяк С. С. – студент 2 курса магистратуры кафедры политических наук и международных отношений, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь. E-mail: sergey280497@mail.ru

Чудинова Е. М. – магистрант кафедры философии, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет. E-mail: chudolena2@mail.ru

Шапиро О. А. – к. филос.н., доцент кафедры философии социально-гуманитарного профиля, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь. E-mail: shapiro.olha@gmail.com

Шонус И. Х. – проректор по социальной работе и комплексной безопасности Московского педагогического государственного университета. E-mail: ih.shonus@mpgu.edu

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Зарапин О. В. «Дружественный агон» как специфика коммуникации в философском диалоге	3
Казина Н. В. Философские основания учения о музыкальном этосе: понятие культурного смысла	12
Кудрин С. К., Чудинова Е. М. Проблема влияния мировоззрения Марсея Дюшана на его творчество	21
Шапиро О. А. Аргументативные паттерны электронной текстовой культуры	30

ПОЛИТОЛОГИЯ

Винчковский Е. В. Группизм в современных моделях национальной политики	42
Ирхин А. А. Внешняя политика руководства Партии справедливости и развития Турции и геополитические интересы России	51
Максимова Е. Н. Неконвенциональное политическое участие в западной и отечественной политической науке: сравнительный подход	63
Меджитов М. Э. Конфликтность как черта современной Верховной Рады Украины: причины, содержание и социальные последствия	74
Третьяк С. С. Характер современной политической культуры стран мусульманского мира	83

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Биялова Л. М. Смысловые особенности культурного контекста сакральной исламской архитектуры	92
Козлов М. Н. Первые школы Древней Руси	99

Смолина М. Г. Визуальные средства синтеза искусств	113
Шонус И. Х. Понятие и сущность молодёжной культуры: основные подходы	123
Сведения об авторах.....	135
Содержание.....	137

About the Authors

Bilyalova L. M. – Post-graduate student of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Humanitarian Disciplines GBOUVO RK Crimean University of Culture, Arts and Tourism, Simferopol. E-mail: lenara_77@mail.ru

Chudinova E. M. – graduate student of Philosophy Department, Perm State University, Perm. E-mail: chudolena2@mail.ru

Irkhin A. A. – Doctor of Political Science, Associate Professor, Chairman of the Department of Political Science and International Relations of Sevastopol State University, Sevastopol. E-mail: alex.irhin@mail.ru

Kazina N. V. – Honored Worker of Culture of the Republic of Crimea, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadsky University, Competitor of the Department of Culturology, Simferopol. E-mail: nika.7710@mail.ru

Kozlov M. N. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the History Department, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol. E-mail: kmn_75@mail.ru

Kudrin S. K. – graduate student of Philosophy Department, Perm State University, Perm. E-mail: ward_93@mail.ru

Maksimova E. N. – Doctor of Political Sciences, associate Professor, Sevastopol State University, Professor of the Political Science and International Relations Department, Sevastopol. E-mail: astarta_05@mail.ru

Medzhitov M. E. – Senior Lecturer at the Department of Social Studies and the Humanities Senior Lecturer of Crimean Engineering and Pedagogical University. E-mail: marlen1802@rambler.ru

Shapiro O. A. – Candidate of Philosophical Science, Associate Professor of the Department of Philosophy of Social and Humanitarian Profile, Crimean Federal V. I. Vernadsky University, Simferopol. E-mail: shapiro.olha@gmail.com

Shonus I. Kh. – Vice-Rector for Social Work and Integrated Security of Moscow State Pedagogical University. E-mail: ih.shonus@mpgu.edu

Smolina M. G. – Candidate of Philosophical Sciences, Doctoral Candidate, Krasnoyarsk, Siberian Federal University, Associate Professor at the Department of Cultural Studies; Docent; Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State University V.P. Astafieva, Associate Professor of the Department of Music and Art Education, Associate Professor of VAK. E-mail: smomg@yandex.ru

Tretyak S. S. – 2nd course magistracy student of Political Sciences and International Relations Department, Crimean Federal V.I. Vernadskiy University, Simferopol. E-mail: sergey280497@mail.ru

Vinchkovsky E. V. – Applicant of the Department of Social Philosophy of the Russian State Humanitarian University, Moscow. E-mail: vinchkovskiy@gmail.com

Zarapin O. V. – associate professor, Crimean Federal V. I. Vernadsky University, Simferopol. E-mail: zaraoleg@yandex.ru

CONTENT

PHILOSOPHY

Zarapin O. V. The “Friendly Agon” as a Specificity of Communication in Philosophical Dialogue	3
Kasina N. V. Philosophical Foundations of the Doctrine on Musical Ethos: the Concept of Cultural Meaning	12
Kudrin S. K., Chudinova E. M. The Problem of Influence of the World View of Marcel Duchamp on his Creativity	21
Shapiro O. A. Argumentative Behavior in the Context of Electronic Textual Culture	30

POLITICAL SCIENCE

Vinchkovskiy E. V. Groupism in modern models of national politics	42
Irkhin A. A. The External Policy of the Justice and Development Party of Turkey and Geopolitical Interests of Russia	51
Maksimova E. N. Unconventional Political Participation in Western and Domestic Political Science: a Comparative Approach	63
Medzhitov M. E. Proneness to Conflict as the Trait of Modern Ukraine’s Verkhovny Rada: Reasons, Content and Social Consequences.....	74
Tretiak S. S. The Nature of the Modern Political Culture of the Muslim World ..	83

CULTUROLOGY

Bilyalova L. M. Semantic Features of the Cultural Context of the Sacral Islamic Architecture	92
Kozlov M. N. The First Schools of Ancient Russia	99
Smolina M. G. Visual Means in Synthesis of Arts	113

Shonus I. Kh. The Concept and Essence of Youth Culture: the Basic Approaches	123
About the authors	139
Content	142